

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

**РУССКИЕ МАСОНЫ
И РЕВОЛЮЦИЯ**

«ТЕРРА» - «TERRA»
1990

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

РУССКИЕ МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

**Редактор-составитель
Ю. Фельштинский**

**«ТЕРРА» - «TERRA»
1990**

ББК 63.3 (2) 524
Н 63

B. I. Nikalevsky

**RUSSIAN MASONS
AND REVOLUTION**

Edited by Yuri Felshtinsky

**Ассоциация совместных предприятий международных
объединений и организаций.
Издательский центр «ТЕРРА»**

Copyright 1990 by Chalidze Publications

РУССКИЕ МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя	5
Б. И. Николаевский	
Русские масоны в начале XX века	7
Записки о масонстве	
Запись беседы с А. Я. Гальперном	49
Запись беседы с Е. П. Гегечкори	76
Запись беседы с Н. С. Чхеидзе	82
Запись беседы с П. Н. Милюковым	90
Запись беседы с Н. Д. Соколовым	94
Запись беседы с Т. А. Бакуниной	99
Запись беседы с М. С. Маргулиесом	100
Приложение. Из зачеркнутого	101
Запись беседы с В. Я. Гуревичем	101
Запись беседы с Г. Аронсоном	102
Приложение. Разговор с Б. Гуревичем	103
Запись беседы с В. М. Шахом	105
Заметки	107
Из писем	109
Приложения	
Д. Бебутов. Русское масонство XX века	125
Г. Аронсон. Масоны в русской политике	148
Митрополит Антоний. Послание о масонстве	173
Масоны в эмиграции. Из бумаг Н. П. Вакара	181
Именной указатель	201

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящее издание включен ряд материалов, относящихся к истории русского масонства. Кроме статьи Б. И. Николаевского «Русские масоны в начале XX века», книга содержит интервью о масонстве, записанные Николаевским, некоторые его заметки и выдержки из переписки, касающиеся масонов. Как приложения в книгу включены глава из мемуаров видного масона Д. Бебутова, статья Г. Аронсона «Масоны в русской политике», опубликованная в газете «Новое русское слово» 8 — 10 и 12 октября 1959 года, послание о масонстве митрополита Антония и некоторые из бумаг масона Н. П. Вакара, касающиеся деятельности русских масонов в эмиграции во Франции в двадцатые годы. Все эти документы хранятся в фонде Б. И. Николаевского в архиве Гуверовского института (Станфордский университет, Калифорния, США) и публикуются с любезного разрешения администрации архива. Часть главы из мемуаров Бебутова, включенная в эту книгу, ранее была опубликована Н. Берберовой как приложение в ее работе «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (США, 1986, стр. 183 — 193). В настоящем издании текст этого опубликованного отрывка воспроизводится по архивному экземпляру. Архивные номера публикуемых материалов следующие: фонд Б. И. Николаевского, ящик 518, папка 25; ящик 719, папки 1 — 5, 7 — 12; ящик 104, папка 12.

Несколько слов о собирателе коллекции, насчитывающей более восьмисот коробок, историке Борисе Ивановиче Николаевском (1887-1966). Сын священника, учился в гимназии в Самаре, а затем в Уфе. В 1903-1906 годах — большевик, затем меньшевик. В 1904 году, будучи гимназистом,

впервые арестован за принадлежность к молодежному революционному кружку, судим за хранение и распространение нелегальной социал-демократической литературы. В тюрьме провел около шести месяцев. В общей сложности до революции арестовывался восемь раз, на короткие сроки. Дважды отпущен по амнистии 1905 года, и лишь в третий в первую русскую революцию арест приговорен, наконец, к двум годам. Бегал из тюрем, три раза ссылался. Революционной деятельностью занимался в основном в Уфе, Самаре, Омске, Баку, Петербурге, Екатеринославе. В 1913-14 годах работал в легальной меньшевистской «Рабочей газете» в Петербурге. После революции, в 1918-20 годах, как представитель ЦК меньшевиков ездил с поручениями от партии по всей России. С 1920 года — член ЦК партии меньшевиков. В феврале 1921 года, вместе с другими членами ЦК меньшевистской партии, арестован и после одиннадцатимесячного заключения выслан из РСФСР за границу. В эмиграции (в Германии, Франции и США) продолжал принимать активное участие в политической деятельности партии меньшевиков. Постановлением от 20 февраля 1932 года лишен, вместе с рядом других эмигрантов, советского гражданства.

В эмиграции Николаевский продолжал собирать архивные материалы, главным образом посвященные революционному движению в мире; стал известным и признанным историком, публицистом, экспертом по архивам, социалистическому движению, истории советской компартии; написал книгу об Азефе («История одного предателя. Террористы и политическая полиция»). Каждый, кто работает сегодня с коллекцией Николаевского, не может не быть благодарен этому необыкновенному человеку.

Юрий Фельштинский

**РУССКИЕ МАСОНЫ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Вопрос о русских масонах начала XX века — о характере и задачах их организации, о роли, сыгранной ими в той общей революционной и оппозиционной работе, которая подготовила ликвидацию старого режима, — является, бесспорно, одним из наиболее сложных и спорных в ряду всех тех спорных вопросов, которые стоят теперь на очереди, дожидаясь своего разрешения, перед историками общественных движений в предреволюционной России. О нем недостаточно будет сказать, что он совершенно не обследован в нашей исторической литературе, — его в этой литературе еще и не попытались поставить. Единственная статья, в которой вообще упоминается о масонах тех лет, — я говорю сейчас о статьях исторического характера, — это анонимная статья об «Охоте за масонами», напечатанная в № 4 «Былого» за 1917 год. Но она и вопроса по существу не затрагивает: написанная человеком, явно с недоверием относящимся ко всем вообще сообщениям о существовании масонских организаций в предреволюционной России, она ценна лишь постольку, поскольку дает фактический материал об определенном моменте деятельности Департамента полиции, — почти анекдотических похождениях некоего «ассессора Алексева», который был в 1910 г. командирован этим Департаментом в Париж для проведения там расследования о разрушительных замыслах масонов французских и об их связях с масонами русскими.

Но совершенно еще не поставленный в литературе *исторический* этот вопрос давно уже поставлен и усиленно обсуждается в *политической* литературе определенного лагеря, — я говорю о лагере крайне правом. Принадлежащие к этому лагерю авторы создали уже довольно обширную литературу, потратив немало усилий для того, чтобы раскрыть перед миром всю глубину козней «жидомасонского заговора», которому они приписывают руководящую роль во всем вообще русском революционном движении. Нельзя сказать, чтобы эта литература ни с какой точки зрения не представляла интереса для историка. Наоборот, уже теперь можно утверждать, что в известных отношениях ее интерес несомненен: в зарубежной печати последних лет вскрыто, например, что весьма важную роль в создании этой литературы сыграл такой видный деятель охранной полиции, каков был Рачковский, а потому ее не сможет обойти своим вниманием будущий историк российского «мира мерзости и запустения». Но для изучения вопроса о русском масонстве по существу вся эта литература не только ничего не дает, но и определенно играет роль затемняющего фактора: имеющиеся в ней крупницы правды так безнадежно тонут в огромной массе злостной лжи и бредовых измышлений столь специфического характера, что вся она в целом только отталкивает беспристрастного читателя, вызывая у него, в качестве первой и более чем естественной реакции, желание как можно дальше отойти от этой темы, вокруг которой переплелось так много нечистых и нечестных интересов.

Это желание отойти, повторяю, больше чем естественно. Но едва ли нужно доказывать, что на нем не может, не имеет права остановиться историк. Если верно, что масонская организация существовала в России в предреволюционные годы, нося по существу определенно политический характер и играя известную роль в политической жизни страны (а все дальнейшее изложение покажет, что в этом не может быть никаких сомнений), то для исчерпывающего выяснения картины крушения старого режима изучение истории этой организации, ее задач и внутренней жизни является делом столь же необходимым, как и изучение истории всех других политических организаций и групп того периода.

Но разработка истории масонской организации в настоящее время связана с совершенно исключительными трудностями. Историк, который берется теперь за эту тему, принужден будет работать, не имея абсолютно никаких доступных ему источников: в литературе не известны ни документальные данные об этой организации, ни мемуары ее деятелей, ни даже та элементарная газетная информация, которая так часто бывает полезна исследователю при работе в других, даже значительно более богатых источниками, областях. Единственным исключением является упомянутая выше литература крайнего правого лагеря, но по указанным уже причинам пользоваться ею совершенно невозможно.

Это исключительное отсутствие материалов объясняется абсолютной законспирированностью масонской организации в России. В то время как все другие политические организации, существовавшие нелегально в дореволюционной России, скрывая от внешнего мира в интересах полицейской безопасности ряд сторон своей внутренней жизни и прежде всего свой персональный состав, свои политические задачи формулировали открыто и в пределах возможности стремились к открытому же ведению своей политической работы, — масонская организация не только конспирировала все без исключения стороны своей деятельности, но и облекала тайною самый факт своего существования. Мне не известно ни одного случая, когда эта организация как таковая выступила более или менее публично перед внешним миром с заявлением о своем существовании и о своих задачах: ни одного случая, когда кто-либо из ее членов публично же признал факт своей принадлежности к ней¹.

Подобная сугубая законспирированность только отчасти объяснялась требованиями масонской традиции — на Западе, как известно, масонские организации не делают тайны из факта своего существования и не скрывают своих общих задач и целей. Особая законспирированность русских масонов в гораздо большей степени была обусловлена теми специфически русскими задачами и методами воздействия на внешний мир, которые, как я постараюсь показать ниже, были усвоены масонской организацией в России. Надо признать, что результаты в известной степени оправдали стремление русских масонов к усиленной законспириро-

ванности — им в общем и целом удалось сохранить тайну своего существования и анализ «разоблачений» крайней правой печати показывает, что о действительном положении дела в масонской организации за период 1910-1917 гг. они не имели никаких точных сведений. По-видимому, не имел о нем сведений и Департамент полиции, так как в противном случае, при руководящем участии видных деятелей Департамента в этой «разоблачительной» кампании, его сведения несомненно были бы вынесены в литературу.

Тайну своей организации деятели русской масонской организации продолжают хранить и в настоящее время, — хотя, конечно, те основания, которые имелись у них до революции, по существу все отпали. Ни один из них до сих пор не только не дал подробного рассказа о жизни масонской организации, но и даже простого признания факта своей принадлежности к последней. Некоторые из них писали иногда обширные воспоминания о своей политической деятельности, но и в этих воспоминаниях все связанное с масонством обойдено молчанием.

Причину этого молчания в данное время, как мне приходилось слышать от ряда деятелей масонской организации, является опасение своими рассказами сыграть на руку той кампании правой печати, о которой я говорил выше. Они боятся, что даже простое подтверждение ими факта существования масонской организации придаст некоторую тень правдоподобия пущенной этой печатью легенде о масонстве как о главном закулисном конспираторе и руководителе русской революции.

С основательностью этих опасений согласиться ни в коем случае нельзя. Конечно, рассказ о деятельности масонской организации может быть использован ее политическими врагами — вообще нет таких мемуаров политического деятеля, которые при желании не могли бы быть использованы политическими противниками мемуариста. Но послужить основанием для укрепления упомянутой легенды такого рода рассказ о деятельности масонской организации ни в коем случае не может. Не надо забывать, что эта легенда уже создана и что ее питает и усиливает именно та сугубая тайна, которой окружили масонскую организацию ее деятели, — что именно эта тайна создала благоприятную почву для всех тех

нелепых вымыслов в отношении ее, которые не могли бы привиться ни к одной другой политической организации, даже более активной и революционной. И если серьезно говорить о борьбе со злосчастной легендой, то нет для этого лучшего средства, как раскрытие полной правды о масонской организации, — о том, чем она была в действительности, какие задачи ставила перед собою, как развертывала свою работу, как воздействовала на внешний мир. Этим путем легенде, вместо голого отрицания или упорного замалчивания, — мало убедительных при наличии ряда иных свидетельств, — будет противопоставлена правдивая картина, сводящая действительную роль масонской организации до относительно скромной роли одной из многих политических групп, по-своему боровшейся против старого режима, — притом группы, не отличавшейся ни особой активностью, ни исключительным влиянием, и во всех отношениях далеко уступавшей основным политическим группировкам, действовавшим в то время более или менее открыто.

Эти соображения дают основание полностью отвести все те соображения политического характера, которые выдвигаются деятелями масонской организации против опубликования данных о деятельности последней: со всех точек зрения изучать ее историю мы имеем такое же право, как и изучать историю всех других политических партий и союзов той эпохи. Но, конечно, они отнюдь не уменьшают трудностей, стоящих на пути такого изучения.

Прежде чем перейти к этому последнему по существу, я должен сделать некоторые замечания личного характера о материалах, которыми я пользовался при составлении настоящего очерка.

Автор этих строк не только никогда не был масоном, но и вообще в сношения с таковыми вступал исключительно как историк, интересующийся различными моментами в давнем и недавнем прошлом нашего общественного движения. Таким образом, весь дальнейший рассказ — не показания очевидца, а лишь очерк, составленный на основании таких показаний, полученных мною от других лиц, имевших прямое или косвенное отношение к масонской организации. Такого рода показания я собирал в течение целого ряда лет, пользуясь при этом только теми источниками, которые я имел и имею

все основания считать заслуживающими полного доверия, и по мере возможности их друг другом проверяя. В числе лиц, сообщавших мне данные о масонской организации, были между другими и лица, входившие в руководящий центр этой последней и бывшие в курсе основных моментов ее жизни. Целый ряд моментов, о которых я здесь говорить не могу и не стану, заставляет меня полагать, что эти рассказы были правдивы и полны, давая в общем и целом верную и полную картину жизни организации, *поскольку рассказчики сами ее наблюдали*. При всем том очерк мой отнюдь не может претендовать на сколько-нибудь исчерпывающее значение: не говоря уже о провинциальных и вообще периферийных ответвлениях организации, с жизнью которых хорошо знакомы только их непосредственные члены (конспирация в известных пределах выдерживалась и внутри масонского братства), есть ряд моментов в жизни центральной масонской организации, относительно которых мои рассказчики по тем или иным причинам сами не обладали нужными сведениями. Попытки восполнить эти пробелы путем опроса остальных деятелей организации окончились неудачей, так как многие из них, ссылаясь на указанные выше соображения об опасности публикации данных о масонской организации, отказались дать нужную информацию.

Ввиду всего этого нарисованная мною в дальнейшем картина жизни и развития масонской организации, несомненно, далеко не исчерпывающе полна; весьма возможно, что в отдельных случаях в нее вкрались и неточности — все, кому приходилось работать над мемуарной литературой, знают, что часто даваемое мемуаристами, — а тем более рассказчиками — описание событий и особенно их освещение бывают субъективны и не точны, и как нуждаются они в проверке по документам. В данном случае эта последняя была совершенно невозможна, т. к. официального письменного делопроизводства у масонов не велось и даже частные записи отдельным участникам были запрещены. Правда, иногда это правило не соблюдалось; мне известен, например, один частный архив, в котором хранится значительное количество материалов о масонских организациях; но и эти материалы относятся к не интересующему меня теперь периоду после-революционному, когда правила конспирации масонами

соблюдались, очевидно, менее строго. Поэтому очевидно, что будущему историку даваемую мною схему возникновения и развития масонской организации в России придется во многом исправлять и дополнять. Тем не менее, я полагаю, что *общие черты* ее мне удастся наметить верно, — во всяком случае в тех пределах верно, в каких это необходимо для первой попытки вынесения вопроса в историческую литературу.

Не считаясь с общими соображениями деятелей русских масонских организаций о нежелательности вынесения в печать вопроса об этих последних вообще, я счел, однако, для себя необходимым считаться с их мнением относительно опубликования *фамилий* деятелей этих организаций. Это ограничение существенно препятствует работе по выяснению роли и размеров всякой организации вообще, — это мы можем видеть по тем очеркам о деятельности революционных организаций, которые изданы еще до революции (напомню хотя бы «Очерки развития русской социал-демократии» Акимова); для организаций масонских оно особенно существенно, так как по ее характеру и по методам воздействия на окружающую среду личные качества ее деятелей играли особенно важную роль. Тем не менее, по ряду легко понятных соображений я счел обязательным считаться с возражениями заинтересованных лиц и в дальнейшем я не назову ни одной фамилии лиц, причастных к масонской организации. Правда, в некоторых случаях даваемые мною фактические указания о *деятельности* масонской организации будут весьма близко подводить к *фамилиям* ее членов, но по мере возможности я буду избегать и этого.

II

После закрытия масонских лож в 1822 году масонство в России долгое время не могло привиться наново. Отдельные масоны, правда, в России, по-видимому, никогда не переводились. Мне известно, например, указание, что в одной интеллигентски-дворянской московской семье масонство в течение нескольких поколений переходило от отца к сыновьям, создав таким образом своеобразную семейно-масонскую традицию. Но во всех этих случаях масонами бывали

только отдельные единицы, формально в масонские ложи входившие лишь за границей. Переносить масонскую деятельность на русскую почву они, кажется, никогда не пытались, — по крайней мере мне не удалось получить ни одного указания на такую их деятельность или хотя бы на простой факт существования в те годы масонских лож в России вообще. Общественно-политических задач масоны этих лет перед собой, по-видимому, вообще не ставили, увлекаясь обрядово-созерцательными сторонами масонства, — обстоятельство, делающее этих масонов-одиночек явлением, едва ли не совершенно лишенным интереса для историка общественных движений в России, даже если брать этот термин в самом широком смысле этого слова.

Но уже в те годы интерес к масонству возникал и в совершенно других русских кругах, отнюдь не склонных к душевспасительной созерцательности: есть указания, что над вопросом о возможности использовать *форму* (или, быть может, *фирму*) масонства в интересах освободительного движения в России задумывались и некоторые деятели определенно революционного лагеря. Так, например, несомненно, что в середине 60-х годов, т. е. в годы своих наиболее неустойчивых идейных мечтаний, с подобной идеей одно время носился Бакунин².

Интерес к масонству со стороны несомненных революционеров в известном отношении вполне понятен. Надо знать, что при общей, отнюдь не революционной сущности западноевропейского масонства, в истории его был ряд моментов, когда оно левым своим крылом тесно соприкасалось с радикальными, порою даже социально-реформаторскими течениями своих эпох. Так было, например, во Франции середины 40-х годов, когда парижская газета, редакторами которой были Ледрю-Роллен и Флокон, а в числе сотрудников состояли Энгельс, Бакунин и др., интересовалась масонским движением и, обращаясь к масонам, настойчиво рекомендовала им постановку на обсуждение в ложах вопроса о «несчастном положении пролетариата»; этот совет упал на благодарную почву, и, созванный ла-рошельской ложею «Совершенного Единства» масонский конгресс 1845 г. действительно разбирал «вопрос о бедных и о средствах, которыми можно было бы остановить развитие бед-

ноты». Левые симпатии в середине 40-х гг. пробивались и в германском масонстве, — особенно в южных ложах, — несмотря на свойственную вообще говоря этому последнему консервативность настроений. Очень широко масонство было распространено среди буржуазно-демократических элементов французской, немецкой, венгерской и др. эмиграций периода после 1848 года, в то время как масонство французское и немецкое вообще в этот период переживало определенно реакционный уклон. Общественный подъем 60-х гг. отразился особенно сильно на масонах французских, — борьба последних в 1862–63 гг. с диктатурой принца Мюрата внутри масонства была одним из наиболее значительных фактов начинавшейся общей борьбы против Второй Империи.

В последние годы масонские ложи во Франции часто были определенными очагами формирования радикальных группировок, — интересно отметить, что, по свидетельству ряда деятелей парижской коммуны, масоны были той общественной средой, которая определенно сочувствовала коммунарам в дни версальских расправ. Масоны же играли видную роль в «Лиге мира и свободы» конца 60-х гг., так что Бакунин, идя на съезды последней, по существу все еще оставался в орбите масонских связей. О радикальных течениях в масонстве итальянском я уже не говорю: в эпоху борьбы Италии за независимость эти течения господствовали там настолько безраздельно, что смогли даже создать подлинную традицию масонского радикализма, удержавшуюся и много позднее, — не случайно масоны в Италии так ненавистны фашистам наших дней.

В этих условиях удивляться надо не тому, что у некоторых из русских революционеров, имевших случай столкнуться за рубежом с подобными течениями в масонстве западноевропейском, появились мысли о перенесении масонского движения в Россию, об использовании этой формы организационного строительства в интересах революционного движения русского, а тому, что подобные мысли приходили в голову только единицам, не находя для себя в течение долгого времени сколько-нибудь плодотворной почвы. Ибо ни одного случая перехода от планов к делу — к организационному строительству в рамках и формах масонства за весь XIX век установить не удастся³.

Как более или менее серьезное явление, заслуживающее внимания историка, русское масонство начало возрождаться только в первые годы XX века.

Первоначальным ядром этого возрождающегося русского масонства явилась группа лекторов и руководителей известной Русской высшей школы социальных наук, существовавшей в 1901-1905 гг. в Париже.

В эти годы масонство французское переживало период своего, быть может, наивысшего подъема. Оно почти открыто отказалось от старых масонских традиций, давно уже, впрочем, не соблюдавшихся во всей их чистоте, относительно полного воздержания от всякого участия в политической борьбе⁴ и не довольствуясь изгнанием «Верховного Зодчего» (псевдоним, под которым в старом масонстве фигурировала идея личного божества) из своих собственных статуты, активно вмешалось в политическую борьбу в качестве силы, — говоря словами новейшего историка французского масонства, — «систематически враждебной всякой религии»⁵.

Но в те годы «религия» в лице элементов, объединявшихся вокруг различных религиозных организаций, была главным оплотом реакции во всех областях французской общественно-политической жизни, — в школе, в армии, в администрации. Ввиду этого борьба с реакцией всюду приводила к борьбе с «религией», с клерикальными элементами — во Франции она развевывалась по этой линии в течение почти целого десятилетия после дела Дрейфуса. Роль масонства в этой борьбе была очень и очень велика — по существу оно было душою всей той кампании воинствующего антиклерикализма, которой история судила стать, быть может, последней определенно прогрессивной акцией уходящего с политической арены французского мелкого буржуа. Своего апогея политическая роль масонства достигла в период министерства Комба — в эти месяцы, как показала известная история с фишками⁶, масонские организации выполняли функции правительственных органов.

Эта политическая активность масонства в те годы сильно импонировала радикально-демократической французской интеллигенции — именно сочувствие последней обеспечило

масонству тот рост его организации, о котором говорит только что цитированный историк французского масонства. Она же привлекла к масонству усиленное внимание и русской радикальной интеллигенции, группировавшейся в те годы вокруг Русской высшей школы в Париже. Именно к этому времени относится вступление сравнительно большого количества представителей этой интеллигенции во французские масонские ложи.

По своим партийно-политическим взглядам значительное большинство этих примкнувших к французскому масонству русских интеллигентов было близко к «Союзу Освобождения», но лишь немногие из них позднее играли роль в рядах партии «Народной свободы» (конституционно-демократической) — большинство расплылось по мелким группировкам вроде радикально-демократической партии, партии демократических реформ и т. д. Представителей русских социалистических партий (социал-демократической и социалистов-революционеров) тогда среди масонов, по-видимому, совершенно не имелось.

Особых специально русских лож в этот период — до октября 1905 г. — поскольку удастся выяснить, создано не было. По-видимому, в этом не ощущалось и потребности: русские интеллигенты в это время становились масонами не для того, чтобы в этой форме вести какую-либо политическую работу в России, а для того, чтобы лучше постичь тайну политических успехов своих французских политических единомышленников, интимнее, ближе с ними сойтись. Вопрос об использовании для русского движения организационного опыта западноевропейского масонства в этот период если и вставал, то не получил еще разрешения — во всяком случае, масонства специально русского в эти годы как явления сколько-нибудь заметного на русской общественно-политической арене не появлялось. Но определенную — с точки зрения интересов русского освободительного движения, несомненно положительную роль — участие русских во французских масонских ложах сыграло уже тогда: постоянное общение русских и французских масонов на почве совместной работы в ложах содействовало ознакомлению последних с характером и задачами русского освободительного движения и привлекало их симпатии на сторону

русской революции. Значение этого момента нам будет достаточно ясно, если напомнить, что среди руководителей возникшей как раз в те годы «Лиги защиты прав человека и гражданина» были обильно представлены элементы, тесно связанные с французским масонством, а роль, сыгранная этой «Лигой» в деле популяризации идей русского революционного движения среди широких слоев населения Западной Европы, достаточно общеизвестна, чтобы о ней следовало говорить подробнее.

IV

Октябрьская амнистия 1905 г. открыла двери России почти перед всеми старыми эмигрантами — в том числе и перед теми эмигрантами и полуэмигрантами либерального лагеря, которые группировались вокруг парижской школы. Вернулись в Россию и те из них, которые в Париже вступили в масонские ложи; и судя по всем имевшимся в моем распоряжении указаниям, именно к этому времени, зиме 1905-06 гг., относится и оформление русских масонов в самостоятельную организацию. Как было обставлено это оформление со стороны обрядовой, мне точно установить не удалось — обрядовая сторона русского масонства, я должен это теперь же оговорить, для меня остается вообще и до сих пор наименее выясненным пунктом в истории русского масонства. Известно только, что русские ложи были утверждены Великим Востоком Франции, представитель которого даже специально с этой целью приезжал в Петербург. Так именно эту дату — 1906 г. — следует считать формально первым годом возрождения масонских организаций в России, — после почти 85-летнего перерыва.

К новым условиям своего существования русское масонство, однако, приспособилось далеко не сразу, — в течение первых 3-4 лет оно как бы еще только нащупывало для себя место в русской жизни, среди действующих в России общественно-политических группировок.

Дело было далеко не легкое.

Старые задачи, которые вставали перед русскими масонами в предыдущий, парижский, период их существования теперь, при перенесении деятельности в Россию, сходили

почти на нет: роль посредников между русским и западноевропейским либерализмом и радикализмом самостоятельные, действующие на русской почве ложи могли играть только в весьма и весьма небольших пределах. Возможность приспособленчества к существовавшей тогда «действительности» — склонность к каковому, вообще говоря, масонству была свойственна во все века — была исключена с самого начала благодаря сугубо подозрительному отношению властей, загонявших масонов в глубокое подполье. Это же подполье предохранило масонские организации от вырождения в кружки аполитичных собеседников на религиозно-философские темы — для этого не идут в нелегальные организации: масонство русское могло исчезнуть, но не могло выродиться в этом направлении. Если оно хотело существовать, то могло существовать только как определенно политическая организация, имеющая то или иное политическое лицо, преследующая те или иные политические задачи.

Русское масонство пошло этим последним путем. После некоторого периода колебаний идеология его политических руководителей оформилась в приблизительно следующем виде: серьезным препятствием для дела политического раскрепощения России является раздробленность, существующая в левом лагере. Взаимная борьба различных партий и фракций ослабляет силу общего натиска на самодержавие, поэтому прежде всего и важнее всего достичь хотя бы элементарного согласования действий групп прогрессивного лагеря. Но попытки прямого согласования деятельности этих групп, все прямые между ними партийно-политические переговоры неизменно кончались до сих пор неудачами⁷ — очевидно, при существующем взаимном недоверии этих группировок подобный путь согласования деятельности следует считать исключенным. Надо искать новых форм для такого согласования. Не может ли ее дать масонская организация? Она является организацией вне- и над-партийной; на ее собраниях могут встречаться руководители всех групп, о которых может идти речь при постановке вопроса о согласовании деятельности левых партий, но встречаться они будут не как представители враждующих или по меньшей мере конкурирующих партий, а как члены одной и той же орга-

низации, требующей от них братского отношения друг к другу.

Эти мысли, при всей их шаткости в ряде отношений, в те годы получили относительно широкое распространение и обеспечили русскому масонству сочувствие очень многих общественно-политических деятелей. В числе таких сочувствующих был, например, П. А. Кропоткин, о котором мне известен следующий эпизод.

Около 1909-1910 гг. один интеллигент, тогда видный социал-демократ с большевистскими симпатиями, хотя, правда, и не принадлежавший к числу активных деятелей подпольной организации, которому как раз в то время было сделано предложение вступить в масонскую организацию, обратился к П. А. Кропоткину (его он знал и раньше) с просьбой сформулировать свое отношение к этому вопросу. Ответ Кропоткина, устный, был таков (привожу его в редакции, которая мною записана со слов указанного интеллигента, причем этот последний ручался за точность *смысла* своей передачи):

«Теперь, — говорил Кропоткин, — классовое расслоение прошло так глубоко, что есть серьезная опасность, что радикальные элементы из рабочих и из буржуазных классов не смогут в нужный момент сговориться между собою относительно действий, выгодных для обеих сторон. Ибо если соответствующее предложение будет сделано рабочими, то буржуазия побоится своим согласием усилить позицию рабочих; если же с подобным предложением выступят буржуазные группы, то так же к нему отнесутся рабочие. Поэтому я полагаю, что в такое время создание организаций, в которых представители радикальных элементов из рабочих и нерабочих классов могли бы встречаться на нейтральной почве, было бы очень полезным делом».

Эта беседа — замечу здесь же — убедила указанного интеллигента, и он не только сам вошел в ложу и стал вообще играть видную роль в масонской организации, но и привлек некоторых из своих знакомых.

Я не буду говорить здесь ни о слабых местах этих логических построений, ни о том, как они характерны для понимания раздвоенности политической идеологии Кропоткина, — мне сейчас важно только проследить ход мыслей

руководителей русского масонства, и слова Кропоткина важны как созвучный им резонанс в окружающей среде.

Распространению подобных взглядов в определенных кругах сильно поспособствовала роль, сыгранная масонскими организациями в разразившейся как раз в то время турецкой революции — этот момент вообще сыграл значительную роль в развитии масонской организации русской.

Подобная идеология у некоторых деятелей русских масонских лож сложилась к 1909-1910 годам, но для придания этим последним желательного политически-активного характера их следовало предварительно во многом перестроить. Дело в том, что за парижский период масонства прием в ложи производился без особого разбора — во Франции масонство уже давно было организацией вполне легальной, соображения конспирации при приеме новых членов ей были совершенно чужды. В результате в число русских масонов тогда попал не только целый ряд лиц, которые неминуемо должны были явиться совершенно лишним и вредным балластом при тех новых задачах, которые перед русским масонством хотели поставить его реформаторы периода 1909-10 гг.⁸, но и лица в политическом отношении определенно ненадежные⁹. Необходимо было очистить организацию от всех подобных элементов. Эта «чистка» была проведена в форме роспуска русских масонских лож: членам их было сообщено, что полиция напала на след русских масонских лож¹⁰, и что грозит репрессией, а потому необходима самоликвидация.

V

На деле этот роспуск был фиктивным, прикрывая проводимую реорганизацию русских масонских лож. И действительными членами после этой реорганизации остались только люди вполне надежные и по своим взглядам на задачи русской масонской организации более или менее единомышленные. Реформированная организация приняла еще более замкнутый, конспиративный характер, — гораздо более выдержанный, чем масонские организации периода до этой реформы. Теперь такая конспиративность была необходима не только в целях предохранения организации от

преследования полиции, но и для сохранения тайны ее существования от тех деятелей левого лагеря, которых по тем или иным причинам в организацию эту не вводили. Это было необходимо для того, чтобы организация могла выполнять поставленную перед нею основную политическую задачу: в рамках масонских лож согласование, хотя бы в известных пределах, деятельности лидеров различных политических групп могло проводиться успешно лишь постольку, поскольку не вовлеченные в масонскую организацию деятели этих групп не догадывались что являются до некоторой степени объектами ведущейся в тайне от них политической игры. Раскрытие этой тайны вызвало бы настороженное отношение немасонов к масонам — это и наблюдалось в действительности несколько позднее в жизни конституционно-демократической партии, когда факт принадлежности некоторых ее влиятельных членов к масонской организации стал секретом полишинеля для их коллег по руководящим учреждениям партии и когда это явилось причиной трений полуличного, полуполитического характера внутри означенных учреждений.

Поэтому тайна масонских лож охранялась теперь с величайшей осторожностью — приемы старой масонской конспирации для этого были привлечены на помощь опыту русского революционного подполья. Вся эта сторона масонства, которая была разработана за долгие годы его нелегального и полуполигального существования, была восстановлена — конечно, в модернизированных, соответствующих духу времени, формах. В организации существовали клятвы, «испытания» новых «братьев», вопрос о каждом новом кандидате предварительно тщательно рассматривался в ложах, о нем собирали сведения не только в отношении его политической благонадежности, но и моральной выдержанности, стойкости, верности раз данному слову. Все то в масонстве, что противоречило требованиям строгой конспирации, было изгнано из обихода русских лож; так, например, было упразднено ведение протоколов о заседаниях, всякого рода письменное делопроизводство было вообще отменено; и едва ли не единственным документом, хранившимся в писанном виде, был статут русских лож; он хранился особенно тщательно, его давали для прочтения каждому новому члену после его принятия в ложу, но копий с него снимать не позволялось¹¹.

Сам прием новых членов протекал в следующих формах: после того, как в заседании ложи выдвигалась какая-нибудь новая кандидатура, признаваемая ложей целесообразной с политической точки зрения, вопрос о ней тщательно разбирался со стороны личных качеств кандидата; для этого особому лицу поручали составить его подробную характеристику, собрав о нем все нужные сведения. Эта характеристика докладывалась в одном из следующих заседаний ложи, причем все члены последней, знавшие нового кандидата с той или иной стороны, обязаны были сообщить в заседании все известные им данные, как положительного, так и отрицательного характера. Если в итоге всего этого обсуждения прием лица, кандидатура которого была выдвинута, признавался желательным, то кому-нибудь из старых членов ложи, знакомых с новым кандидатом, давалось поручение переговорить с ним. Во время этих переговоров намеренному кандидату впервые сообщалось о существовании организации, но только в самых общих чертах, причем обычно подчеркивалась политическая сторона задач организации. Некоторое представление о характере этих предварительных переговоров дает нижеследующее сообщение о них, сделанное одним из видных деятелей русского масонства этого периода в рассказе о своем участии в масонской организации¹².

«Как-то раз, — передавал этот деятель, — ко мне подошел NN и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов. Упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что это вообще связано с некоторой обрядностью. О том, что это масонская организация, он мне прямо не говорил. Я не был знаком с характером этой организации; равным образом я тогда мало знал и о масонстве вообще, но почему-то — почему именно, теперь уже не припомню — сразу понял, что речь идет о масонской ложе и тотчас же выразил свое согласие».

Для понимания этого рассказа необходимо знать, что изложенный разговор шел между двумя депутатами Государственной думы, принадлежавшими, правда, к различным партиям ее левого сектора (X входил в социал-демократическую фракцию, NN был членом фракции конституционных

демократов), но сравнительно много сталкивающимися между собой в процессе думской работы, ведущими и ранее политические беседы и вообще довольно хорошо знавшими друг друга лично. Рассказчик не мог вспомнить с уверенностью, обсуждался ли в их прежних разговорах вопрос о согласовании действий партий левого крыла Государственной думы, но он помнил, что такие разговоры в то время были очень обычны, так что более чем вероятно, что они велись и между рассказчиком и его собеседником (если так, то, по-видимому, они показали его NN как человека, подходящего по настроениям для масонской организации). Во всяком случае очень характерно, что никаких колебаний у рассказчика не появлялось, принципиальное согласие на свое вступление он дал сейчас же — это говорит о том, насколько ощутительна была в то время потребность в таком объединении, расчет на какую-то был, как уже сказано выше, основным в планах реформаторов русского масонства.

Приблизительно в подобных же чертах изображают предварительные переговоры о вступлении в масонскую организацию и все известные мне рассказы других масонов об их вступлении в эту организацию — такие рассказы мне известны не только о Петербурге, но и о провинции. Надо только добавить, что обычно в этой беседе бралось обязательство никому не рассказывать уже об этих предварительных переговорах и давались некоторые советы о предстоящих при приеме «испытаниях», о необходимости подготовиться к вопросам анкеты, которые придется заполнить, и т. д.

Намеченный таким образом кандидат, после того как предварительные переговоры с ним бывали признаны закончившимися удовлетворительно, приглашался прийти в то место, где должен был состояться его официальный прием.

Обстановку этого последнего рассказы масонов рисуют в следующих чертах.

На назначенной квартире намеченного кандидата встречало то самое лицо, которое вело с ним предварительные переговоры (на языке масонов его звали «рекомендующим братом»). Кандидата вводили в отдельную комнату, где «рекомендующий брат» давал ему анкетный лист с рядом вопросов, ответить на которые кандидат был должен, и

оставлял его на некоторое время одного. Найти экземпляр этого анкетного листка мне не удалось, равно как не удалось и восстановить полный перечень стоявших в нем вопросов. Но общий характер его достаточно характеризуется теми обрывками, которые сохранились в памяти лиц, рассказывавших мне о своей масонской деятельности. Судя по этим рассказам, в анкете стояли следующие вопросы (редакция их была, конечно, иная — я передаю только смысл их):

Как Вы относитесь к семье?

Как Вы смотрите на задачи человеческого прогресса?

Ваш взгляд на религию?

Какие пути и методы международных отношений Вы признаете?

Как Вы относитесь к войне?

Что Вы считаете необходимым делать в случае нападения на Россию?

Какую форму государственного управления Вы считаете наиболее желательной для России?

И т. д.

Вопросов, выяснявших отношение отвечающего к социализму и к рабочему движению, в анкете вообще не имелось, равно как не имелось и вопросов, выяснявших отношение к революционным методам борьбы. В общем, и отдельные вопросы и вся анкета в целом были составлены так, чтобы отвечающий сформулировал свою точку зрения на необходимость стремиться к превращению всего человечества в одну братскую семью (которая вела бы свою родословную от семьи, как первичной ячейки), причем особенно сильно был подчеркнут момент пацифистский, момент отрицательного отношения к войнам как методам решения международных конфликтов. Это последнее обстоятельство тем интереснее, что выработка анкеты относится к 1909-10 гг., когда вопрос о войне еще не стоял так остро, как позднее, после начала балканских войн (оно с несомненностью свидетельствует о сильном влиянии пацифистского движения на масонство). Но заключительный вопрос этой группы — об отношении к нападению на Россию — как бы подводил к ответу в духе будущего «оборончества» и несомненно отражал тревоги французских масонов тех лет — как известно, во Франции тогда сильно боялись нападения Германии, а масонство

русское не только в прошлом было связано с масонством французским, но и в период, о котором идет речь, было тесно с ним связано организационно, действуя, где нужно, от имени Великого Востока Франции (так именно именем последнего производился прием новых членов в ложи). Интересно также, что антирелигиозный момент в русском масонстве не был подчеркнут — в этом было его существенное расхождение с масонством французским. Судя по рассказам, соответствующая группа вопросов была средактирована так, что отвечающий неизбежно должен был в своем ответе подчеркнуть свою терпимость к религиозным взглядам всех верующих. Наоборот, вопрос о форме правления с самого начала подводил к максималистскому в тех условиях ответу — к выявлению республиканских симпатий отвечающего.

Когда составление ответов бывало закончено, вступающий давал о том указанный ему условный сигнал. О дальнейшей процедуре приема подробный рассказ имеется в уже цитированных мною воспоминаниях упомянутого выше X, соответствующее место из которых я процитирую полностью:

«Когда я написал ответы, в комнату вошел NN, взял их и удалился, оставив меня ждать ответа. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи¹³. Через неко горое время NN вернулся, туго завязал мне глаза и повел куда-то, где мне предложили сесть. Здесь мне был задан вопрос — после я узнал, что спрашивающий назывался „испытующим“:

— Знаете ли Вы, где Вы находитесь?

Я ответил:

— На собрании масонской ложи.

В говорившем я тотчас узнал Z — его голос мне был хорошо знаком. Вслед за тем Z задал мне вопросы, повторявшие вопросы анкеты. Я отвечал в духе своих только что написанных ответов. Затем Z предложил мне встать. Я встал и услышал, что встали и все присутствовавшие. Z произнес слова клятвы — об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если бы это было связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях¹⁴. Я повторял слова. Потом Z, обращаясь к присутствующим, задал вопрос:

— Чего просит брат?

Присутствующие хором ответили:

— Брат просит света!

Вслед за тем NN снял мне повязку с глаз и поцеловал меня как нового брата. С такими же поцелуями ко мне подошли и остальные из присутствующих. Последними, как я увидел, были... всего человек 5-6.»

Никаких других обрядов, предусмотренных старым масонским ритуалом (описание их можно найти в любой книге по истории масонства) при этом не применялось. Вообще отступления от старомасонских обычаев и обрядов в русском масонстве были очень значительны. Обрядовая сторона в нем, можно сказать, была сведена почти на-нет. Тенденция к этому имеет-ся и в западноевропейском, особенно во французском, масонстве, но нигде она не получила такого резкого выражения, как в России. Масонских «храмов» в последней не существовало — заседания лож происходили в обычных комнатах, в частных квартирах у кого-либо из членов. Специальные масонские одеяния и украшения после «реформы» 1908-1909 гг. были совершенно изгнаны из обихода (в 1906-08 гг. обрядовая сторона играла гораздо большую роль). Если бы кто-нибудь посторонний попал на такое заседание незаметно для его участников, то с *внешней* стороны он не заметил бы ничего необычного, ничего такого, с чем наше представление привыкло связывать понятие масонства, — он увидел бы просто небольшую группу человек в 6-8, хорошо знакомых, мирно ведущих беседу на общественно-политические темы. Только одна черта, быть может, бросилась бы ему при некоторой наблюдательности в глаза — это тот факт, что все присутствующие обращаются на ты, взаимно называя друг друга братьями. Этот момент руководители русского масонства сочли нужным сохранить, придавая ему большое значение: братское, дружеское отношение друг к другу на собраниях лож должно было, по их мнению, служить залогом дружеского взаимного доверия при обращениях внутри лож, на общественной арене, а обращение на ты во время заседаний лож было внешним выражением братского отношения.

Но подобное обращение на ты практиковалось только во время заседаний лож; вне их, особенно при посторонних,

масоны обращались друг к другу по-обычному — на ты или на ты в зависимости от их личных отношений. И если на заседание какой-нибудь ложи случайно попадал кто-нибудь посторонний — такие случаи бывали нередко: кто-нибудь из знакомых хозяина заходил «на огонек», а иногда приглашали кого-нибудь из интересных приезжих — не членов ложи — то при нем правило обязательного обращения на ты не применялось. Рассказчики передают, что иногда это выглядело немного курьезно: закрывается дверь за посторонним, и все переходят на ты.

Заседания лож проводились регулярно, 2–4 раза в месяц; работы их носили характер исключительно политический. Обычно они начинались со взаимной информации общеполитического характера и о внутренней жизни тех политических партий, члены которых в ложу входили. Особых партийных секретов не сообщалось; но, конечно, эта информация давала больше, чем попадавшие в газету сведения, касалась более интимных внутривнутрипартийных отношений. После информации начинался обмен мнениями по вопросам, поднятым в процессе информации, или по какому-либо специальному намеченному вопросу общеполитического характера. В процессе этого обмена мнений руководители особенно заботились о том, чтобы дебаты не принимали сколько-нибудь обостренного тона, а держались строго в рамках дружеского, «братского» обмена мнений, задачей которого является выяснение вопроса о возможности сближения позиций представленных в ложе политических групп, о возможности того или другого согласования их действий. Как только замечалось, что расхождения чересчур велики, чтобы их можно было сгладить, и особенно если появлялись указания, что дальнейший обмен мнений может обострить отношения между членами ложи, обсуждавшийся вопрос снимался с порядка дня, прения переводились на другую тему. Никаких решений формально обязательного характера ложи не выносили; никогда вопрос о подчинении меньшинства большинству не ставился. Но так как члены ложи были проникнуты желанием найти общий язык и общие точки соприкосновения, то нередко намечалась общая точка зрения на обсуждаемый вопрос, общая линия поведения. Однако даже и в этих случаях — даже тогда, когда единогласие в ложе было

полное, — намеченная общая точка зрения письменно не формулировалась, в резолюциях ничто не фиксировалось. Вообще, основным правилом в этом отношении было устранение из практики лож всего, что могло бы быть истолковано как имеющее моменты формального принуждения. Влияние работы лож должно было исключительно ограничиваться моментами морального характера — взаимное убеждение, дружеское воздействие друг на друга, внушенное всем желание стремиться к возможному согласованию мнений и действий.

VI

Такова была организация отдельных лож и нормальная их работа. Объединение их и общее ими руководство лежало на плечах *Верховного Совета*.

Время и обстановка возникновения последнего мне неизвестны, равно как неизвестен и первоначальный порядок его формирования. Есть некоторое основание полагать, что он был создан более или менее самочинно тою группой реформаторов русского масонства, о которой я говорил выше и которая в 1909-10 гг. поставила русское масонство на определенно политические рельсы. Точные и относительно полные сведения о Верховном Совете у меня имеются для 1912-16 гг.

В этот период в Совет входило 12-15 человек (число членов не было точно фиксировано). По политическим взглядам здесь были представлены все левые политические группы от прогрессистов до социал-демократов, тяготевших к большевикам. Формально партийных большевиков *Верховный Совет*, насколько мне известно, в своем составе не имел (в ложах они, по-видимому, были); что же касается до остальных фракций и партий, то в Совет входили очень и очень ответственные их члены — иногда фактические и формальные лидеры. Председателем Совета был кадет, член Государственной думы; казначеем — беспартийный, близкий к прогрессистам (не член Думы). Персональный состав Совета был более или менее прочным; количество из него выбывших и вновь в него введенных членов за указанные годы было невелико.

Для понимания дальнейшего чрезвычайно существенно отметить, что добрая половина членов Совета была депутатами Государственной думы, — последние играли большую роль и в той группе реформаторов русского масонства, о которой я не раз говорил выше¹⁵.

Введение новых членов производилось на основах, близких к кооптации: Совет намечал кандидатуру того или иного лица, участие которого, по его мнению, было бы полезно для Совета — конечно, таковым мог быть только член какой-либо ложи. Но насколько мне известно, вопрос всегда проводился и через ту ложу, к которой новый кандидат принадлежал. Формально ее решения не спрашивали, голосования за и против намеченной кандидатуры не производилось, но факт включения из ее среды члена в Совет ей становился известным, и она молчаливо давала на это согласие, так что новый член Совета был в составе последнего в известных пределах и представителем ложи. Представительство это сводилось к тому, что он, по-прежнему работая и в составе ложи, осведомлял последнюю о деятельности Совета, в тех рамках, в которых Совету это казалось удобным.

При вступлении в Совет от нового члена не требовалось никаких дополнительных присяг и вообще процедура этого вступления была совершенно свободна от обрядов. Отсутствовала обрядовая сторона и в работе Совета: так же, как и ложи, он собирался в частных квартирах, в обычных комнатах; члены его на заседания являлись в обычной одежде, без каких-либо масонских украшений.

Нормальная работа Совета шла в тех же рамках, что и работа отдельных лож — та же информация, тот же обмен мнений по политическим вопросам без принятия каких-либо решений. Отличием было только существование особой информации о работах отдельных лож. Зато характер обмена мнений был заметно отличен: так как в Совете большинство состояло членами Государственной думы, то среди вопросов, встававших на обсуждение, были главным образом вопросы, связанные с деятельностью последней. По существу в центре всей работы Совета стояла задача внесения возможно большей согласованности в действия партий левого сектора Думы. Решения особенно связывающего характера — как я уже сказал — здесь не выносились (особенно за этим следили

представители наиболее левой части Совета), но к возможно более точной формулировке тех пунктов, на принятии которых сходились все члены Совета, прилагалось немало усилий. Выполнять таким образом сформулированные мнения никто не был обязан, но молчаливо полагалось, что члены Совета — поскольку они все признавали необходимость стремиться к возможному согласованию действий партий левого сектора думы — при выступлениях в своих партиях и фракциях с этим мнением Совета будут считаться. И действительно, в известных пределах такое согласование получалось — во всяком случае, согласование к взаимной поддержке в Государственной думе наблюдалось. Обычно выгодно это бывало для крайних левых фракций Государственной думы, которым поддержка других левых депутатов часто бывала нужна при таких актах, как внесение запросов, законопроектов и т. д. Как известно, для внесения запроса нужны были подписи 33 депутатов, в то время как в IV Государственной думе общее число социал-демократов и трудовиков вместе было меньше этой цифры. Этим пытались было одно время пользоваться официальные руководители конституционных демократов для введения в известных пределах цензуры исходивших от крайних левых запросов. Попытки эти потерпели крушение, причем одной из обусловивших его причин была готовность, с какой депутаты-масоны из умеренно левых партий давали свои подписи, не считаясь иногда даже с мнением своей фракции (известно, что на этой почве внутри кадетов часто бывали трения).

Наряду с этими вопросами, связанными с практической политикой сектора Государственной думы, в Верховном Совете часто вставали и основные вопросы тактического характера — об общей оценке момента, об общих методах борьбы за политическую свободу, и т. д. Сильным толчком к конкретизации этих споров послужили политические стачки рабочих 1913-14 гг., заставившие Совет много внимания уделять вопросам об отношении к массовым рабочим движениям и к революционным методам борьбы вообще.

В этих случаях об отношении к стачкам у многих членов Совета выявилось недоверие и даже боязнь массовых движений вообще. Оказалось, что при всем их политическом радикализме, все представители буржуазно-прогрессивных

групп были единодушны в своей боязни «русского бунта — бессмысленного и беспощадного». Особенно выпукло эту точку зрения защищал член Совета — левый кадет (депутат Государственной думы, ныне покойный), который указывал, что ни один человек, знающий «стихию русской массы», не может смотреть оптимистически на перспективы революционной борьбы, ибо «стихия русской массы к добру не может привести». Позиция членов Совета — социалистов интереса не представляет: они защищали ту линию отношения к стачечной борьбе, которая нашла отражение в тогдашней социал-демократической меньшевистской литературе.

Как и следовало ожидать, общего мнения по этому вопросу у Совета не нашлось; попытка члена Совета социал-демократа меньшевика поставить на обсуждение вопрос о какой-нибудь общей акции, задачей которой была бы поддержка стачечного движения и привлечения к нему общественных симпатий, не привела к успешным результатам. На этом частном случае выявилась общая неспособность Совета и масонской организации вообще достигать крупных результатов, поскольку речь шла о больших политических вопросах, отношение к которым в общеполитическом масштабе различных групп, представленных в Совете, было резко различным. Успешными усилия Совета могли быть только там, где речь шла о сравнительно небольших вопросах, о сглаживании углов и т. д.

Во всяком случае прения по этому вопросу были значительным событием в жизни Совета, — судя по всему, они были, быть может, первым толчком к формированию внутри Совета той политической идеологии, которая вскоре стала играть большую роль и за пределами масонской организации — идеологии политического переворота, совершенного на верхах, помимо масс (а в некоторых изложениях — при нужде и с обращением против масс штыками). Оформилась и широко пустила свои корни эта идеология уже в годы войны.

Последняя застала Совет, как и все другие, впрочем, русские политические организации, совершенно неподготовленным к решению поднимаемых ею вопросов. Оказалось, что пацифизм русского масонства, о котором я говорил выше, носил в высшей степени поверхностный и, я сказал бы, академический характер, вращаясь в мире туманных и

отвлеченных общих формул о необходимости перестройки международных отношений на основе принципов братской любви и солидарности, о необходимости стремления к мирному, братскому улаживанию международных конфликтов. Эти формулы были достаточны для ответов на соответствующие пункты масонской анкеты — в этих ответах можно было (так и бывало обычно) на вопрос о поведении в случае нападения на Россию отозваться декларированием своего намерения в этом случае «стремиться к возможно скорейшей ликвидации этой войны тем или иным мирным путем» (из соответствующего ответа одного из опрошенных мною масонов). Но они оказывались совершенно недостаточными, когда война стала суровой действительностью.

В дни, предшествовавшие объявлению войны, целый ряд виднейших членов Совета был в отъезде из Петербурга — это ведь были дни летнего перерыва в работе Государственной думы. Поэтому устроить собрание Совета в период после австрийского ультиматума и до известного торжественного заседания Государственной думы не представилось возможным. (Не исключена, впрочем, возможность, что частные совещания некоторых членов Совета и были, но о них у меня не имеется сведений). Только после заседания Думы, к которому съехались почти все члены Совета — депутаты Думы, оказалось возможным устроить официальное собрание Совета. Но к этому времени члены Совета как члены соответствующих думских фракций уже заняли ту или иную более или менее определенную позицию по отношению к войне, причем всеми ясно ощущалась невозможность сгладить остроту разногласий между, например, социал-демократами и кадетами. Как всегда в подобных случаях, Совет предпочел обойти основной вопрос о войне, ее причинах и об общем отношении к ней; на обсуждение вопрос о войне встал только в форме вопроса о том, что делать при уже создавшихся условиях.

Эта попытка обойти разногласия, конечно, не могла быть удачной. Один из членов Совета — очень видный кадет — выступил с горячей речью, доказывая, что единственное и нужное сейчас дело — это итти на фронт, чтобы сражаться в рядах армии¹⁶. Его антагонистом явился член Совета — социал-демократ, меньшевик, который доказывал, что задачи

политических деятелей должны лежать в совершенно иной области, что война неизбежно с небывалой доселе остротой в порядок политической жизни страны поставит основные вопросы общеполитической проблемы, к разрешению которых члены Совета должны готовиться сами и работать над подготовкой других, что поэтому нужно все силы обратить на политическую работу в стране, придав ей большую определенность и заостренность.

Как всегда бывало в Совете, между этими крайними точками зрения наметился ряд переходных оттенков, причем большинство центр тяжести вопроса переносило на работу по смягчению вредных последствий войны, говоря о необходимости участия в работе по обслуживанию фронта, помощи семьям мобилизованных и т. д. Во всяком случае, член Совета, социал-демократ, в этот момент оказался в Совете более одинок, чем когда-либо раньше.

Настроения членов Совета в годы войны эволюционировали в направлении общей эволюции тогдашних настроений в стране.

Многие из лож и даже Совета пошли на работу по обслуживанию фронта уполномоченными и представителями различных комитетов помощи. Сношения с фронтом были, благодаря этому, у Совета довольно хорошие; приезжающие с фронта члены Совета или лож делали Совету подробные доклады о положении дел, о настроениях на фронтах и т. д. Очень скоро в этих докладах появились тревожные ноты — разговоры о дефектах в организации снабжения, о бездарности командования в кругах, связанных с масонской организацией, завоевали себе право гражданства, быть может, раньше, чем в каких бы то ни было других. Очень скоро приезжающие стали сообщать о настроениях среди солдат, об ожиданиях, которые назревают в разбухшей войной серой массе.

Чем дальше, тем яснее становилось, что основные политические проблемы в порядок дня русской действительности уже поставлены, что не сегодня-завтра их неизбежно придется разрешать — и притом разрешать в направлении самых широких реформ, самых широких уступок общественным низам. Подобная оценка положения становилась почти общепризнанной, завоевывая теперь в ряды своих сторонни-

ков такие круги, в самой подлинной «благонадежности» которых еще недавно не могло быть никаких сомнений. Боязнь «стихии русского народа» у них, правда, не стала меньшей — быть может, она даже усилилась с того момента, когда в руки этой «стихии», облаченной в серую шинель, дали трехлинейную винтовку. Но так как слишком очевидно было, что «неперепряженные кони» несут к неминуемой пропасти, то сама боязнь «стихии» заставляла все чаще и чаще думать о «перепряжении коней на скаку», о необходимости торопиться с этой операцией — пока еще не поздно, пока «стихия» не взяла этого дела в свои руки.

В подобной атмосфере, на почве подобных настроений идеология политического переворота, проводимого сверху, стала приобретать многих и пламенных адептов в самых разнообразных кругах, создавая благоприятнейшую почву для всевозможных заговоров, планов заговоров и еще больше разговоров о таких планах. Такими планами были полны последние два перед революцией года войны — история их еще совершенно не изучена, хотя в целом ряде отношений она представляет огромный интерес, так как планы эти и разговоры о них сыграли огромную роль главным образом в деле подготовки командного состава армии и офицерства вообще к событиям марта 1917 г., обеспечив в одних случаях нейтральное, в других — сочувственное к ним отношение. К сожалению, изучение этой истории и в настоящее время еще не представляется возможным, так как участники и инициаторы подобных планов предпочитают до сих пор хранить полную о них тайну. Даже о наиболее крупных из них — например, плане ареста царя в ставке с целью заточения в монастырь царицы (осень 1916 г.), о планах ареста царского поезда, о плане нападения на царский автомобиль и т. д. — в литературе неизвестно ничего, кроме разве случайных и не всегда ясных намеков¹⁷. Только об одном из всей серии этих заговоров мы знаем несколько более подробно — об убийстве Распутина; но новейшая литература вопроса показывает, что и в его истории остается все еще очень и очень много неясных моментов и притом как раз в интереснейшей для историка области — в вопросе организации и подготовки этого убийства¹⁸.

Подобная бедность материалов делает крайне трудным изучение в наше время истории этих заговоров, хотя, быть

может, попытка сводки материалов о них была бы и теперь уже нелишней. Надо надеяться, что с течением времени участники этих заговоров снимут наложенный ими на себя обет молчания и расскажут нам о них поподробнее. Но поскольку дело идет об *идеологии* этого заговорщического движения, то уже теперь можно с полной достоверностью утверждать, что центром, где она формулировалась, где она впервые получила свою более или менее осознанную формулировку, были масонские организации. Я уже отмечал выше, что почва для нее была готова там и раньше, война только дала возможность четче поставить вопрос, точнее формулировать конкретные выводы.

Из этих моих слов отнюдь не следует делать вывода, что масонские организации, как целое, играли активную роль в практических шагах по созданию и проведению заговорщических планов. Наоборот, относительно Верховного Совета у меня имеются заслуживающие полного доверия указания, что там, например, вопросы о таких конкретных мероприятиях даже не ставились (относительно отдельных лож делать такие утверждения я не берусь, так как о многих из них у меня совершенно нет сведений).

Такого рода вовлечение Совета в организационные мероприятия вообще не было возможным — он был слишком многочислен, его состав был слишком разнороден в политическом отношении. Но ряд руководящих его членов, вынашивающих планы таких заговоров, имел близкие сношения с организаторами и несомненно являлся их вдохновителем. Более подробно эта их роль может быть освещена только после освещения заговорщических попыток, с одной стороны, и жизни отдельных масонских лож, с другой.

VII

До сих пор я не касался организационной работы Совета — для истории масонства и его политической роли гораздо более важно было проследить эволюцию его политических настроений. К тому же эта область работы Совета и не является особенно разносторонней.

Главной задачей Совета в этом отношении была работа по расширению сети лож. С этой целью ряд членов Совета

предпринимал агитационно-организационные поездки по провинции, причем маршрут этих поездок обсуждался в Совете. Относительно широко эта деятельность развернулась в годы войны, в результате чего в марте 1917 года ложи были учреждены, помимо столиц, также в целом ряде крупных и средних городов Поволжья, Урала, Северо- и Юго-Западного края, на Юге, в Закавказье и т. д. Общее число лож мне неизвестно, но, по-видимому, оно приближалось к 20.

Принципы, которыми руководствовались организаторы лож при вербовке в них новых членов, поскольку их удается установить, сводились к стремлению собрать в них всех наиболее активных и влиятельных в данной местности общественных деятелей радикального и либерального лагеря. Активных участников местного рабочего движения в них обычно даже и не пытались привлекать, зато так называемых легальных социал-демократов (большевиков и меньшевиков) и социалистов-революционеров в члены лож привлекали с особою охотою. Иметь в ложах представителей этих групп считалось, по-видимому, обязательным, так как сформированные из одних либералов ложи совершенно не удовлетворяли задачам согласования деятельности групп левого лагеря. В годы войны — ближе к революции — в принципах, на которых подбирался состав лож, стали заметную роль играть соображения о возможной роли того или иного лица после ожидаемого политического переворота. Всех лиц, которые выказывали себя способными на руководящую роль при подобных событиях, поскольку они удовлетворяли прочим требованиям, организаторы лож сознательно и особенно настойчиво стремились вовлечь в их состав. В этот период ложи на местах определенно становятся ячейками будущей местной власти — вернее, резервуарами, из которых будущая, созданная после переворота центральная власть сможет черпать надежных, со своей точки зрения, кандидатов для замещения постов власти местной. Особенно рельефно этот момент выступает в организационной работе двух виднейших представителей Верховного Совета, которые потом, в 1917 г., играли видную роль во Временном Правительстве и действительно, со своей точки зрения, не без успеха использовали созданные заранее «резервуары». В этом отношении очень показателен пример в городе N, где из семи членов лож

летом 1917 года *четверо* занимало административные посты — губернского секретаря и его помощника, секретаря губернского комиссара и комиссара уездного, — а пятый был товарищем председателя городского Совета.

Учреждение местной ложи проводилось всегда в присутствии члена Верховного Совета и его представителя; в дальнейшем ложа работала самостоятельно, поддерживая, по возможности, постоянное общение с Советом. К официальной переписке прибегать было воспрещено — переписка участного характера обычно велась между учредителем и членами ложи. Кроме того, члены местных лож пользовались всеми возможными случаями для личных поездок в Петербург, а члены Верховного Совета по мере возможности совершали объезды лож. Приезжавшие в Петербург представители местных лож иногда допускались на заседания Совета — наиболее крупные провинциальные ложи, кажется, даже имели право делегировать представителей в Совет.

Кроме работы по расширению организационной сети, Совет делал иногда попытки проведения агитационных кампаний. Главной из них была кампания по поводу роли Распутина при дворе. Начата она была еще в 1913-14 гг., несколько позднее Советом была сделана попытка издания какой-то направленной против Распутина брошюры¹⁹, а когда эта попытка не удалась (брошюра была задержана цензурой), то Советом были приняты шаги к распространению этой брошюры в размноженном на пишущей машинке виде. Таким же путем размножались и другие материалы о Распутине — например, тоже сожженная цензурой брошюра миссионера Новоселова, сотрудника «Московских ведомостей», разоблачавшего «хлыстовство» Распутина.

В целях популяризации принципов, лежавших в основе масонской организации, масонами же, но, по-видимому, не Верховным Советом, была издана в 1915 г. книга некоего Сидоренко (кажется, псевдоним), об итальянских карбонариях. Книга эта была подвергнута жестокой и справедливой, с точки зрения исторической, критике на страницах «Голоса минувшего», но задачей ее составителей и издателей была отнюдь не история движения итальянских карбонариев 1820-30 гг., а популяризация идей карбонариев русских периода 1915 г., а для этой цели они считали возможным модернизи-

ровать на свой лад предания об организационной структуре итальянских заговорщиков.

Необходимо отметить также, что в эти же годы приток русских в масонство шел и за границей, в эмиграции. Центром по-прежнему был Париж, но в ряды масонства теперь здесь пошли главным образом эмигранты, социалисты-революционеры и близкие к ним. Фактов участия за границей в масонских ложах социал-демократов (большевиков или меньшевиков) мне установить не удалось — ни одно из конкретных указаний, которые до меня дошли, при проверке подтверждения не получило. Но конечно, такая возможность сама по себе не исключена.

Работа русских масонов во французских ложах в эти годы по существу не отличалась от работы там же русских масонов в 1901-05 гг. — ее положительной стороной была по-прежнему популяризация идей русской революции, программ русских революционных партий. Работа эта велась довольно энергично (например, читались доклады для масонов-французов о социализации земли и т. д.) и, по-видимому, не без успеха. Правда, роль французского масонства в это время шла на убыль, и результаты этой работы русских масонов не были так значительны, как в 1901-05 гг. Впрочем, и тогда успех русских масонов определялся не столько их собственными пропагандистскими талантами, сколько пропагандистским зарядом развертывавшихся в России событий.

VIII

В месяцы, предшествовавшие марту 1917 года, руководители организации развертывали энергичную деятельность, торопясь с осуществлением планов переворота сверху. В их теперешних рассказах часто прорываются ноты раздражения на лидеров прогрессивного блока, к которым военные — участники заговоров — обращались с запросами об их отношении к подготовительным актам. Лидеры прогрессивного блока упорно сдерживали все эти попытки, подчеркивая, что не все еще возможности влияния на Николая исчерпаны. На этой почве прошло размежевание между руководителями масонства и лидерами прогрессивного блока, часто в пределах одной и той же партии, размежевание, которое выявилось

несколько позднее, во время борьбы в период 1917 года, и привело к ряду резких конфликтов, например, в кадетской партии.

Когда разразились события марта 1917 года, отношение к ним руководителей Совета было далеко не одинаковое. Некоторые из них, очень влиятельные в Совете, упорно думали о соглашении с наиболее прогрессивной частью командного состава армии для борьбы и направо — против царя, и налево — против «улицы». Других, наоборот, «улица» эта захватила и они приняли активное участие в придании ее движению возможно организованного характера, тем самым сильно содействуя ее успеху. Это расхождение, само по себе очень характерное для разнородности настроений даже в основной группе руководителей Совета, не смогло принять сколько-нибудь значительных размеров, так как события поставили Совет перед лицом свершившегося факта.

Вообще же в эти дни члены Совета играли очень активную роль — ряд их состоял членами Временного комитета Государственной думы, участвовал в совещаниях по формированию Временного правительства, а потом вошел в состав этого последнего. При определении этого состава руководители Совета вообще сыграли заметную роль — именно в их влиянии следует искать причин появления некоторых, казалось бы, совершенно никому не известных кандидатур.

Вскоре после марта 1917 года в составе Верховного Совета произошли существенные перемены. Из него ушел единственный бывший там представитель социал-демократов (меньшевиков), расхождения между которым и большинством Совета, как я уже отмечал, выявлялись часто и ранее. Кое-кто отошел направо. Зато оставшиеся, пополненные вернувшимися из эмиграции масонами-парижанами, сплотились более тесно, образовав политически довольно однородную группу от левых кадетов и прогрессистов до правых социал-демократов, которая в течение почти всего периода Временного правительства играла фактически руководящую роль в направлении политики последнего. Но история масонства в эти и последующие месяцы уже выходит за рамки моего настоящего очерка.

1. Заявление, сделанное Кедриным в 1906 или 1907 годах в счет итти не может, ибо, как будет показано ниже, оно относится к периоду до оформления русского масонства в том виде, в каком оно стало играть политическую роль, и к тому же он признал свою принадлежность не к русской, а к французской ложе.

2. В. П. Полонский в своей статье о «Тайном Интернационале Бакунина» («Каторга и ссылка», кн. 5, 1926, стр. 77) ссылается на указание III Отделения о том, что Бакунин «в одно из своих посещений Гарибальди был принят последним в масонскую ложу». Письмо Бакунина к Герцену от 23 марта 1866 г. (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Изд. 1896, стр. 164) не только делает это указание вполне правдоподобным, но и заставляет думать, что «масонский зигзаг» в биографии Бакунина был более серьезен, чем он сам пытается изобразить. В этом письме, прося друзей «перестать думать», что он «когда-либо занимался серьезно франкмасонством», Бакунин прибавляет: «В Лондоне я не хотел разуверять тебя, Герцен, потому что не мог отвечать на другие вопросы». Последние встречи Бакунина с Герценым в Лондоне относятся к осени 1864 г. (см. составленную М. Неттлау хронологическую канву к биографии М. Бакунина) — следовательно, опровергнуть упреки Герцена в увлечении «франкмасонерией» Бакунин нашел возможным только минимум через полтора года после их появления. Следы влияния масонских идей в писаниях Бакунина приходится наблюдать и позднее.

3. О «князе» и «княгине» Накашидзе и об их русско-польском масонском журнале с террористической окраской, один номер которого им удалось выпустить на французском языке в середине 1890-х годов в Лондоне, я не говорю — это в лучшем случае была малограмотная попытка спекулировать на легковерии читателей.

4. Статуты старого масонства запрещали масонам даже простые беседы между собой на политические темы как в заседаниях лож, так и вне их, ибо считалось, что подобные разговоры только вносят семя раздора туда, где должно царить согласие.

5. Отмечу здесь же, что этот автор сам близок к масонам и его работа, по-видимому, имеет право быть рассматриваема почти как работа официального историографа французского масонства — пользоваться работами представителей активного антимасонского движения я в данном очерке избегаю и в отношении Запада.

6. В целях изгнания из армии реакционного офицерства при Комбе в военном министерстве была заведена система кондуктивных списков о политических взглядах каждого офицера (в просторечии: система фишек), причем для этих списков материал собирался через масонские ложи на местах.

7. Нелишне будет здесь же напомнить, что как раз приблизительно в это время потерпела неудачу одна из таких попыток, предпринятая лицами, часть из которых, по-видимому, уже тогда была близка к масонам, — я говорю о той попытке покойного В. П. Обнинского и его единомышленников, краткие сведения о которой мною даны в комментариях к «Письмам П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», Берлин, 1924, стр. 185-186.

8. Утверждают, что в этот период в число масонов попал даже один великий князь.

9. Так, относительно одного из масонов «парижского периода» мне известно заслуживающее доверия указание, что он состоял платным «информатором» И. Ф. Манасевича-Мануйлова: оказывается, что этот последний, даже состоя в отставке, для поддержания своего положения в сферах имел двух своих собственных агентов из общества, которые осведомляли его о событиях и разговорах в радикальных и либеральных кругах. Впрочем, этот «масон» свою службу у Манасевича-Мануйлова, кажется, сочетал и с выполнением вполне недвусмысленных поручений одной иностранной державы.

10. Само по себе это было верно, так как приблизительно в это время русское правительство особенно сильно заинтересовалось русским масонством, причем активную роль в этих поисках масонов играл и сам Николай, который для доклада о масонстве специально вызвал к себе в Царское Село начальника петербургского охранного отделения полковника Герасимова (этот вызов тем более важен для понимания степени интереса Николая к вопросу о масонстве, что он был *единственным* за все 4 года службы Герасимова). Отмечу здесь, что, по рассказам Герасимова, он разочаровал царя, так как никаких сведений о масонах не имел и вообще считал их несерьезной организацией. Информация Николая о масонах, по утверждению Герасимова, шла из других источников, а не от охранного отделения. Возможно, что это были сведения, шедшие через Манусевича-Мануйлова.

11. Анкета, о которой речь будет итти ниже, была отредактирована так, что сама по себе она не давала еще оснований для утверждения о существовании организации как таковой.

12. Этот рассказ был мною с его слов записан 1925 г., причем запись тогда же была рассказчиком (я его буду в дальнейшем называть X) просмотрена и исправлена — записью этой мне придется часто пользоваться и ниже.

13. По прочтении на заседании ложи такие ответы немедленно же уничтожались.

14. В этой клятве были также слова о готовности бороться за свободу, не боясь даже смерти.

15. Ввиду утверждений правой печати, стремящейся изобразить масонство в виде какой-то «еврейской интриги», нелишне будет отметить,

что среди членов Совета за 1912-16 гг. был, кажется, всего *один* еврей. Все остальные были православными и в большинстве бесспорными великороссами.

16. Замечу здесь же, что слово у него с делом не расходилось — несмотря на затруднения, стоявшие перед ним на пути к вступлению в армию, он этого добился, пошел на фронт, где вскоре и погиб.

17. См., например, намек генерала Деникина на так называемый «Крымский заговор» (план убийства царя на смотре в марте 1917 г.) [«Очерки русской смуты», (Париж, б/г) т. 2, стр. 36, прим.]

18. См. Предисловие В. А. Маклакова к парижскому изданию «Дневника Пуришкевича» (Изд. Павлоцкого, 1924).

19. О какой именно брошюре идет речь, мне установить точно не удалось. Есть основания предполагать, что это была брошюра Пругавина «Старец Леонтий», которая была конфискована полицией в типографии и уничтожена.

ЗАПИСКИ О МАСОНСТВЕ

I. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С АЛЕКСАНДРОМ ЯКОВЛЕВИЧЕМ ГАЛЬПЕРНОМ

Привел меня к нему, на его парижскую квартиру, А. Э. Дюбуа — предварительно предупредив по телефону, что я хочу кое о чем расспросить. Это было в среду, 15 августа, 1928 г. После первых фраз я прямо поставил вопрос, хочет ли он мне рассказать о масонской организации? А. Я. сначала колебался: „Я переговорю с некоторыми коллегами“, но, увидев, что я уже знаю очень многое и после того, как я объяснил мою задачу и планы (публиковать сейчас не хочу, если придется, снесусь с ним), он согласился рассказать. Рассказ шел в четверг, 16 августа, 1928 г. утром, и в субботу, 18 августа, 1928 г. вечером.

О ранних периодах русского масонства мне известно следующее: несколько русских были посвящены в масоны во Франции, в Grand Orient, еще давно. Среди них я знаю Сергея Дмитриевича Урусова, гр. Орлова-Давыдова, Евгения Ивановича Кедрина, доктора Баженова, М. С. Маргулиеса, Обнинского, Бебутова; кажется, был франкмасоном и Маклаков; М. М. Ковалевский был масоном шотландским, организовали ли они в период 1906-07 гг. русскую ложу в Петербурге или просто сходились, я точно не знаю, но несомненно, что в это время они уже в России были в масонском контакте.

Вскоре, однако, эти первые русские масонские ячейки пережили острый кризис; причиной его было то обстоятельство, что Кедрин и Баженов стали очень много болтать о своем масонстве и чуть не открыто появлялись на своих дачах в масонских знаках, в результате чего о русских масонах стали много говорить в самых широких кругах и даже стали появляться заметки в печати. С другой стороны в отношении некоторых из масонов появилось и недоверие, основанное не на недоверии лично к ним, а к их знакомым. Речь идет о связи Маргулиеса с Бебутовым. Последнего определенно подозревали в политической неблагонадежности, а т. к. Маргулиеса считали невоздержанным на язык, то недоверие распространилось и на самого Маргулиеса, хотя последнего лично никто не думал подозревать. Маргулиес это отношение почувствовал и был очень оскорблен.

Все это, повторяю, вызвало первый кризис внутри русской масонской ложи, который повел к тому, что Маргулиеса и Баженова перестали приглашать на собрания, дали им знать, что их не зовут на них, и вообще от них законспирировались, а Кедрина, который был одним из наиболее уважаемых членов ложи и даже Venerable'm, не устранив прямо и не объявляя ему этого решения, стали под разными предлогами не приглашать на собрания.

Я сам вошел в ложу, кажется, в 1911 году. Привлекли меня Керенский и Барт, присяжный поверенный, сын Г. А. Лопатина. Во время первых разговоров речь шла о моем отношении к вопросу о желательности создания организации, которая согласовывала бы действия разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия и не думаю ли я, что моя принадлежность к одной из партий может явиться причиною вступления в такую организацию? Когда выяснилось мое положительное отношение к этим задачам и моя готовность вступить в такую организацию, мне поставлен был вопрос, не смутит ли меня несколько необычная форма новой организации, которая стремится к объединению людей на необычной в России основе — морального сближения. Попутно — правда, очень поверхностно — было упомянуто, что вступление в ложу связано с некоторым ритуалом, и здесь же было сделано предложение вступить в эту организацию.

Ответ на этот вопрос я дал не сразу, а через несколько дней. Тогда мне объявили, что речь идет о масонской организации и что вскоре ко мне придут официальные представители для переговоров и заполнения анкеты. Этот официальный визит имел место через несколько дней — пришли ко мне тот же Барт, и еще кто-то. Я заполнил анкету, после чего меня попросили прийти в определенный день на квартиру Барта. Ничего похожего на поездку в закрытой карете на неизвестную мне квартиру, — подобно той поездке, о которой Вам рассказывал Гегечкори, — со мной не было. В квартире Барта меня встретил [неразборчиво] — мой старый и хороший знакомый, который сказал, что моя анкета признана удовлетворительной*, и ввел меня в зал собраний, завязав мне предварительно глаза. В зале я был подвергнут устному опросу, который был фактически повторением анкеты. Голоса некоторых из спрашивающих я узнавал, другие были мне незнакомы; шпак к моей груди не приставляли — они были отменены еще раньше. К этому времени обряд приема вообще был несколько упрощен; тем не менее обстановка произвела на меня странное впечатление и даже несколько покорила. После я видел, что на других она производила очень серьезное впечатление.

Когда с моих глаз сняли повязку, я увидел, что на собрании присутствуют: Демьянов (впоследствии товарищ министра юстиции), член Государственной думы Виноградов, Керенский, Барт, Яков Яковлевич Брусов — петербургский архитектор, А. И. Браудо, Сергей Дмитриевич Масловский (Мстиславский), Переверзев (позднее министр юстиции), Макаров.

В организационном отношении каждая ложа имела председателя — Venerable — оратора и двух надзирателей, старшего и младшего, из которых младший исполнял функции секретаря. В нашей ложе Venerable был Демьянов; оратором — Переверзев, старшим надзирателем — Макаров, младшим — Браудо.

Все заседания открывал Venerable, который на них и председательствовал. После открытия заседания все усажи-

* Анкетные листы, как я это узнал после, в В. С. не передавались, а уничтожались на том же заседании ложи, где решался вопрос о приеме.

вались полукругом; Venerable задавал традиционные вопросы: «закрыта ли дверь?» и др.

Функции оратора сводились к наблюдению за соблюдением устава; он же и хранил устав, произносил приветственные речи новым членам и т. д.

Функции надзирателя определены в уставе, но фактически, насколько я помню, эти функции почти отмерли — кроме, конечно, секретарских функций младшего надзирателя: он заносил в книжку краткие записи о заседаниях.

Все члены ложи платили членские взносы, их принимал Venerable и передавал секретарю Верховного Совета.

Конспирация в организации выдержана была очень последовательно и строго. Члены одной ложи не знали никого из других лож. Масонского знака, по которому масоны в других странах опознают друг друга, в России не существовало. Все сношения ложи с другими ячейками организации происходили через одного председателя ложи — Venerabl'я. Членов ложи, которые раньше состояли в различных революционных организациях, поражала выдержанность и последовательность конспирации. Позднее, когда я был секретарем Верховного Совета и знал по своему положению почти всех членов лож, мне бывало почти смешно видеть, как иногда члены разных лож меня же агитировали в духе последнего решения Верховного Совета, не догадываясь, с кем имеют дело.

Вновь вступивший в ложу получал при приеме звание *ученика*. Через некоторое время, обычно через год, его возводили в степень мастера. Право решения вопроса, когда именно следует произвести подобное повышение, принадлежало ложе. Но иногда повышение в степени производили по инициативе Верховного Совета. В этих последних случаях действовали обычно соображения политического и организационного характера, т. е. Верховный Совет считал полезным то или иное лицо, которым он дорожил, продвинуть вперед по лестнице масонской иерархии.

Мое личное отношение к организации, поскольку речь шла о ее политических задачах и деятельности, было выжидательным, почти несколько недоверчивым. Главное, что я в ней ценил с самого же начала, это атмосфера братских отношений, которая создавалась в ложах между их членами —

безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, к помощи друг другу. Это были действительно отношения братьев в лучшем смысле слова. Позднее я изменил свой взгляд и на политическую роль этой организации, так как увидел, что она дает возможность объединять действия разных политических групп там, где в других условиях это было бы невозможно. Примером этого я считаю работу думской ложи, о чем позднее.

В течение первого года своего пребывания в ложе я был совершенно не посвящен в жизнь организации, можно сказать, ни о чем даже не догадывался. Ждал только, что могут быть разные сюрпризы, например относительно круга лиц, охваченных организацией, но какие именно, не подозревал. Приблизительно через год после моего вступления в ложу меня сделали мастером и выбрали делегатом от ложи на очередной конвент. Меня несколько удивило, почему выбор пал на меня — только после я узнал, что сделано это было по указанию Верховного Совета и какие именно мотивы руководили последним.

Конвент этот состоялся летом, кажется, 1912 года в Москве. Выборы производились по одному от ложи: кроме того, присутствовали члены Верховного Совета. Из участников этого конвента я помню Колюбакина, Некрасова, Степанова, Виноградова, А. И. Браудо, Константина Григорьевича Голубкова (член петербургской городской управы, кадет), кажется, Керенского — от Петербурга, Балавинского, Головина (Председатель Второй Государственной думы), Урусова (член Первой Государственной думы), Обнинского — от Москвы, Грушевского, Василенко, Штейгеля — от Киева; Кильвейна — из Нижнего; одного делегата из Минска (фамилию не помню, какой-то присяжный поверенный по имени Иван Иванович), и одного делегата из Одессы (фамилии тоже не помню — по профессии он был врачом и участвовал во всех конвентах, на которых я был; он вообще был самым видным деятелем организации в Одессе). Возможно, что я из этих переименованных пропустил 2-3 присутствовавших, но вообще перечень этот почти полон.

Собрался этот конвент очень конспиративно; все сношения по его подготовке как и по подготовке всех следующих конвентов да и вообще сношения с провинцией велись не

путем переписки, а через специальные объезды членов Верховного Совета или их представителей.

Председательствовал на конвенте Некрасов.

Первым в порядке для конвента стоял вопрос о конституировании русской масонской организации. Были сделаны сообщения — докладчиком от Верховного Совета был Некрасов — что в России имеется всего около 14-15 лож, из них в Петербурге 5, 3-4 в Киеве, 1-2 в Москве, и по одной в Нижнем, Одессе и Минске — и что это число достаточно для выделения русских масонов в самостоятельную организацию наряду с другими Великими Востоками.

Предложение это встретило только слабые возражения. Некоторые сомневались; возможно ли совершить подобное выделение, не получив предварительного согласия от Великого Востока Франции. На это сторонники немедленного решения вопроса отвечали указанием, что санкцию от Франции можно будет получить потом. По существу против предложения никто не возражал, и вторая точка зрения победила значительным большинством.

Зато большие споры разгорелись по вопросу о том, какое название надлежит присвоить организации: в этой связи поднялся спор между русскими и украинскими ложами. Подавляющее большинство конвента стояло за название «Великого Востока России»; Грушевский же требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова «Россия». Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией, как государственной единицей, право на целостное существование; его с рядом оговорок поддерживал Василенко.

Против Грушевского выступали все остальные, и спор, временами очень резкий, длился два дня. Самыми лучшими были выступления Колюбакина (который вообще производил подкупающее впечатление), Некрасова и Штейнгеля, который, хотя и представлял Киевские ложи, но целиком присоединился к сторонникам «российской ориентации». Крайними централистами выступали Степанов, Обнинский и я — я тогда был против даже федерации. Я выступил с очень резкой филиппикой против Грушевского и заявил, что было бы позором подчиниться его требованию и устранить слово «Россия». Выступление мое было настолько резким, что

вызвало вмешательство председателя — единственное, которое сохранилось в моей памяти от всех трех конвентов, на которых я участвовал; он призвал меня к порядку, указав на недопустимость выражений, употребленных мною, при разговорах в братской среде. В конце концов было принято название «Великий Восток народов России».

Далее было принято решение поручить Верховному Совету выработать устав организации и разослать его для ознакомления ложам — с тем, чтобы на следующем конвенте можно было его утвердить.

Закончился конвент избранием двух выборщиков, которым по статутам организации поручалось дело составления Верховного Совета. Выборы их были тайные, — и фамилии избранных не оглашались. Порядок составления ими Верховного Совета был таков: эти двое выборщиков кооптировали третьего; втроем они кооптировали четвертого; вчетвером — пятого, и т. д. Сами выборщики в Верховный Совет потом могли и не входить. После я узнал, что выборщиками на этот раз были выбраны Штейнгель и Головин.

Заседания этого конвента происходили на квартирах одно у Балавинского, другое у Головина; каждое тянулось целый день — из осторожности тут же и обедали и никуда в течение дня не ходили. Помню, вечером у Балавинского пили чай в гостиной и он нам показал люстру, при свете которой в свое время Пушкин читал свои стихи. И самовар на столе в нашу честь был подан тот самый, из которого пил чай Пушкин: Балавинский был по матери внуком Лениных, от которых ему и перешли все эти вещи.

В последний день работ конвента ко мне подошел Колюбакин и сообщил, что я кооптирован в Верховный Совет. Это меня несколько удивило: я был самым молодым из участников конвента — и по возрасту, и по масонскому стажу, и к тому же принадлежал к другой партии, чем основная группа руководителей конвента, которая, как видно из данного выше перечня, почти целиком состояла из левых кадетов.

Первое заседание Верховного Совета состоялось тут же в Москве; помнится, что на нем присутствовали, кроме выборщиков и Колюбакина, также Некрасов и Урусов; на этом же заседании мы помнится, кооптировали Керенского, Чхеидзе и Григоровича-Барского. Позднее в состав Верховного Совета

был введен еще ряд лиц — всех я их сейчас не помню как не помню и порядка введения их. Вообще в разное время в Верховном Совете побывали Браудо, Масловский, Макаров, Сидмонов-Эристов, Карташев (последний уже в годы войны).

По своему строению Верховный Совет целиком был подобен ложе. Он так и звался — «ложей Верховного Совета», т. е. в нем имелись Venerable, оратор и два надзирателя. Венераблем был Штейнгель; в тех случаях, когда он отсутствовал, его заменял Урусов. Оратор в Верховном Совете роли не играл, так как, конечно, непосредственного приема в Верховный Совет новых членов не производили; поэтому фамилии ораторов Верховного Совета в моей памяти не сохранились.

Наиболее важную роль в жизни Верховного Совета играл его секретарь, который был докладчиком в Верховном Совете по всем текущим делам, а позднее, после создания Петербургского местного Совета — он же был докладчиком и в последнем; по своему положению он должен был знать всех венераблей всех русских лож; все сношения Верховного Совета с ними велись через него или под его контролем; он один имел право требовать открытия ему имен и всех отдельных членов лож, чем, правда, на практике он пользовался редко. Вообще — он был главным организатором в масонской организации.

Таким секретарем до конвента 1912 г. был Некрасов; после этого конвента и до его отъезда в конце 1914 г. на фронт — Колюбакин; затем, до конвента 1916 г., сначала Некрасов, затем Керенский; после конвента 1916 г. — я, до самого своего выезда за границу, когда заместителем моим стал Балавинский.

Работая в Верховном Совете, я узнал, что русские конвенты бывали и до 1912 г., всего, кажется, один, много два. Но не как верховные съезды самостоятельной русской организации, а как совещания представителей русских лож, аффилированных к Великому Востоку Франции. Существовал и Верховный Совет — опять-таки не как самостоятельное учреждение. В его состав, насколько я знаю, входили, кроме секретаря Некрасова, еще Сидмонов-Эристов, Степанов и др. Душою организации, главным ее инициатором и организатором — был С. Д. Урусов, через которого,

главным образом, и поддерживались ее связи с Великим Востоком Франции.

В это же время я узнал и причины, которые побудили Верховный Совет провести меня на московский конвент 1912 г. В ложах тогда шла борьба с Грушевским и его сторонниками; вопрос о формах будущей организации России обсуждался в ложах, и я все время высказывался в крайнем централистском духе. Верховный Совет предвидел, что этот спор станет в центре работ конвента 1912 г. и стремился провести вполне надежных с его точки зрения людей, т. е. определенных противников позиции Грушевского.

Верховный Совет был главным руководителем масонской организации в России. Его главными функциями были:

1. Организация новых лож и контроль за приемами новых членов в старые ложи. О всех новых кандидатах в Верховный Совет сообщали венерабли тех лож, в которые намечался их прием. В Петербурге все новые кандидатуры обстоятельно обсуждались венераблем соответствующей ложи и секретарем Верховного Совета, а иногда вопрос о них выносился и на заседания Верховного Совета; для провинции это правило не всегда соблюдалось.

Организация новых лож целиком была в ведении Верховного Совета. Провинцию для этой цели специально объезжали члены Верховного Совета — обычно Некрасов, Керенский, Колюбакин, Урусов; несколько поездок было сделано и мною (в Москву, Киев, Витебск). Во время этих поездок представители Верховного Совета выясняли состав местных лож, знакомились с братьями, выясняли вопросы о возможности того или иного использования их в общих интересах братства, намечались и новые кандидаты для привлечения в организацию.

Инициатива приема новых членов исходила и от Верховного Совета — последний в этих случаях исходил всегда из соображений о возможной полезности данного лица для организации. Если данное лицо шло навстречу, то прием его проводился через какую-либо из существовавших лож, или, если подходящей ложи не находилось, то для вновь привлекаемого создавалась специальная ложа. Случаев последнего рода мне помнится только два — оба относятся к годам войны;

в одном случае речь шла о приеме Кусковой и Прокоповича, в другом — Мережковского и З. Гиппиус. В последнем случае ложа была создана из Карташева, Гальперна, А. А. Майера (религиозный философ, помощник А. И. Браудо по службе в публичной библиотеке) и Некрасова (кажется, также и Керенского).

Создавая новые ложи, Верховный Совет пытался группировать их членов по роду занятий; именно таким образом были созданы ложи думская, военная, литературная. Особенно важное значение в жизни организации имела думская ложа, руководству которой Верховный Совет уделял исключительно большое внимание. В нее входили депутаты Ефремов, Коновалов, Орлов-Давыдов, Демидов, Виноградов, Волков, Степанов, Колюбакин, Некрасов, Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Гегечкори, Чхенкели (стоял вопрос о привлечении Головани, но его кандидатура была отклонена, так как Керенский высказался против: он считал его болтуном), кажется, все. Задачи этой группы были во многом аналогичны задачам Прогрессивного блока 1915-1917 гг., только с левым уклоном: без октябристов, но с трудовиками и социал-демократами: в ней Совет стремился создать объединение левой оппозиции. Сознательного отстранения октябристов из этой группы не было, — об ультиматуме Чхеидзе, про который рассказываете Вы, я ничего не знал. Если бы он был поставлен в мое время, то Совет счел бы его нарушением основных принципов организации и несомненно высказался бы резко против него. Говорю об этом с такой уверенностью потому, что и в мое время вопрос о привлечении октябристов в общей форме вставал и в Верховном Совете, и в Думской ложе. Я сам в это время по этому вопросу склонялся к точке зрения недопустимости привлечения октябристов и горячо тогда эту свою точку зрения защищал, но был разбит, что называется, наголову — и теперь думаю, что мои тогдашние противники были правы. Поэтому, если бы подходящий октябрист, типа, например, Шидловского, нашелся и согласился бы вступить в ложу, то он, если б его анкетные ответы оказались подходящими, был бы несомненно принят. Фактического значения этот пункт, однако, не имеет, так как таких октябристов не нашлось и практически вопрос о приеме кого-либо из октябристов вообще не вставал.

Стремясь к объединению левой оппозиции, думская группа заботилась о сглаживании всякого рода конфликтов и трений между различными левыми фракциями в Государственной Думе и к облегчению их совместных выступлений. Особенно много удавалось делать в этом направлении в конституционно-демократической партии; выступления кадетов-масонов и кадетов думской фракции и даже в Центральном Комитете кадетской партии были всегда координированы со взглядами Верховного Совета и проникнуты действительным чувством братства. У социал-демократов дело обстояло много хуже — это объясняется личными свойствами Чхеидзе, его большим скептицизмом в отношении к задачам организации. Цели морального совершенствования, братского сближения его, видимо, никогда не захватывали, — этим он отличался от Гегечкори и особенно Чхенкели, которые значительно больше сблизились с нашей организацией, в значительно большей степени прониклись ее духом. Чхеидзе же всегда оставался в наших рядах в известной мере инородным телом.

Из других специальных лож около этого времени, т. е. после 1912 г. и до начала войны, — были созданы ложи литературная и военная. Первая из них, т. е. литературная ложа, была создана, кажется, зимою 1914 г., в нее входили Масловский-Мстиславский, Богучаровский, А. А. Мейер, потом Карташев; кажется, в нее входил и Н. Н. Суханов (в организацию вообще он входил несомненно). Широкого развития эта ложа не получила, а после истории с Мстиславским, о которой будет дальше, и совсем захирела. По планам, в этой ложе должны были быть объединены крупные журналисты из важнейших левых газет, но осуществления эти планы не получили. Из «Речи» в ложи никто не входил (сообщенный Вами рассказ Неманова о попытке Некрасова привлечь его, Неманова, в литературную ложу, вполне правдоподобен; этим делом занимался Некрасов, и он мог сделать подобную попытку, но мне об этой попытке ничего не известно), — тем не менее на эту газету мы в известных пределах воздействовали, давая туда через Клячко-Львова нужную информацию; Львов, который сам в организации не состоял и о существовании ее не знал, проводил через газеты все, что нам казалось полезным и в нужном для нас освещении; особенно хорошо он это дело выполнял в 1917 г. Из «Дней» был намечен к

привлечению Канторович, но почему-то и этот план осуществления не получил (почему именно, сейчас не помню). Позднее очень хотели привлечь в ложу А. Н. Потресова. Об этом много говорили в Верховном Совете и все относились с большим сочувствием — но к нему не нашли никаких ходов: я с ним был знаком очень мало; не было среди нас и никого другого, кто бы был с ним настолько хорошо знаком, что мог бы взять на себя эти пререговоры. Но этот последний план относится уже ко много более позднему периоду, — к концу войны или даже к началу революции.

Военная группа была создана тоже около зимы 1913-14 гг. Организатором ее был Мстиславский; в нее входили Свечин, позднее генерал, какой-то генерал и кто-то из офицеров академии. Деятельности большой она не проявляла, собиралась, если не ошибаюсь, всего 2-3 раза, а после начала войны и вообще прекратила свое существование. Вообще все разговоры о необходимости проникновения в армию, которые у нас велись очень часто и охотно, так и остались разговорами и осуществления не получили. С «усыплением» Масловского, о чем я скажу ниже, дело и вообще затихло.

О собраниях с генералом Рузским, про которое Вы мне передаете со слов Горького, мне ничего не известно, но организатор этих собраний, приведший на одно из них Горького, двоюродный брат генерала Рузского, профессор, кажется, политехнического института, Рузский, Дмитрий Павлович, состоял в нашей организации и в годы войны играл в ней видную роль: он был венераблем, членом местного петербургского Совета, и секретарем его. Собрания, которые он устраивал, формально не могли быть масонскими, — если б он организовал особую ложу, то мне это в должности секретаря Верховного Совета неизбежно должно было бы быть известно. Но частные попытки, организационно не оформленные, в направлении установления связей с военными кругами, он мог делать и на свой личный страх. Это с точки зрения нашей организации было не только допустимо, но и желательно. Д. Рузский мог стремиться их делать еще и потому, что он был из тех, кто особенно резко выступал против Мстиславского и требовал его устранения, а после его устранения взял на себя в организации работу по установлению связи с военными кругами. Но все это относится уже к 1916-17 гг., когда

организационно неоформленные связи с военными начали завязываться очень многими видными деятелями нашей организации.

Зима 1912-13 г., кроме организационной работы, особенно важной тогда в новой Государственной думе, была закончена работой по выработке устава организации. Автором его явился С. Д. Масловский-Мстиславский, много руководящих указаний ему дал С. Д. Урусов, вообще, повторяю, игравший очень видную роль в жизни организации. Разработанный проект устава был разослан по ложам для обсуждения и затем, после согласования предложенных изменений Верховным Советом, был предложен на утверждение конвента 1913 г.

Этот конвент собрался летом 1913 г. в Петербурге; собрания шли, помнится, на квартире Степанова. Особых подробностей о нем я сейчас припомнить не могу; помню только, что из новых участников на этом конвенте был В. Я. Богучарский-Яковлев, и, кажется, Скобелев. Конвент этот, после обсуждения и внесения поправок, принял предложенный проект устава и поручил Верховному Совету изыскать способ конспиративного издания его — такой, который не вскрывал бы факта существования организации и в то же время давал бы членам возможность хранить этот устав вполне легально, не навлекая подозрений полиции. Такой способ позднее был найден и устав в 1915, кажется, году был отпечатан в виде приложения к книге Сидоренко «Итальянские угольщики». Написана эта книга была Мстиславским в форме якобы исторического исследования об итальянских карбонариях 20-30-х годов XVIII века; конечно, она была очень поверхностной компиляцией, к тому же с искажениями, так как нужно было историю подгонять к нашему уставу, печатавшемуся в приложении в качестве исторического документа. Но поставленным изданием цель — опубликование устава без обнаружения тайны существования организации — была достигнута. По этому уставу можно установить структуру нашей организации.

Финансы организации составлялись из членских взносов, которые были невелики, они через венераблей сосредоточивались в руках секретаря Верховного Совета. Больших сумм в этой кассе не было — наличность обычно не превы-

шала нескольких сотен. Но когда деньги бывали нужны для какого-нибудь дела, мы их всегда могли достать, так как такие члены организации, как например, граф Орлов-Давыдов, всегда с полной готовностью давали требуемые суммы.

Приблизительно к этому периоду, т. е. к 1912-13 гг., относится и создание местного петербургского Совета, — по уставу такие Советы создавались в том случае, если число лож в каком-либо пункте достигало 5. В состав этого Совета входили венерабли всех местных лож — я помню, что там были Богучарский, Степанов, Демьянов, Виноградов, Д. Рузский, Колюбакин, Чайковский. Секретарем был Рузский. Председателя постоянного не было — его выбирали каждый раз особо. Связь с Верховным Советом поддерживалась через секретаря Верховного Совета, который входил в этот местный совет.

Кроме Петербурга, местный Совет был создан еще и в Киеве, но уже позднее, в годы войны. Других местных Советов не существовало.

Общие задачи организации, как они сложились в это время, я вкратце определил бы следующей формулой: стремление к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России. Политического заговора, как сознательно поставленной цели, в программе нашей работы не было, и если бы кто-либо попытался в задачи организации такой заговор ввести, то это вызвало бы протесты со стороны многих. Был, правда, целый ряд лиц, из них часть очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись — например, Мстиславский и Некрасов. Но в организации они свою точку проводили осторожно и закрепить ее в качестве официальной точки зрения организации не стремились (об эпизоде с Мстиславским я сейчас не говорю). Борьба за свободу, конечно, входила в задачи организации; об этом говорилось даже в клятве, но конкретно средства и пути нигде сформулированы не были. Задачи личного усовершенствования для многих тоже играли весьма значительную роль. Таких, как Чхеидзе, который эту сторону задач организации совершенно не воспринимали, было очень мало. Для некоторых же эта сторона задач организации имела главное значение. Так, например, в Киеве преобладали в организа-

ции люди, для которых этические задачи стояли на первом месте.

Социалистической окраски программа организации не носила, но широким социальным реформам всемерно все члены сочувствовали и к социалистическому движению относились больше, чем терпимо. Я, пожалуй, назвал бы нашу организацию последним прибежищем великих идей 1789 г.: лозунги «братство, равенство, свобода» у нас воспринимались в их наиболее первобытном — не искаженном и не усложненном виде.

Очень характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху лично — за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова — революционный патриотизм. Наиболее сильно это настроение выступило, конечно, в годы войны, но в основе оно имелось и раньше. Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношении монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения; можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксированным догматом организации.

В Верховный Совет, как я уже указал, поступали все предложения, вынесенные в отдельных ложах; многие вопросы он и сам поднимал. Принятые им решения обычно имели характер только руководящих указаний, значение которых было только морального порядка. При вынесении их Верховный Совет всегда стремился найти линию, приемлемую для людей всех тех взглядов, которые были объединены в ложах — и в этом была их сила. Но в принципе мы признавали и вынесение решений, связывающих отдельных членов и формально.

Начало войны захватило меня за границей: я уехал туда в июле 1914 года, а вернулся только 9 сентября старого стиля 1914 г. (через Константинополь—Одессу). Поэтому в первых заседаниях Верховного Совета времени войны, на которых определилось отношение к войне, я не присутствовал и в выработке этого отношения не участвовал. Когда я приехал, то у подавляющего большинства членов я нашел настроения большого патриотического (конечно, не ура-патриотического,

а патриотического в хорошем смысле слова) подъема и сознание необходимости борьбы с элементами пораженчества. Между прочим, большим влиянием в это время в Верховном Совете пользовался Мстиславский, которого считали, за его военные обзоры, большим знатоком военных дел. Настроен он тогда был также, как и остальные члены Верховного Совета, т. е. в революционно-патриотическом духе. Впрочем, элементы революционности в то время в этом настроении звучали не сильно — рост их относится к уже более позднему периоду.

К первой зиме военных лет относится острый конфликт в братстве на почве дела Мстиславского — конфликт, создавший очень тяжелую атмосферу и даже внесший сильное разложение в организацию. Существо этого конфликта состояло в том, что возникли подозрения относительно морально-политической благонадежности Мстиславского, — этим подозрениям большую веру давали два видных члена братства, члены петербургского местного Совета, — В. Я. Богучарский и Д. П. Рузский. Основаны эти подозрения были на непонятной для многих терпимости к Мстиславскому со стороны его начальства. Он служил, как известно, библиотекарем Академии генерального штаба, т. е. учреждения ультра-охранительного, несмотря на то, что о нем широко было известно, что он сотрудничает в «Русском богатстве». Больше того: в 1912-13 гг. он был арестован по одному из эсеровских дел; после кратковременного заключения в Петропавловской крепости его освободили и не только не лишили проживания в Петербурге, что тогда было общим правилом для политически неблагонадежных, а [неразборчиво] знакомства его были широко известны, но и оставили на службе в Академии, а после начала войны его к тому же пригласили в «Правительственный вестник» на ответственную работу — составления военных обзоров.

По существу, я считал и теперь считаю, что данных для обвинения Мстиславского в политической нечестности не имелось. Он был, несомненно, большим честолюбцем, вероятно, умел сохранять двойное лицо, прикидываясь в отношениях с академическим начальством совсем не тем, кем он выступал в общении со своими знакомыми из литературного и революционного лагеря, но не больше. Надо сказать, что

сам Мстиславский вел себя больше чем легкомысленно и давал много пищи для неблагоприятных о нем слухов.

Верховный Совет считая, как и я, что обвинение против Мстиславского необосновано, выступил в его защиту; это выступление не убедило обвинителей. Богучарский вообще был очень личный и страстный человек, и относился он к Мстиславскому, с которым сталкивался и в ложе, и в литературной группе, с большим озлоблением. Я это хорошо помню, так как мне, по поручению Верховного Совета, пришлось с ним на эту тему объясняться — уже незадолго до его смерти, когда он больным лежал в постели. Объяснение это носило очень неприятный характер.

Развязка всей этой истории была вызвана поведением самого же Мстиславского. После возникновения слухов он на некоторое время прекратил посещение и своей ложи, и Верховного Совета; на заседания последнего его, впрочем, и приглашать перестали. Так шло несколько месяцев. И вот в один прекрасный день, уже осенью 1915 г., приходит он ко мне и заявляет, что хочет встретиться с братьями по ложе по одному очень важному делу. Я спросил братьев по ложе, хотят ли они встретиться. Они согласились, и собрание состоялось. Помню, кроме меня на собрании присутствовали Демьянов, который был в Ложе венераблем и председательствовал на этом собрании, Макаров, А. И. Браудо, Я. Я. Брусов, Сидамонов-Эристов. На этом собрании Мстиславский заявил, что считает необходимым организовать заговор на жизнь государя, что для такого заговора имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства, и что он хочет знать мнение братства о таком предприятии. Говорил он нервно, долго, когда кончил, в комнате как бы холодком повеяло. Буквально все были афраппированы: кто верил в политическую честность Мстиславского, был удивлен и смущен его бестактностью и легкомыслием; у кого и раньше имелось недоверие (такими на этом собрании были Брусов и Сидамонов-Эристов), те, конечно, в этом предложении Мстиславского видели новое подтверждение своих подозрений. Соответственно с этим и было встречено предложение. Прений о нем совсем не было. Было только сформулировано общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи брат-

ства; в персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно. Это было последнее заявление Мстиславского в братстве.

Я сообщил о выступлении Мстиславского в Верховном Совете и тут было решено «усыпить» его, т. е. прекратить с ним всякое братское общение — не сообщая о том в официальном порядке по ложам.

Вся эта история с Мстиславским создала в братстве очень тяжелую атмосферу. Деятельность братства в 1915 г. почти замерла. Ложи, которые относились с недоверием к Мстиславскому, считали, что Верховный Совет его покрывает и переносили известную долю своего недоверия на Верховный Совет. Собрания лож начали происходить нерегулярно. Сношения Верховного Совета с ложами поддерживались с большим трудом. Слухи о неладах в Петербурге проникли и в провинцию, особенно на Украину, и создали там подобную же атмосферу. Возможно, что именно ввиду этого и не был созван конвент 1915 г. — в 1914 г. он не мог состояться из-за начала войны и мобилизации ряда братьев. Конечно, эта последняя причина продолжала действовать и в 1915 году.

Исключением в вопросе об отношении к войне, если не считать Чхеидзе, была позиция части украинских лож, главным образом Киевских, руководителем которых был Грушевский. Помню, что оттуда приезжал Григорович-Барский, который жаловался на пораженческую пропаганду в некоторых ложах. Почва для такой пропаганды там имелась, ибо на Украине скептицизм по отношению к задачам войны был вообще значительно более развит, чем в Петербурге и других городах Великороссии. Верховный Совет тогда откомандировал в Киев Некрасова и он там вел разговоры с Грушевским и его сторонниками.

Рост активности Верховного Совета в вопросах политических относится к лету и осени 1915 г. — к периоду после поражений в Галиции. В Государственной думе и Государственном совете в это время возник «Прогрессивный блок». Верховный Совет был в оппозиции к политике Прогрессивного блока и основная линия его политической деятельности в это время шла в направлении усиления и заострения левой оппозиции в Государственной думе и создания левого блока из кадетов и других революционных групп. В этом смысле он

и стремился воздействовать на ЦК кадетской партии. Основное, что в моей памяти от этого времени осталось, это сообщения Некрасова в думской группе или Верховном Совете о спорах в ЦК кадетской партии и обсуждения этих сообщений. Очень стремились мы в этот период и к установлению связей с подпольными организациями революционных партий. Для нас самих вопрос о революционных методах тогда еще не стоял; мнение о том что революция во время войны невозможна и недопустима, у нас все еще преобладало; но интерес к революционному движению все рос и желание связаться становилось все сильнее. Связи с эсерами нам давал Керенский, связь с социал-демократами — я и Соколов; именно к этому времени относится вовлечение в ложу и некоторых большевиков, например, Н. И. Степанова-Скворцова в Москве. Впрочем, большевики в это время, после скандального для них процесса членов их фракции в Четвертой Государственной думе, были вообще на ущербе.

С большим сочувствием Верховный Совет относился к Военно-промышленным комитетам и к идее привлечения в них представителей рабочих. Вопросы, связанные с этими комитетами, в Верховном Совете обсуждались не раз; были обсуждения и вопроса о рабочих группах, но каких-либо активных шагов по проведению политики Верховного Совета в этом последнем вопросе я не помню. Рабочих в числе братьев у нас не было.

Летом 1916 года состоялся конвент — последний из всех бывших в России. Собрался он в Петербурге, заседал на квартире Степанова, длился два дня. Это был последний предельный срок для работ наших конвентов, принятый по соображениям конспирации, так как более продолжительные работы конвента могли привлечь подозрения.

Из участников конвента этого я помню:

от Петербурга: Некрасов, Керенский, Степанов, Демидов, Виноградов, Карташев, Д. П. Рузский, А. А. Майер, Демьянов, К. Г. Голубков, я.

От Москвы: Головин, Урусов.

От Киева: Григорович-Барский, Штейнгель, Н. П. Василенко и другие, — всего 7 человек (Грушевского не было).

От Екатеринбурга: Кроль.

От Харькова:

От Самары:

От Саратова: Никонов.

От Риги: латыш.

От Ревеля: эстонец.

От Одессы: тот же доктор.

От Вильны:

От Витебска: мандат был передан кому-то из петербургских братьев.

Был еще один делегат из не помню какого города с Украины (не то Полтавы, не то Кременчуга — ложа там была основана сторонниками Грушевского).

Вначале были заслушаны доклады Верховного Совета о делах на фронте, с мест. Помню, с фронта докладывал Некрасов. Доклады с мест выяснили довольно большой рост организации.

Затем конвент перешел к обсуждению вопросов общественного характера. Выступления свидетельствовали о сильном понижении политического настроения по сравнению с первыми месяцами войны. Все сильнее звучали революционные ноты — уверенность, что это правительство не может победить, что «для победы нужна революция». Особенно сильно эти настроения звучали в речах делегатов из провинции. Среди этих делегатов особенно крупных политических деятелей не было; выступления их внешне были совсем не яркие, часто они звучали даже несколько косноязычно. Тем убедительнее были прорывавшиеся в них революционные настроения. Представители центра должны были сдерживать эти настроения провинциальных делегатов — в этом духе выступали Некрасов, Степанов (последний у нас представлял правое крыло, все время тяготел к политике Прогрессивного блока); в этом же смысле говорил и я. Нам удалось убедить провинциальных делегатов, ввести их настроения в желательную Верховному Совету норму, и принятая резолюция (она не сохранилась) была составлена в духе политики Верховного Совета.

Последние перед революцией месяцы в Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню, разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений — о переговорах Г. Е. Львова с генералом Алексеевым

в ставке относительно ареста царя, о заговорщических планах Крымова (сообщил о них Некрасов), о переговорах Маклакова по поводу какого-то дворцового заговора (Маклаков был старым французским масоном, но в русскую ложу он не входил и едва ли вообще об их существовании догадывался). Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп. Настроение офицерства в это время было вообще очень интересно. Я присматривался к нему и сам; многое слышал от других, и основное, что меня поразило, это полное отсутствие преторианских чувств. Полный индифферентизм по отношению к царской семье. Политической активности в офицерских кругах было немного — преобладало пассивное ожидание неизбежного.

Организационно братство к этому времени достигло своего расцвета. В одном Петербурге в ложи входило 95 человек. Ложи существовали в Петербурге, Москве, Киеве, Риге, Нижнем, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Кутаисе, Тифлисе, Одессе, Минске, Витебске, Вильне, Харькове.

Из наиболее видных членов, кроме уже названных выше, я могу указать:

По Петербургу: В. А. Оболенский, проф. ботаники Костычев.

По Москве: Ф. Ф. Кокошкин, И. И. Степанов-Скворцов.

По Киеву: барон Ф. И. Штейнгель (еще французский масон), Н. П. Василенко (из «Киевской мысли»), С. Н. Чебаков (тов. прокурора судебной палаты, по взглядам очень лево настроенный)

По Риге: Земгал, после революции — Президент Латвийской республики.

Очень характерно, что в состав лож входило только очень небольшое число евреев. В момент моего вступления в Верховный Совет в братстве было всего только два еврея: я и Браудо; позднее в петербургские ложи были введены еще Р. М. Бланк и Штернберг, бывший народоволец, недавно умерший; то же и в провинции; в Киеве, например, и в Москве евреев совсем не было. Из евреев в провинции я знаю одного в Одессе да еще Кроля в Екатеринбурге. Может быть, конечно, были и другие, — особенно в Северо-Западном крае, но немногие. Никаких формальных препятствий для приема евреев, конечно, не было — объяснялось это естественным

отбором лиц из круга знакомых. Мало было в ложах даже инославных, например, лютеран и караимов. Преобладали люди коренной русской крови — великороссы и малороссы. Много было людей религиозных в полном смысле этого слова, даже православных. Интересно отметить еще, что состав лож в Прибалтике, в Риге и Ревеле пополнялся исключительно из числа местной русской и латышско-эстонской интеллигенции и общественных деятелей; представителей немецкого населения в них совершенно не было.

В области сближения с представителями революционных организаций значительный шаг был сделан в начале 1917 г. Как известно, в январе 1917 г. большевики сделали попытку вызвать демонстративные выступления в Петербурге — в соответственном духе они распространили прокламации по заводам. По этому поводу было созвано специальное собрание Верховного Совета, на котором было постановлено вступить в сношения с революционными организациями, чтобы попытаться убедить их отказаться от подобных выступлений. Были выбраны делегаты для переговоров — Керенский, Некрасов, Соколов и я. По инициативе этих делегатов и были созваны те собрания у Соколова, рассказ о которых имеется в воспоминаниях Суханова.

Несмотря на все это, революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас в начале ее была прямо фантастическая. Насколько мы мало понимали смысл февральских событий даже тогда, когда они начали носить очень серьезный характер, видно по следующему примеру со мной лично. Последнее собрание Верховного Совета перед революцией было назначено на воскресенье 26 февраля. Должно оно было состояться на квартире Коновалова (который тогда был в Верховном Совете), на Фурштадской. Мне позвонили о нем на квартиру, — но не застали дома, так как я был на Васильевском острове, у своей теперешней жены. Мне позвонили туда и очень просили придти, но после некоторого колебания я все же не пошел: у сестры моей теперешней жены был сердечный припадок, и я бегал за врачом; дальше в это время уже не ходили трамваи и не было извозчиков; конечно, если б сознавал, какие события идут, все же нашел возможность добраться до Фурштадской, но думалось, что это обычное очередное собрание, если не побываю на нем, ничего не будет.

На следующий день меня разбудила в 6 часов утра по телефону жена Некрасова. Она звонила по просьбе мужа, чтобы сообщить, что только что ему звонил из Государственной думы Родзянко о получении указа о роспуске и вызвал срочно в Государственную думу для совещания; Некрасов уже убежал туда и — «муж просил Вам об этом сейчас же сообщить». Я спросил, передано ли это Керенскому. Она отвечала, что не знает. Звоню ему сам, поймал его уже в передней, он шел в Государственную думу, условились встретиться у Соколова тотчас же, как только он выяснит положение дел. Встреча эта состоялась в 10-10 1/2 часов утра; Керенский рассказал и убежал обратно в Государственную думу. Звонил он нам каждые полчаса — мы сидели и ждали. Вскоре увидели на улице под окнами беспорядочные толпы вооруженных солдат; помню, кто-то сказал: «Да это настоящий бунт». Настроение у нас было больше чем пониженное — так лидеры русской революции готовили эту революцию.

Собраний Верховного Совета как такового в первые дни революции не было*; поэтому не было в нем и обсуждения вопроса о составе временного правительства. Но группа руководящих деятелей Верховного Совета — Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и я — все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении, но говорить и о нашем сознательном воздействии на формирование правительства нельзя: мы все были очень растеряны и сознательно задачи сделать состав Временного правительства более левым во всяком случае не ставили. Тем не менее известное влияние мы оказывали, и это чувствовали наши противники; помню, тогда приводили слова Милюкова, который заявил, что «над правительством начинает тяготеть какая-то тайная сила».

Позднее был ряд собраний Верховного Совета — бывал на них и Чхеидзе, хотя каждый раз затаскивать его туда удавалось только с трудом. Он еще с начала войны стал явно уклоняться от посещения Верховного Совета, а после революции в

* Первое собрание Верховного Совета состоялось уже после опубликования состава Временного Правительства, на квартире Керенского; разговор на этом собрании шел о воздействии на левых. Чхеидзе на собрании не было.

Позднее был ряд собраний Верховного Совета — бывал на них и Чхеидзе, хотя каждый раз затаскивать его туда удавалось только с трудом. Он еще с начала войны стал явно уклоняться от посещения Верховного Совета, а после революции в частных разговорах со мной и прямо говорил, что считает роль братства оконченной и настаивал на прекращении его деятельности; официально об этом он, однако, не заявлял, соответствующих предложений в Верховный Совет не вносил, и, хотя и с пропусками и очень неохотно, но посещал заседания Верховного Совета — последний раз в Верховном Совете я его видел в октябре 1917 г., на совещании с киевлянами.

Основная забота Верховного Совета в это время состояла в воздействии на левые партии в целях удержания их в русле коалиционной политики. Значительная доля работы в этот период выпала на меня, так как все основные переговоры с Советом рабочих депутатов, т. е. с Чхеидзе, в этот период приходилось вести мне. Часто Керенский, узнав о каком-либо решении Совета, просил меня съездить в Таврический Дворец. Я ехал и говорил, причем тот факт, что Чхеидзе был братом, сильно облегчал мне задачу, я мог говорить с ним совсем просто: «чего кочевряжитесь, ведь все же наши это считают правильным, надо исправить и сделать по-нашему». Историю этих поездок наверное можно будет восстановить, если просмотреть комплект «Речи», я тогда давал сведения Львову.

Большую роль играли братские связи в деле назначения администрации 1917 г. на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или какой-нибудь другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор.

Конечно, и братья из провинции говорили с теми из членов правительства, которые состояли в братстве, совсем иным тоном. Помню, я как-то говорил по прямому проводу с Гегечкори в Тифлисе, и в том, как он ко мне обращался, явно чувствовалось, что это, помимо всего прочего, говорит брат с братом. Из вновь принятых за месяцы революции братьев я помню Н. Д. Авксентьева (и раньше бывшего масоном во Франции) и Б. В. Савинкова.

За идею коалиции Верховный Совет держался до конца. Именно по решению Верховного Совета я в таком духе вел собрание в Малахитовом зале, на котором я председательствовал. Верховный Совет и его члены поддерживали коалицию и на Демократическом совещании.

Несколько раз Верховный Совет обсуждал вопрос о войне и большинство склонялось к мысли о необходимости форсировать заключение мира. Я был решительным сторонником активных шагов в этом направлении и помню, что в период споров о стокгольмской конференции я читал на эту тему доклад в редакции «Дней»; по моим же настояниям и в кадетских кругах ставился этот вопрос. Я считал тогда, что воевать мы не можем — об этом говорили все доклады с фронтов; а потому необходимо убедить союзников, что мы можем лопнуть, если они не согласятся на общие переговоры.

Обсуждения в Верховном Совете вопроса о необходимости добиваться отставки Милюкова я не помню.

Ни Кишкин, ни Смирнов членами братства не были и введение их в правительство объяснялось совсем не этим. В этот период формирование правительства уже не шло по линии масон-не-масон; масоны с охотой искали подходящих людей из буржуазных кругов вне братства.

Из остальных собраний Верховного Совета я помню собрание в июле 1917 г. на квартире у Некрасова (на этом собрании Чхеидзе присутствовал). Вопрос стоял о преследованиях большевиков и о коалиции. Общей точкой в это время было, что левые губят коалицию, а кадеты являются ее стержнем. Много нападок в это время в братских кругах было на Переверзева в связи с опубликованием им документов о большевиках. Вопрос этот тоже обсуждался на этом заседании Верховного Совета — последний, хотя и с оговорками, но встал на сторону Переверзева, найдя, что в основе он действовал правильно.

Последнее заседание Верховного Совета имело место в самом конце сентября или даже в начале октября 1917 г. в связи с приездом киевлян — Григоровича-Барского и Чебакова. Это вообще было единственное полное собрание Верховного Совета за месяцы революции — на всех других киевлян не было. Был на этом собрании и Чхеидзе. Григорович-Барский и Чебаков приехали в Петербург, чтобы раскрыть, по их

выражению, глаза правительству на подлинные вожделения украинцев, которые в это время уже стояли на позиции полного отделения от России и склонялись к немецкой ориентации, и заставить Временное правительство бороться с этим сепаратизмом. На собрании Верховного Совета киевляне горько сетовали, что правительство так далеко идет в своих уступках. Все высказывавшиеся члены Верховного Совета — и Чхеидзе в том числе — признавали необходимость выступления Временного правительства против украинских сепаратистов. В соответствующем духе и было принято решение — о воздействии на Временное правительство в соответственном смысле.

Это собрание было последним. Вскоре после этого совершился большевистский переворот и собрания Верховного Совета стали вообще невозможны; Керенский и Некрасов были в нетях; скоро и я сам уехал в Финляндию, где пробыл до апреля 1918 г. С мая по декабрь 1918 г. я жил полулегально в Петербурге, временами наезжая в Москву: скрывался от большевистских местных властей и в то же время через знакомых хлопотал о визе в Германию. Крестинский, к которому тогда по этому делу обратились, предложил мне, если я хочу выехать за границу, занять пост эксперта в Берлине, при полпредстве. Я, конечно, отказался — тогда он отказался помочь в добывании визы.

В это время я видел кое-кого из членов Верховного Совета — Головина, Некрасова, Балавинского.

В декабре 1918 г. выехал за границу.

Летом 1919 г. ряд членов Верховного Совета встретился в Париже — Керенский, Коновалов, Балавинский, Волков, Демидов, я — и решили восстановить нашу организацию в эмиграции. В Верховный Совет тогда мы ввели еще Н. Д. Авксентьева и Рубинштейна (харьковского — в России входил в харьковскую ложу, но на конвентах я его не видел ни разу). Секретарем был избран Демидов.

В дальнейшей работе Верховного Совета я участия не принимал, так как не верил в дело. К этому уже присоединялось и сильное отрицательное отношение многих братьев к Керенскому. Против него я не выступал: ведь мы же его выдвинули и вообще создали — сами и ответственные за него. Меня не раз пытались убедить вернуться вновь к работе —

особенно часто об этом говорил со мною Чайковский, который, судя по всему, в эмиграции стал играть очень видную роль в масонстве.

* * *

С Кропоткиным дело обстояло так: знаком я с ним был очень давно, и каждый раз, проводя лето в Англии, я часто бывал у него. Как-то, около 1910 г., я познакомился у него с Нисом, которого Кропоткин рекомендовал как масона и автора книги о роли масонства в революции 1789 г. Кропоткин мне об этой книге говорил, что она очень интересная, хотя автор и преувеличивает роль масонства, и очень советовал ее прочесть. Тогда я не был еще масоном, и не обратил на этот совет внимания. Но когда вступил в ложу, вспомнил этот разговор и очень им заинтересовался. Помню, я рассказал о нем в ложе и так как остальные члены тоже были заинтересованы, то в следующую поездку в Англию, а ездил я туда почти каждое лето, я сам при встрече с Кропоткиным повел разговор на эту тему и попытался выяснить его отношение к масонству. Был ли он сам масоном, я не знаю, говорил он на эту тему очень осторожно. Смысл его ответа сводился к следующему: в русских условиях, при существовании самодержавия, организация, в основе которой лежит стремление к освобождению людей на почве определенных нравственных принципов, может иметь большое значение для дела борьбы против самодержавия, так как она может создать действительное объединение разномыслящих людей, могущих понимать друг друга и всецело друг другу доверяющих.

**II. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
С ЕВГЕНИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ ГЕГЕЧКОРИ
Брюссель, 7 августа 1928 г.**

Это было, кажется, в 1909 г. У нас, социал-демократических депутатов, сложились очень хорошие отношения со Степановым, Волковым, Некрасовым, с группой левых кадетов вообще. Несмотря на общую атмосферу, очень неблагоприятную для левых, они не только не сторонились нас, но даже как бы сознательно искали с нами связи. Причины этого я понял только после того, как Чхеидзе ввел меня в масонскую ложу. Первым разговор со мной завел на эту тему Чхеидзе, который после долгих колебаний, что чувствовалось по его подходам, сообщил мне, что именно эта группа левых кадетов предложила ему войти в ложу. Он спрашивал мое мнение и хотел, чтобы в ложу вошел и я. Я спросил, как относится к этому делу он сам. Чхеидзе ответил, что он уже дал согласие. Я, зная об отрицательном отношении партии ко всякого рода внепартийным объединениям, стал тогда спрашивать более подробно о задачах масонской организации и мотивах его положительного ответа. Чхеидзе мне объяснил, что эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, что она стремится к насильственному перевороту, что она представляет из себя значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах, и что с нашей стороны было бы в высшей степени нецелесообразно остаться вне подобной организации, которая в будущем может сыграть весьма значительную роль;

наоборот, если мы в нее войдем и постараемся оказывать воздействие на эту организацию, на ее политические мнения, в желательном для нас, социал-демократов, направлении, то это может быть очень полезно с точки зрения тех задач, которые станут перед нами — социал-демократами. При этом он сообщил, что выяснил, что в организацию не входят правые элементы (правее прогрессистов), и что для дальнейшего им было поставлено условие в неприятии таких элементов, и это условие руководителями организации принято. Эти соображения для меня решили вопрос и я дал свое согласие, после чего состоялась моя встреча с Волковым и Некрасовым. Последние подтвердили все сообщенное Чхеидзе относительно революционного характера организации, что она действительно, оставаясь организацией непартийной, стремится к тем же политическим целям, которые преследуют революционные организации.

После ряда таких разговоров произошло посвящение, процедура которого в общем совпала с тем, что стоит в Вашей записи рассказа Чхеидзе. В назначенный день за мной приехал Волков и в карете повез меня куда-то в район Морской, где меня ввели в чей-то особняк — я до сих пор не знаю, чей он был (во всяком случае, не Набокова). Там меня оставили в отдельной комнате, куда ко мне пришел Некрасов, принесший анкетный лист. Я его заполнил. Помнится, что на вопрос: «Как вы относитесь к семье?» я ответил: «Считаю ее свободным союзом личностей, связанных общностью интересов и культурного уровня». На вопрос «Как вы относитесь к дружбе?» — «Считаю ее моральным обязательством, которое человек берет на себя по доброй воле и которое для него с этого момента является морально обязательным». На вопрос об отношении к *войне* я, оговорив о недопустимости изменческих действий, указал, что считал бы обязанностью стремиться к превращению войны в революцию. *О религии* — что сам отношусь к ней отрицательно, считаю ее опиумом, но в то же время рассматриваю ее как частное дело каждого.

Помню, что был еще вопрос о личной храбрости, о своей способности пожертвовать своею жизнью и интересами семьи для дела, которое я считаю общественно полезным. Я ответил, что этот вопрос кажется мне несколько неудобным: сказать «да» было бы слишком смело, самонадеянно, сказать

же «нет» было бы несправедливостью по отношению к себе. Такого рода самопожертвование я считаю в известных условиях, т. е. если задача, во имя которой жертва приносится, соответствует той политической работе, которой я себя посвятил, необходимым, но говорить заранее о личной способности на подобный шаг нельзя: это выяснится, когда дело дойдет до действия.

Когда я заполнил анкету, за ней зашел Некрасов и забрал ее: потом через некоторое время он же завязал мне глаза и повел в комнату, где заседали члены ложи. Здесь мне снова задали вопросы анкеты, на которые я отвечал уже устно в том же духе, что и письменно перед тем, после чего мне сказали слова клятвы, которую я повторил. В этой клятве было заявление об обязанности держать все, что относится к организации, в тайне от всех даже самых близких людей и от семьи; о готовности принести в жертву интересы семьи и близких в пользу тех задач, которые преследует ложа; в этой же клятве говорилось, что если по моей вине тайна ложи разгласится и это повлечет за собою ее провал, то я признаю себя подлежащим смертной казни.

Всю эту клятву я произносил стоя с завязанными глазами; в наиболее патетических местах клятвы, например, при заявлении о готовности пожертвовать собою, к моей груди приставляли шпагу. Во всей этой процедуре было что-то неприятно-жуткое; меня при этом ни на минуту не покидала мысль, что я делаю ошибку, вступая в эту организацию тайно от партии, скрывая этот свой шаг от последней, но в то же время вся она в целом, со всей своей необычностью для революционной среды — я должен это признать — действовала на меня несколько импонирующе.

После принесения клятвы и того стереотипного вопроса, который приведен в рассказе Чхеидзе («чего просит брат») мне сняли повязку и все присутствующие подошли с поцелуями. Среди них были Некрасов (председатель), Степанов, Н. Д. Соколов, Г. Ф. Жданович, (помню, его присутствие меня очень удивило), Чхеидзе, крупный сотрудник «Русских ведомостей» Обнинский (он был казначей ложи), некто Харитонов — старый революционер, Орлов-Давыдов.

Собрания ложи происходили регулярно каждую неделю, и я настолько увлекся этим делом, что не пропустил ни одно-

го из них. Недоверчивое отношение, которое у меня было вначале, быстро рассеялось. Атмосфера братского внимания друг к другу, стремление оказывать братьям помощь во всех делах, отсутствие враждебности и борьбы — все это действовало подкупающе. На собраниях ложи обсуждали политические вопросы, обменивались мнениями о положении дел, о действиях намеченных партиями или о том, что сделать следует. Ложа сама решений не принимала, она только намечала их и вносила в форме предложений в Верховный Совет (через Некрасова). Нашей социал-демократической деятельности ложа не стесняла; ее решения нас не связывали — скорее она нам помогала, так как члены ложи из других партий помогали нашим выступлениями, например, давая нашим подписи под нашими запросами. Даже в таких мелочах они нас поддерживали, как аплодисменты при выступлениях, создавая в Государственной думе атмосферу успеха для наших выступлений.

Из наиболее ярких случаев, когда ложа оказывалась полезной для наших социал-демократических выступлений, мне памятен следующий: после роспуска Государственной думы на 3 дня в связи с Холмским земством социал-демократическая фракция внесла срочный запрос о нарушении Столыпинным основных законов; этот наш шаг вызвал недовольство буржуазной, даже левой печати; кадетские газеты писали, а кадетские политики говорили, что социал-демократы не справятся с задачей, что они должны уступить этот запрос кадетам, у которых имеются личные ораторские и политические силы (сами кадеты с внесением запроса запоздали, мы их опередили). Ответственную речь фракция поручила мне, и тогда Некрасов, который вообще в это время сидел рядом с нами и был по существу на нашей стороне, а не на стороне кадетов, посоветовал мне обратиться к М. М. Ковалевскому, обещая, что тот поможет в подготовке выступления. Я обратился, и Ковалевский действительно помог всем, чем только мог: он работал весь день, перевернул всю свою библиотеку, пересмотрел все западно-европейские конституции, всех государствоведов и дал мне такой обильный материал, что речь вышла блестящей, и даже кадеты были вынуждены признать, что социал-демократическая фракция оказалась на высоте задачи. Когда я благодарил

Ковалевского за помощь, он мне ответил: «Это ведь мой долг в отношении близкого человека». Меня этот ответ несколько удивил: близким к Ковалевскому я никогда не был, видел его тогда чуть не в первый раз. Это мое недоумение сказалось и в моем рассказе Некрасову о приеме, который мне был сделан Ковалевским. Некрасов ответил в тоне Ковалевского: «Иначе он (то есть Ковалевский) и не мог поступить». Из этого я понял, что М. М. Ковалевский близок к масонской организации.

Между прочим, М. М. Ковалевский устраивал каждую пасху особые пасхальные приемы, на которые собиралось человек до 40, туда он стал звать и меня, после того как я вступил в ложу. На них бывали все члены нашей ложи, и я думаю, что на этих собраниях вообще бывали одни только масоны. Там я встречал еще Колубакина, Караулова, адвоката Бернштама (которого звали «Умный Б.» в отличие от другого Бернштама), Сидамонова-Эристового.

Масонская организация была очень конспиративна, отнюдь не стремилась к большому расширению своих рамок, новых членов принимали с большим разбором, тщательно обсуждая новых кандидатов; нередко предложенные кем-либо из членов кандидатуры отвергались; в нашей, например, ложе была как-то выдвинута кандидатура Булата, но после обсуждения отклонена, т. к. его признали недостаточно конспиративным. Вообще рост организации иногда даже искусственно сдерживали сверху. Но при всем этом организация была очень активна и производила впечатление молодой, верящей в свое дело. Мы, социал-демократы, большой активности не проявляли, мы вообще смотрели на себя как на элемент в известных пределах сторонний в этой организации, роль наша была больше созерцательной. Но главари из радикальной демократической интеллигенции вкладывали в свою работу много активности и энтузиазма. Сильно импонировало и то обстоятельство, что у организации были значительные средства, позволявшие ей не останавливаться перед крупными расходами на объезды провинции и т. д.

В заседаниях ложи члены ее откровенно рассказывали о всех делах организаций — рассказывали о социал-демократической организации и мы.

Кажется, в 1913 г. я был сделан мастером. В процедуру посвящения входило произнесение речи, своего рода доктор-

ской диссертации. Я выбрал тему: «О роли масонства в революционной борьбе» и говорил о том, как масонские организации могут способствовать революции. После произнесения речи я удалился — в мое отсутствие была проверена моя работа, было констатировано, что я удачно прошел испытание и признан достойным. Звание мастера давало право приема других в ложу — посвящение мое было проведено потому, что я уезжал из Петербурга и должен был действовать в провинции. Но действовать там мне почти уже не пришлось. Только в 1915 или 1916, уже во время войны, в Кутаис приезжал представитель Верховного Совета, Урусов, и с помощью местных братьев — Здановича, Чхеидзе и меня — создал кавказскую ложу. В нее были введены:

1. Кита Абашидзе, соц.-фед., друг Здановича; Кутаис.

2. Ясон Бакрадзе, юрист, общественный деятель, соц.-фед.; Кутаис.

3. Петр Кипиани, соц.-фед.; Кутаис (все трое из круга Здановича).

4. Доктор Александр Диосамидзе (брат берлинского), соц.-фед.; Тифлис.

Функционировала ли эта ложа и что делала, я не знаю, но приняты в члены эти лица были в моем присутствии. Я в работе ложи не участвовал. Она была предоставлена собственным силам.

В 1917 г. ложи в Петербурге продолжали работать. Чхеидзе мне в марте писал: «Братья наши проявляют большую активность». Некрасов и Чхеидзе переговоры вели как брат с братом. Мне передавали, что в марте Милюков был противником введения в правительство Керенского и Терещенко, и когда их все же ввели, говорил о какой-то «неведомой силе», которая начинает нависать над правительством. Но я когда узнал список членов Временного правительства, сразу понял, откуда явились некоторые раньше малоизвестные имена.

III. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С Н. С. ЧХЕИДЗЕ 24-26 августа 1925 г., Марсель

Просмотрено Чхеидзе, по указанию которого и внесены исправления и дополнения.

Как-то раз — это было в 1910 г. — ко мне подошел член Государственной думы Степанов, левый кадет, и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов; упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что вообще это связано с некоторым ритуалом. О том, что это масоны, он мне прямо не сказал. Я не был знаком с характером этой организации, равным образом я мало знал и о масонстве вообще, но почему-то — не припомню теперь, почему именно — сразу догадался, что речь идет о масонской ложе и тотчас же выразил свое согласие. Степанов указал, куда я должен прийти, — адреса я теперь не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отдельную комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на которые я должен был ответить (Степанов об этой анкете предупредил меня заранее), и оставил меня одного. Я сел писать ответы. Насколько вспоминаю, вопросы были следующие (приведу, что помню, вместе со своими ответами).

Как вы относитесь к семье? — Признаю ее как ячейку, имеющую воспитательный и объединяющий характер.

Как Вы относитесь к человеческому прогрессу? — Признаю, что человечество идет к тому, чтобы стать одной

семьей, к этому ведут объективные условия развития человечества, и считаю необходимым всеми силами работать над этим.

Ваш взгляд на религию? — Считаю, что нужно быть терпимым ко взглядам каждого.

Какие пути и методы международных отношений Вы признаете? — Считаю, что только пути мирного сотрудничества, что только общечеловеческая солидарность и стремление к взаимному пониманию является основами, на которых должны складываться международные отношения.

Как вы относитесь к войне? — Считаю, что метод решения международных споров путем войн должен быть навсегда и совершенно исключен из списка допущенных.

А если нападут на Россию? — Мы должны стремиться ликвидировать ее [войну] тем или иным мирным путем.

Какую форму правления Вы считаете наиболее приемлемой для России? — Республиканскую.

Других вопросов и своих ответов я не помню, но помню хорошо, что вопросов, имевших то или иное отношение к социализму и классовой борьбе, среди них не имелось. Этих тем не коснулся я и в своих ответах.

Когда я написал ответы, в комнату вошел Степанов, взял их и удалился, оставив меня ждать ответа. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи. Через некоторое время вошел Степанов, туго завязал мне глаза и провел куда-то, где меня усадили. Здесь мне был задан вопрос:

«Знаете ли Вы, где Вы сейчас находитесь?»

Я ответил: «На собрании масонской ложи».

В говорившем я тотчас узнал Некрасова — его голос мне был хорошо знаком. Вслед за тем Некрасов задал мне вопросы, повторявшие вопросы анкеты, я ответил в духе своих только что написанных ответов. Затем Некрасов предложил мне встать, я встал и услышал, что встали и все присутствующие. Некрасов произнес слова клятвы — об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если это связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях. Потом Некрасов задал, обращаясь ко всем присутствующим, вопрос:

«Чего просит брат?»

Присутствующие хором ответили:

«Брат просит света!» — вслед за тем Степанов снял мне повязку с глаз и поцеловал меня, нового брата. С такими же поцелуями ко мне подошли и все остальные из присутствующих. Последними, как я теперь увидел, были, кроме Некрасова и Степанова, еще член Государственной думы и присяжный поверенный А. Я. Гальперн, относительно последнего у меня некоторые сомнения, был ли он тогда; возможно, что был и еще кто-нибудь из тех, кого я назову дальше, как членов малой логи, помню, что всего было человек 5-6.

Да, позабыл, акт приема меня был сделан от имени «Великого Востока Франции».

Так я вступил в ложу. Заседания последней шли более или менее регулярно 2-4 раза в месяц; собирались на квартире какого-либо из членов; никаких ритуалов на этих собраниях не соблюдалось; состав несколько менялся — в общем руководствовались тем правилом, чтобы в ложе сходились люди, жившие относительно недалеко друг от друга, но число присутствующих было 6-8.

Совещания эти носили информационный характер; определенных докладов обычно не было; — каждый передавал новую информацию, — за эту последнюю я особенно ценил эти собрания. Из этого, конечно, не следует делать вывода, что я не признавал пользы этой организации и в других отношениях: я ее ценил как организацию, где могут быть выяснены те или иные общие прогрессивным элементам точки зрения на различные вопросы; такое согласование взглядов мне казалось политически весьма полезным. Наряду с такой информацией о событиях шла и взаимная информация об отношении к ним. Тут бывали и дебаты, причем обострения их всегда избегали; как только замечали, что разногласия не могут быть сглажены, что общую формулировку отношения к данному вопросу найти нельзя, то вопрос этот устранялся. Но по тем вопросам, когда имелось сходство отношения, резолюций не выносили, голосований не производили: все, что придавало бы собраниям сколько-нибудь связующий характер, было устранено.

В таком порядке шли обмены мнений по всем основным вопросам, встававшим в порядок дня Государственной думы и

политической жизни страны вообще. Помню разговоры о войне, о Распутине, о стачечном движении и др. Попыток перехода к активной деятельности, обсуждения и разработки каких-либо планов кампаний — не было. Даже по такому вопросу, как выборы в Четвертую Государственную думу, не было попыток поставить вопрос о совместной деятельности. Впрочем, тогда я входил еще только в ложу. Может быть в Верховном Совете или других ложах вопрос стоял.

Позднее, уже в период Четвертой Государственной думы — не помню точно, при каких обстоятельствах — встал вопрос о введении меня в Верховный Совет русских лож. Порядок этого введения я теперь вспоминаю не совсем ясно; по-видимому, оно было произведено в порядке кооптации меня Верховным Советом, но помню теперь, что моя ложа этот вопрос обсудила, одобрила мое введение в Верховный Совет, так что я до известной степени был ее представителем в Верховном Совете, хотя *прямых выборов и не было*. Я сообщал ложе о работах Верховного Совета. Никаких особых дополнительных обрядов, присяг и посвящений при переходе в Верховный Совет не было делалось.

Председателем Верховного Совета был Некрасов, казначеем — Харитонов. Верховный Совет состоял, помнится, из 12-14 человек; состав его за мое время (1912-16 гг.) несколько изменялся; я помню следующих: Керенский, Некрасов, Волков (член Государственной думы), Степанов (член Государственной думы), А. И. Коновалов (член Государственной думы), некто Харитонов, близкий к прогрессистам, Н. Д. Соколов, Колюбакин, Головин (председатель Второй Государственной думы), Григорович-Барский (из Киева). Головин был представителем Москвы, Григорович-Барский — Киева. Никаких обрядностей в заседаниях Верховного Совета, как и в ложе, не было.

В период работы в Верховном Совете я узнал о принадлежности к ложам следующих лиц, кроме уже названных: члены Г. Д. Демидов, Коновалов, Ржевский, Ефремов, Орлов-Давыдов, Чхенкели, Гегечкори, Скобелев (их троих ввел я), члены Государственной думы Д. Лучицкий, Ледницкий (последнего лично я не встречал, но слышал, что он масон), А. И. Браудо (из Публичной библиотеки), Н. Н. Суханов, В. Я. Богучарский, Швецов, Сигов (отец), Панкратов (шлис-

сельбуржец), Н. В. Чайковский, поляк Венцловский. Помню, были разговоры о введении в ложу Г. А. Лопатина, но результата не помню, в ложе с ним я во всяком случае не встречался. Всего в Петербурге было 3-4 ложи. По составу среди членов были представители всех левых, вплоть до прогрессистов, октябристов не было ни одного. О Гучкове, как члене, не слышал и не допускаю.

Были ложи и в провинции — в Москве (из членов знаю лишь Головина, слышал, кажется, еще и имя Бурышкина), в Киеве (Гр. Барский, проф. Иванов — прогрессист, член Государственной думы) в Самаре (Кугушев), Саратове, Нижнем-Новгороде. На Волге вообще лож было несколько. Сам я организовал ложу в Кутаисе в 1911 г., в нее вошли, кроме нас с Гегечкори, еще Г. Ф. Зданович [шел по процессу 50-ти], и Петр Кипиани, старик. Общих принципов, которыми руководствовались бы при привлечении, не было; во всяком случае, я их не помню. Я лично не задавался целью особенного расширения состава — меня, как я уже сказал, интересовала больше информация, которую я получал на этих собраниях; поэтому я ограничился лишь тем, что ввел Гегечкори, Чхенкели и Скобелева, да еще привлек Кипиани, которых считал по их личным качествам подходящими и по личному же влиянию полезными для лож. Зданович был введен [неразборчиво]. Во всяком случае, тот подход, которым, по вашим словам, руководствовался в деле вербовки Керенский (привлечение в ложи тех лиц, которые при перемене режима могут занять командные посты), в Верховном Совете никогда при мне сформулирован не был.

Ни в ложе, ни в Верховном Совете никаких протоколов заседаний не велось — основным правилом в ложе было вообще не оставлять никаких письменных документов об организации; поэтому и те анкетные листы, о которых я упомянул выше, уничтожались немедленно по оглашении в ложе. Единственный документ, который существовал в писаном виде — это устав организации, его давали прочесть каждому *принятому* члену и хранили в строгой тайне. Содержание его, даже отдельных пунктов, я сейчас не могу припомнить.

Порядок работы Верховного Совета немногим отличался от работы ложи. Та же информация, тот же обмен мнений с

затушевыванием острых углов, без каких-либо резолюций, без каких-либо решений. Попыток перехода к практической деятельности до 1915-16 гг. не помню; только о Распутине сообщали материалы и пытались издать брошюру Пругавина (Новоселова?) «Старец Леонтий», а когда это не удалось, распространяли ее в писанном виде. Это отсутствие активности объясняю тем, что как только мы переходили к вопросу о практических шагах, тотчас же вставляли вопросы, которые нас разъединяли и во вне лож. Помню, например, в 1913-14 г. разговоры о стачечном движении, которые уперлись в вопрос о революции. Я считал, что революция неизбежна, что мы к ней идем и должны работать для ее ускорения. Остальные (во всяком случае, большинство) подходили к этому вопросу с большой опаской, так как считали, что «стихия русской массы к добру не может привести», что, зная эту массу, нельзя увлечься мыслью о насильственных методах борьбы. (Особенно хорошо помню Волкова, который твердил мне: «Вы русской массы не знаете»).

В этих условиях общая деятельность, конечно, не была возможна, к тому же я лично всегда подчеркивал, что я — член партии и фракции, связан дисциплиной и не могу и не хочу, считаю нецелесообразным и невозможным вести политическую работу вне рамок моей партии. Оговорю — таких прямых заявлений я не делал, в этом не было нужды, но это был вообще как бы основной пункт наших отношений, молчаливо, но единодушно признанный с самого начала.

Расхождения заметно обострились и углубились после начала войны. Объявление последней застало меня в провинции — я был тогда в Минской губернии. До момента объявления войны вопрос о ней, как что-то практически чувствуемое, как что-то близкое, не стоял. Поэтому те общие фразы, которыми я ответил на соответственные вопросы в анкете, удовлетворили, по-видимому, всех — в таком же духе, помнится, я слышал и высказывания других. В июле 1914 г. вопрос встал конкретно и остро. Я вернулся в Петербург накануне известного заседания думы. Собрания ложи или Верховного Совета до выступления Хаустова не было. Через несколько дней после выступления Хаустова собрался Верховный Совет. Может быть потому, что все уже знали о моей солидарности с декларацией Хаустова, во всяком случае, общий вопрос об

оценке войны поднят не был, это очевидно считали бесполезным. Вопрос встал в плоскости: что делать? Коллюбакин заявил, что надо идти на фронт, надо принять участие в борьбе, всячески помогать ей. Коллюбакин тогда же пошел на фронт и через месяц был убит. Я высказывался в том смысле, что наша задача лежит в иной плоскости, что война поставила на очередь основные общеполитические проблемы, к решению которых надо готовиться самим и надо готовить других; надо центр тяжести перенести на общеполитическую работу в стране. Отношение большинства было неопределенное.

Но вскоре стали приезжать люди с театра военных действий; в Верховном Совете читали доклады о настроении армии — главным образом члены думы, ездившие туда в командировку; помню, что уже первые доклады, уже через несколько месяцев после начала боевых действий, сообщали о настроениях среди солдат, об их разговорах о земле, о будущем государственном устройстве России и т. д. Было ясно, что политические проблемы становятся все более заостренными, но и среди членов думы, как и в Государственной думе вообще, довольно долго большинство стояло на позиции невозможности «перепрыгнуть коней на ходу». Только позднее, после очищения Галиции, после падения Львова и Варшавы, когда выяснилось, в какой тупик заводит страну война, и в думе, и в Верховном Совете встал вопрос о политическом перевороте. Ставился он очень осторожно, не сразу. — Переворот мыслился руководящими кругами в форме переворота сверху, в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая и замены его; кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила. В этот период Верховным Советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту — помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного Совета; помню сборы денег на нужды такого переворота. Кто руководил сборами и какие средства были собраны, я не знаю. Вообще с финансовыми делами организации я не знаком, но знаю, что она имела свою кассу, казначей был, как я уже сказал, Харитонов, о котором ничего, кроме его фамилии, не знаю (был он, кажется, близок к прогрессистам); были и какие-то взносы, но необязательные, я их не делал ни разу. О планах ак-

тивных действий я в Верховном Совете ничего не слышал, и не знаю, были ли таковые.

Перед самым мартом 1917 г. деятельность организации еще более расширилась. По уставу отдельные ложи между собой общения иметь не могли — они сносились лишь через Верховный Совет. Но в январе и особенно в феврале 1917 г. было признано необходимым в целях влияния на общественное настроение устраивать более широкие собрания. К числу именно таких, созванных по инициативе Верховного Совета собраний, относятся те, о которых рассказывает Суханов, Шляпников и др. (февраль 1917 г., главным образом у Соколова); на эти собрания, наряду с членами лож, приглашались и посторонние, не члены.

После революции я ни в ложу, ни в Верховный Совет не ходил ни разу — как-то сразу оборвалось: и меня туда не тянуло, и оттуда меня не звали. И была ли там какая-нибудь работа, я не знаю.

Ни партии (Организационный комитет и Областной комитет), ни во фракции я о своем участии в ложе не рассказывал: я знал, что для партии мое участие вреда принести не может, а данное обязательство и моя обычная осторожность во всем, что касается других, заставляли быть особенно сдержанным.

Историей организации я мало интересовался — знал лишь, что незадолго до моего в нее вступления в ней произошла какая-то реорганизация; передавали, что главной причиной, побудившей провести ее, было обнаружение где-то в организации человека, которого считали ненадежным. Кто это был, я не знаю. Имени Бебутов — отвечаю на ваш вопрос — я в этой связи во всяком случае не слышал, хотя и знал его: как-то раз мне Гегечкори передал, что есть такой Бебутов и что он хочет зачем-то со мной познакомиться. Я был у него, он говорил о своих знакомствах с Бебелем и др., о своей библиотеке, переданной им социал-демократической партии и лежавшей тогда в Берлине; попутно зачем-то упомянул, что он масон. На меня он произвел неопределенное впечатление; помню, мы говорили тогда с Гегечкори и никак не могли понять, зачем Бебутов искал встречи с нами.

О военных в ложах я не знал ничего — не знаю, входили [существовали] ли таковые или нет.

IV. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С П. Н. МИЛЮКОВЫМ 8 января 1927 г., Берлин (у Б. И. Элькина)

О масонах ничего не знал. Правда, в период Четвертой Государственной думы к нему обращались с разговорами на тему о масонах, но, натываясь на его отрицательные отзывы, дальнейшие беседы прекращали. И он сам на эти разговоры внимания не обращал, считая их несерьезными — только уже в 1917 г., узнав о существовании масонских обществ, вспомнил об этих попытках, но и до сих пор ничего серьезного о масонах не знает.

* * *

В 1912 г., после созыва Четвертой Государственной думы, наметился перелом настроения. В Третьей Государственной думе кадетам приходилось все время вести работу строго в рамках обороны, только к самому концу наметилось некоторое оживление. Выборы дали победу кадетам и открыли возможность перехода в наступление, хотя бы частично: увеличилось число мандатов и, что еще важнее, наметился сдвиг настроения избирателей. Поэтому, как только новая фракция съехалась, был поставлен вопрос о принципах тактики и о плане работ в Государственной думе.

Прения с участием всех членов ЦК тянулись долго, борьба была довольно серьезная. Милюков с самого начала почувствовал, что против него выступает довольно сплоченная и довольно сильная группа, лидером ее был Некрасов. Основная линия деления проходила, по формулировке Милюкова, в отношении к революции и революционным методам ликвидации самодержавия. Милюков отстаивал необходимость ориентироваться на эволюцию и вести борьбу строго конституционными методами. Некрасов говорил о необходи-

мости держать курс на насильственную ликвидацию самодержавия.

По каким именно конкретным поводам выступил наружу этот общий спор, Милюков теперь не помнит, но он хорошо помнит, что вопрос встал именно в той форме, и очень остро, даже абстрактно, что, по мнению Милюкова, и содействовало решительности поражения Некрасова, от которого скоро отошла значительная часть его сторонников, например, Степанов и др. Горячо за Некрасова держался Коллюбакин, который был вторым лидером «левых». В итоге спора Некрасов оказался в незначительном меньшинстве.

Вторым — производным — вопросом был спор об отношении к более левым группировкам. Некрасов и Коллюбакин были сторонники тесного контакта с ними, строгого согласования с ними деятельности во всех вопросах, вообще «левого блока». Милюков, не отказываясь от согласования, когда это нужно, был против блока. Он полагал, что партии кадетов придется бороться за избирателя и с левыми партиями, и поэтому нужно стремиться возможно четче выявить свое лицо и свои положительные стороны и в отношениях направо, и в отношениях налево. Линия Милюкова опять-таки победила значительным большинством, и принятый план намечал внесение кадетами ряда своих законопроектов, в том числе всю серию разработанных в 1906–07 гг. законопроектов о свободах и т. д.

Поражению Некрасова, по словам Милюкова, сильно содействовали выявившиеся в процессе прений антипатичные черты его характера — склонность к интригам, большое честолюбие и т. д. «Надо сказать, что ведь Некрасов, как человек, очень неприятный — интриган, выбирающий самые извилистые пути».

Потерпев поражение во время этих общих споров, Некрасов не отказался от своих взглядов и в дальнейшем и все время упорно проводил свою особую линию, формируя внутри кадетской фракции свою фракцию. Это чувствовалось на каждом шагу, и Милюкову приходилось постоянно вести с ним борьбу. Из конкретных споров Милюков (и то после моего напоминания) вспомнил спор о подписях под запросами левых. Милюков действительно был очень недоволен тем, что члены кадетской партии дают свои подписи под такими запро-

сами левых, которые идут вразрез с общей линией фракции, обостряя без нужды отношения с октябристами и т. д., и внес во фракцию предложение о даче ее членами подписей под чужие запросы только в тех случаях, когда фракция как целое, т. е. ее президиум, это разрешает. Несмотря на сопротивление Некрасова, это предложение было принято, но соблюдалось далеко не всегда.

Очень ясно Милюков почувствовал существование особого сплоченного фронта в дни мартовской революции.

Непосредственно перед нею среди деятелей левого крыла прогрессивного блока усиленно разрабатывался вопрос о программе на случай революционных событий. М. М. Федоров созвал ряд собраний, которые состоялись в помещении торгово-промышленного комитета. Присутствовал ряд кадетов и прогрессистов, кое-кто из центрального военно-промышленного комитета, из союзов земств и городов; был, между прочим, Терещенко. По какому принципу производился подбор — Милюков не знает, этим делом ведал Федоров. На этих собраниях намечена была программа переворота; конституционная монархия, Алексей с регентом — Михаилом; кабинет во главе с кн. Львовым (кандидатура Родзянко была отведена, и Родзянко считал в этом виновным Милюкова, за что злился на него; так и было, но теперь Милюков сожалеет, что проводил Львова; что было бы в другом случае, не знает, но так вышло плохо) и т. д. Левых в кабинет приглашать не предполагалось, считалось, что не пойдут.

Эта программа была принята единогласно (о ней были в общих чертах осведомлены и правые члены Прогрессивного блока, которые не возражали) и считалась официальной до самой речи Милюкова в Полуциркульном зале. После нее Милюков на совещаниях Временного комитета и др., где решались вопросы, наткнулся на сплошной фронт республиканцев во главе с Некрасовым. Этот последний набросал и первый проект заявления о республике, заявление это было неудачно — «юридически неграмотно» — и было оставлено без внимания, но идея отречения Михаила победила.

О заговорах знает мало.

Кн. Львов рассказывал Милюкову, что вел переговоры с Алексеевым осенью 1916 г. У Алексеева был план ареста царицы в ставке и заточения. План был совершенно не продуман;

что делать в случае сопротивления царя, никто не знал. Он не был осуществлен, т. к. Алексеев захворал и принужден был уехать в Крым — тогда ходили слухи, что Николай узнал и Алексеева пытались отравить.

Вырубов рассказывал Милюкову, что он, по поручению Г. Львова, ездил тогда в Крым к Алексееву, чтобы продолжить переговоры. Но Алексеев сделал вид, что ничего не знает и никаких таких намерений никогда не имел.

В заговор Крымова-Терещенко-Гучкова Милюков совершенно не был посвящен, знал только, что что-то готовится, но что именно — не знал. Никого Милюков не уговаривал отсрочить переворот.

* * *

При обсуждении вопроса о регентстве Милюков внес предложение переехать в Москву, где «верные полки найдутся». Перед этим в качестве аргумента за невозможность принять корону выдвигали тот довод, что с таким известием нельзя выйти на улицу, не найдется ни одной части, которая поддержала бы.

V. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С СОКОЛОВЫМ
Берлин, у него в Schmidts-Hotel

Встреча первая

На мой вопрос о масонстве:

«Я боюсь, как бы Вы не ошиблись в оценке этого явления, а потому, хотя я сам не принадлежал к масонам, я хочу дать Вам некоторые руководящие указания:

— Теперь расслоение классовое прошло так глубоко, что есть опасность, что радикальные элементы из рабочих и буржуазных классов не смогут с собой сговориться о каких-либо общих актах, выгодных обеим сторонам, ибо если это предложение будет внесено со стороны рабочих, то буржуа побоятся, что это усилит их, а если со стороны буржуа, то испугаются рабочие. Поэтому я полагаю, что в такое время создание органов, где представители таких радикальных элементов из рабочих и не рабочих классов могли бы встречаться на нейтральной почве, будет очень и очень полезно.»

«Мой друг, — продолжил Соколов, — согласился с этим мнением и пошел в масонскую ложу».

Этот друг — несомненно сам Соколов, или кто-то из его друзей, с кем он вошел в масоны. Это ясно из дальнейшего разговора, где мысли Соколова путались с мыслями друга, местоимения первого лица с местоимениями третьего.

В общем разговоры Соколова были явно адвокатского характера. Он протяженно развивал мысль, что масонское общество ничего не давало, что все, что я объясняю масонски-

ми связями, может быть объяснено и иначе: общение в Государственной думе, работа общая в левой печати и т. д. Но существования масонства он не отрицал даже косвенно признавал, приглашая быть осторожным и не смешать роль масонской организации с другими, существовавшими рядом с последней. Соколов был разговорчив. По его словам, о них [масонах] он узнал впервые от Ип. Крымова. С последним он говорил в апреле 1917 г. в Кишиневе. Зачем Соколов поехал туда — не знаю. Встретили там его, говорил он, хорошо: «Старые друзья в память моей работы на процессе по погрому 1903 г. даже тот же номер в той же гостинице сняли, где я остановился в тот приезд. Не успел я как следует осмотреть комнату, как мне сообщают, что какой-то офицер пришел, хочет видеть. Думаю, не убить ли? Но все равно сказал пустить. Вошел молоденький адъютант, рапортует, что генерал Крымов хочет видеть и говорить.»

Между прочим, я руки не подал ему. Почему — непонятно, а после видел его в Крыму, он сознался:

— Не хотел я к Вам итти, ненавидел тогда очень Вас за приказ № 1, но как адъютанту неловко было отказаться, однако про себя решил, если руку подадите — не дам, что бы ни вышло.

Когда сказал про Крымова, о котором я немного слышал, опять мелькнула мысль, не убивать ли, но сразу решил, что тогда не стал бы так официально, через адъютанта.

Сказал, что готов видеть, только прошу немного погодя, ибо еще не успел умыться в назначенное время. Пришел. Говорил о развале армии, о том, что все гибнет, о приказе № 1. «Революцию я, — говорит, — понимаю: армия, конечно, сила, и ее надо вырвать из рук врага. Поэтому я понимаю авторов приказа номер № 1, — делал он как бы реверанс в сторону мою, — но правительства я не понимаю. Как оно может терпеть то положение, которое создалось теперь?» И он просил доложить свою информацию Керенскому, подчеркивая, что так мол говорит генерал Крымов.

Попутно Крымов говорил, что, конечно, то, что теперь творится наша, офицеров, вина. Мы слишком долго колебались, тянули, — а когда взялись, уже поздно было. И попутно рассказал кое-что о военных заговорах, что 9 февраля 1917 г. в Петербурге в кабинете Родзянко было совещание лидеров

Государственной думы с генералами — был Рузский, Крымов. Решено что откладывать дальше нельзя, что в апреле, когда Николай будет ехать из ставки, его в районе армии Рузской задержат и заставят отречься. Крымову [отводилась] какая-то большая роль.

Позднее Соколов разузнавал в кругах Государственной думы и земских, и получил сведения, что это была организация, во главе которой стояли Гучков и Родзянко, с ними был связан Родзянко-сын, полковник (?) Преображенского полка, который создал целую организацию из крупных офицеров. Чуть ли не и Дм. Павлович [входил в нее].

Крымов по его словам был намечен в генерал-губернаторы Петербурга, с тем, чтобы очистить Петербург от неблагонадежных элементов. «В момент переворота всякое новое правительство слабо. Надо ударить решительно, чтобы возможные противники испугались, а то и уничтожить».

Гучков позднее на вопрос, зачем им нужен был Крымов, ответил: «Он не постеснялся бы кого нужно без долгих разговоров вздернуть», — причем по тону ответа было ясно, что речь идет о левых.

О масонах у Соколова прорывалось мало: категорически и с элементом искренности (как бы удивлялся, как он мог не знать?) утверждал, что впервые слышит о Чхеидзе как о члене. Сомневался, чтобы были масонские организации в армии и чтобы их членом был Крымов; во всяком случае уверен, что Керенский и Крымов до революции не были знакомы.

Когда я сказал, что февральские собрания на его, Соколова, квартире были масонские, категорически и уверенно опротестовал. Когда я заявил, что я не утверждаю, что все присутствующие были масоны, что я, наоборот, знаю, что многие не были, — собрания были лишь *организованы масонами*, Соколов ответил только: «Как же их тогда можно назвать масонскими?»

И тут же, как бы оправдывая свое поведение, говорил, что он давно, еще до 1905 г., старался играть роль посредника между социал-демократами и либералами. Как-то раз узнал от одного из друзей, что Милюков выработал крайне умеренную программу для Союза Освобождения — не ту, которая была опубликована, и собирается ехать к Петрункевичу для переговоров. Я решил предупредить и поехал вперед. Петрун-

кевич принял очень хорошо и привел меня в восторг своей умелой конспирацией: у него в этот день был какой-то обед; я приехал до. Он провел меня в свой кабинет, где мы с ним проговорили часа три. Гости заседали, потом разъехались, я за ними [...] Соколов был также связан с Венцковским.

Встреча вторая. Берлин, 18 января 1927 г.

По-прежнему упорно отрицает о масонах: «Если бы мне пришлось давать показания под присягой про масонов, то я сказал бы, что знал о них, через многие связи получал информацию, но членом никогда не был. После революции связи все порвались и никаких сведений не имел, — сердились на приказ № 1.» Но тут же заявляет, что знает, что не было постановления о закрытии деятельности [масонов].

Охотно говорит о заговорах.

Из кругов, близких Некрасову, ему в начале 1917 г. сообщили, что готовится арест царя с вынуждением отречения в пользу Михаила, что руководят Гучков и Терещенко. Когда среди военных участников назвали Крымова, то Соколов удивился: почему он попал? Все остальные — генералы, чуть ли не командующие армиями, а Крымов — полковник. Некрасов пояснил, что по плану организаторов нужен человек на пост командующего войсками Петербургского округа: «Левые захотят воспользоваться переворотом, и необходимо в столице иметь человека, который не побоялся бы перевешать кого надо. Крымов такой — он в три дня очистит Питер от всех, кто не нужен»!

Что такое представляет из себя Крымов, Соколов узнал позже из разговоров с полковником Готовцевым, который теперь очень видный пост занимает у большевиков. В 1917 году Готовцев захотел уйти из строя и пришел к Соколову просить протекции к Керенскому для назначения на пост директора какого-либо военно-учебного заведения. Соколов, чтобы узнать, с кем имеет дело, завел разговор о прошлом и о Крымове, — дело было тотчас же после истории Корнилова. Готовцев рассказал, что во время войны Крымова считали «хорошим офицером с маленьким недостатком: не жалел солдат. На какую-нибудь пустячную разведку, связанную с огромным риском, с легкой душой слал человек по 25, зная, что

много шансов за то, что никто не вернется, а если вернутся, то со слабым результатом. Нам это казалось „маленьким недостатком“, но когда меня разжаловали в солдаты. (Готовцев дал пощечину сербскому наследнику, который был резок и груб с русскими офицерами; Группа последних условилась, что первый, кому наследник скажет грубость, нанесет пощечину; — отовцев это и сделал, за что царь разжаловал его в солдаты) и попал к Крымову, то увидел, что с точки зрения солдата недостаток этот не так-то уже мал».

VI. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С Т. А. БАКУНИНОЙ

29 марта, у нее на 11, Sq. de Port-Royal

Получает письма от Арсеньева о масонах. Между прочим, Арсеньев слышал от Вересаева, что в присутствии последнего Степанов-Скворцов был принят Урусовым в масонскую ложу в Москве.

Тот же Арсеньев сообщал, что с масонами как-то был связан В. Ф. Джунковский. Масоном был Зилов, в 1906-07 гг. попечитель киевского учебного округа.

VII. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С М. С. МАРГУЛИЕСОМ

В 1907-09 гг. Совет русских лож состоял из 5 человек. (На Западе состоит из 33 человек — эта цифра мистическая: год смерти Христа). Председатель — С. Д. Урусов, первый товарищ председателя — Головин, председатель Второй Государственной думы, второй товарищ председателя — Маргулиес. Казначей — Орлов-Давыдов. Секретарь — Бебутов. С самого начала Совет ставил задачу «обволакивание власти людьми, сочувствующими масонству».

О существовании шведского ритуала «Карма [?]» слышал, но точно не знает.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. С. Маргулиес

Рукопись дневника «Годы интервенции»
(из зачеркнутого)

стр. 328.

«Марголин за обедом сообщил вещь, разъяснившую мне очень много: после 1910 г., когда Колюбакин начал возобновлять наши заснувшие в 1909 г. ложи, в одну с Керенским вошел и Коновалов, и Гальперн, и Некрасов. Вошел потом и Соколов, Барт, вероятно, Терещенко. Теперь понятна связь Керенского с Терещенко и Некрасовым. Намеки Коновалова с 1916 года на его близость с Керенским и Н. Д. Соколовым, а также приглашение А. Гальперна управляющим делами Совета министров Временного правительства.»

стр. 329. (Среда, 29 апреля 1919 г.)

«В 9 часов вечера у Ефремова собрание русских масонов: Ф. Мекк, Кандауров, (Коновалов занят). Сонно, скучно, дело идет о волоките, канцелярщине. Не популяризует ни моего, ни Савинкова положения. Савинков, оказывается, был только в 1917 году введен в ложу Демьянова генералом Шепловым.»

VIII. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С В. Я. ГУРЕВИЧЕМ

Берлин, 10 мая 1930 г.

Обстановка привлечения в ложу: работал во фракции трудовой группы. Как-то вышло столкновение на политической почве с Керенским. Очень острое, чуть ли не разговоры о дуэли. После того, как уладилось, на новогодней встрече 1914 г. Керенский подошел и сказал, что хочет переговорить. В разговоре: существует политическая организация в масонских формах; согласны ли? Гуревич согласился. Начались переговоры. На заседание ложи Гуревича привез Коровиченко. Обряд посвящения: формальностей было мало, но клятва была. Заседаний до высылки было мало. Вопросы исключительно политические. На заседаниях ложи бывали член Государственной думы Виноградов, Коровиченко, Керенский, Барт, Знаменский.

В 1917 г. ничего не слышал, но в начале 1918 была попытка возобновить заседания. Инициатива А. А. Исаева. Присутствовал также Виноградов. Вопросы борьбы с большевиками.

В годы Дальневосточной республики Знаменский предлагал возобновить деятельность лож во Владивостоке. Были разговоры, но ничего не вышло.

IX. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С Г. АРОНСОНОМ

Аронсон от Б. Гуревича.

В начале войны в Витебск приезжал Колюбакин; в честь его был устроен, как там это было принято, обед, но на последний, в отличие от прежних приездов других либеральных знаменитостей, не были приглашены представители рабочих и демократических кругов. Уже после стало известно, что во время этого обеда Колюбакин принял в масоны Брука и Волковера (члены Первой Государственной думы, кадеты), поляков-прогрессистов Бамаса и Федоровича (когда-то имели связи с социалистами, отошли, но считали себя левее кадетов) и Писаревского. В 1916 г. в Витебск приезжал Керенский, был тоже обед, после которого были приняты Б. Гуревич (председатель общегородской Витебской больничной кассы), в 1905 г. бундовец, после беспартийный, в 1914-16 гг. не участвовал даже в меньшевистской страховой группе) и М. С. Цейтлин. При приеме спрашивали о согласии вступить в организацию, которая ставит задачей борьбу за «свободу и братство». Церемониал посвящения с завязанными глазами, клятва тайны и готовности борьбы за свободу и братство. Деятельности ложы никакой не было.

В 1917 г. Волковер — губернский комиссар Временного правительства; после июльских дней Волковер вышел из кадетской партии и, заявив о возможности работы на платформе Церетели, остался на посту губернского комиссара. Писаревский — секретарь губернского комитета, фактически вершил делами. Бамас — помощник губернского комиссара; Федорович — уездный комиссар. М. Цейтлин — эсер, товарищ председателя Совета.

Все — со слов Гуревича, [который] рассказал это Аронсону в Бутырках в 1918 г.

О МАСОНАХ

[...] Узнал я об этом в августовский вечер 1918 г. Мы лежали на набитых соломой матрацах на деревянных нарах, смотрели на решетчатые окна на тающие лучи солнца и постепенно сменяющие день сумерки и мирно беседовали. Один из приятелей, спутник мой по дальнейшим тюремным скитаниям, наклонил голову и сказал: «Хочу поделиться с Вами небольшим секретом. думаю, что 1917 год и особенно октябрьская революция освободили меня от присяги. Одним словом, я – масон». По-видимому, этому масону давно уже хотелось расстаться с этой тайной и, подстрекаемый моим любопытством, он рассказал мне все. Дело происходило в Витебске.

[...] Кажется, это было в начале зимы 1914 г. В Витебск приезжал член Государственной думы А. М. Коллюбакин. Он ехал из Петербурга на фронт, откуда, как известно, не вернулся. В Витебске у А. О. Волковича состоялся обед, и к этому моменту относится основание местной масонской ложи. В жизни нашего «Прогрессивного блока» в сущности ничего после этого не изменилось. Продолжались заседания и беседы, в которых участвовали члены масонской ложи наравне с другими. Только изредка и только для заслушания какой-нибудь особо интимной политической подробности собирались масоны отдельно, обычно уславливаясь собраться несколько ранее других, приглашенных для беседы.

Собрания масонов бывали тогда очень кратки. Но интересно отметить – они говорили друг другу «ты» – эти люди разных возрастов и взглядов, лично между собой не близкие. Рассказчик не мог вспомнить какого-нибудь заседания ложи, посвященного обсуждению серьезных вопросов. Впрочем, он сам был введен в ложу лишь в 1915 г.

К этому времени относится проезд в Витебск А. Ф. Керенского. Официально его миссия была – чтение лекции о деятельности Государственной думы. Лекция была прочитана с огромным успехом. Были овации, публика ожидала члена думы у здания. А он уехал в ресторан, где в отдельном кабинете его чествовал союз приказчиков. Керенский был председателем последнего разогнанного правительством съезда приказчиков, а Гинзбург, принимавший его в Витебске, был одним из товарищей председателя съезда. Тогда же при участии А. Ф. Керенского состоялось и заседание масонской ложи. Об этом собеседник мне рассказывал следующее.

Его, рассказчика, как-то спросили, не согласится ли он вступить в масонскую ложу. Эти предварительные разговоры вел с ним д-р Брук. Осведомил его о немногом: в Петербурге давно существует масонская ложа, куда входят по персональному признаку руководящие деятели оппозиционных партий в Государственной думе. Девиз масонства: за истину и свободу. Цель – объединение интеллигенции на почве этих лозунгов во имя возмож-

ных событий исторического значения. Война, разложение двора и сфер обязывают нас быть наготове. Если Вы согласны примкнуть к нам, вы будете связаны клятвой: свято хранить тайну о масонстве. Вот и все, что предшествовало принятию моего собеседника в масонскую ложу.

Обряд посвящения происходил таким образом. Вечер. Он — рассказчик — в темной комнате, к тому же с завязанными глазами. С ним Керенский, который торжественно читает формулу присяги. В ней нет ничего особенного. Тот же девиз: за истину и свободу, и обещание хранить тайну. Рассказчик повторяет за ним формулу присяги. Затем Керенский снимает повязку с его глаз, целует его, называет его «братом» и за руку вводит в комнату, где происходит заседание ложи. Все поднимаются с мест, целуют его, говорят ему «ты», называют его «братом»...

На этом я мог бы поставить точку. Но интересно посмотреть, что стало с лицами, участвовавшими в наших политических беседах и встречах, когда пришла революция 1917 г. В течение всех 8 месяцев революции большая часть нашей общественности держалась друг друга и представляла собою сплоченную группу, преимущественно на административных постах. А. О. Волкович — бессменный губернский комиссар Временного правительства, В. П. Вомас — его заместитель, В. В. Федорович — уездный комиссар, С. М. Писаревский — секретарь коллегии губернского комиссара. Эти лица, как и другие умеренных направлений, не пользовались большим влиянием в это бурное время. Это влияние безраздельно принадлежало социалистам; М. Цейтлин и Б. Гинзбург были товарищами председателя Совета рабочих депутатов, а М. Цейтлин одно время комиссаром министерства земледелия (при министре В. Чернове).

Неясно, поддерживали ли в 1917 г. контакт местные масоны с центральными фигурами масонского движения в России. Приведу лишь такой эпизод. 8 марта наш местный комитет спасения (городской общественный комитет, так он назывался) делегировал двух представителей в Петербург к Временному правительству. Поехали О. А. Волкович и пишущий эти строки. В Мариинском дворце заканчивалось заседание правительства. Нас ввели в помещение, и нам удалось поговорить с целым рядом министров. Особенно долго длился разговор Волковича с Некрасовым. Я в это время добивался разговора с Керенским, и помню, был очень удивлен тому, что Александр Федорович так хорошо и дружески, как доброго знакомого, встретил моего спутника. Н. В. Некрасов отнесся с особой любезностью к нашей миссии и, кстати, предоставил нам от министерства путей сообщения купе 1-го класса для возвращения в Витебск.

Не лишен политического значения и следующий эпизод, которым я закончу эти заметки. После июльских дней, после выхода кадетов из правительства, А. О. Волкович неожиданно сообщил мне, что он выходит из кадетской партии. Так он и поступил. И мне кажется, что это совпало с тем отколом от кадет того крыла этой партии, которое идейно возглавлялось Некрасовым.

**Х. ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
С ВЛАДИМИРОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ ШАХОМ
3 сентября 1934 г.**

В 12 часов мой хороший знакомый инженер Павлицкий (инженер сочувствовал эсерам) сообщил мне о существовании масонской организации и предложил войти. Я думал долго. Давно уже я приходил к выводу, что партийная деятельность не создает того общения между политическими деятелями, которое необходимо для координирования оппозиционных и революционных сил. Идея масонства мне была симпатична, и я согласился. Церемония приема была минимальна: опрос на собрании, куда ввели с завязанными глазами.

В Ложу входили К. Черносивтов (кадет), Брунет (народный социалист), позднее товарищ министра на Украине), проф. Рузский, Мацневич (социал-демократ из Киева, в 90-х годах сидел около 3 лет), Кармин (товарищ обер-прокурора Сената), А. Д. Марголин (присяжный поверенный, позднее — на Украине), Павлицкий.

Приема новых членов не было. Поставлена была кандидатура Басова — Верхоянцева, но ее отвели ввиду крайней резкости политических взглядов Басова.

Собирались 2 раза в месяц, обычно у Кармина. Содержание бесед: обмен информацией и обсуждение разных текущих вопросов.

Никакой формальной дисциплины не существовало. Было только общее желание *сговориться* и затем действовать в

общем направлении. У меня тоже желание имелось вполне искреннее и большое и, сказать откровенно, именно оно во многом определило мои настроения в апреле 1917 г. во время борьбы на Петербургской стороне при выборах на петербургскую общегородскую меньшевистскую конференцию. От интернационалистов тогда выступал Ерманский; я говорил от оборонцев. Ерманский занял ультра демагогическую позицию. Когда я слушал его, я думал: эта позиция делает абсолютно невозможным сговор социал-демократов с демократическими группами, стоящими от нас направо. И это соображение было для меня одним из решающих.

Ложа наша собиралась до 1918 г. Помню, на последнем собрании был Черношвитов, с которым мы прощались: он уезжал в Сибирь.

Директив из Центра не было, только предлагали обсудить тот или иной вопрос. От нас в Центр ходил Черношвитов. Он руководил обсуждением.

XI. ЗАМЕТКИ ДЛЯ СЕБЯ

А. П. Кропоткина — как-то раз она обвиняла Некрасова в стремлении к власти. Некрасов сказал ей, что его идеал — «черный папа», которого «никто не знает, но который все делает».

Елшин — дневники; летом 1914 г. в Самару приезжали Керенский и Некрасов; разговоры сначала на пароходе, затем где-то еще, наконец, посвящение в масоны на квартире князя В. Кугушева.

Маргулис был принят в масоны в 1905-1906 гг., в ложе были Ковалевский Макс., Кедрин, де Роберти.

Входил в 1906-1910 гг. в Главную ложу одним из товарищей председателя; в последн. степени посвящен специально приехавшим из Франции членом Великого Востока; в это время сидел в Крестах посвящение шло на свидании, в присутствии начальства, которое не понимало значения манипуляций.

Состав Главной ложи: председатель, 2 товарища председателя, казначей и секретарь; 1 — умер, 2 — в эмиграции и 2 — в России. Собирались в роскошном особняке, в масонских знаках. Принят был между прочим какой-то гвардейский полковник, клявшийся при посвящении на шпаге убить, если понадобится, царя (около 1909-10 гг.) В провинции ложи были в Нижнем Новгороде.

Правило — никаких письменных документов. Поэтому полиция ничего не могла узнать. Около 1911 распустили

ложи — опасались, что полиция все же проникает. После началась новая эра в русском масонстве — Керенский и Некрасов.

Кедрин рассказывал Маргулиесу, что в 1917 г. Керенский и Некрасов исключены из масонов за свою деятельность.

Аргунов. Авксентьев масон с 1912-13 гг. в Париже. Читал в одной ложе о социализации земли.

Керенский. Перед войной [неразборчиво] ложа особая: Вел. князь Александр Михайлович, Варв. Овчинникова, Беклемишев.

Мих. Матв. Тер-Погосян. (Капбретон, 27 августа 1928 г.)

Сам масон — парижского призыва. Знает — из вторых рук — о масонах на Кавказе и кое-что об общерусских.

Первая ложа русская, или первый Совет, но не русский Восток, утверждение получила от Парижского Востока на самостоятельное существование в 1908 или 1909 гг., когда в Париж приезжали Бебутов, Маргулиес и Урусов (это было продолжением их поездки в Константинополь к младотуркам).

В тифлисскую ложу входили Хр. Ав. Вермишев, Георг. Мих. Туманов (сын поэта).

Чайковский говорил о своем «четвертьвековом масонском стаже».

ХІІ. ИЗ ПИСЕМ

Из письма Е. Кусковой
Н. В. Вольскому (Валентинову)
10 ноября 1955 г.

Самый трудный вопрос о масонстве. Наше молчание было *абсолютным*. Из-за этого вышла крупная ссора с Мельгуновым. Он требовал от нас *раскрытия* всего этого дела. А узнал он об этом от тяжело заболевшего члена его партии (хоть убей не помню фамилии, на П, народник, очень известный). Мельгунов доходил до истерик, вымогая у меня (еще в России) данные, и заверял, что ему «все» известно. Я хорошо знала, что ему ничего почти неизвестно, как и Бурьшкину. Потом в одной из своих книжек сделал намек, что такое существовало. Скажу Вам кратко, что это было.

1. Началось — после гибели революции 1905 г., во время диких репрессий. Вы их знаете.

2. Ничего общего *это* масонство с заграничным масонством не имеет. Никогда ни в какой связи не состояло на том простом основании, что это русское масонство отменило *весь* ритуал, всю мистику и прибавило новые параграфы.

3. Цель масонства — политическая. Восстановить в этой форме Союз Освобождения — и работать в подполье на освобождение России.

4. Почему выбрана такая форма? Чтобы захватить высшие и даже *придворные* круги. На простое название политическое они бы не пошли.

5. Изменение параграфов: а) Прием женщин, *впервые*. В масонские ложи заграничные женщины не принимаются; б) отменить все фартуки, всю амуницию, весь ритуал; в) посвящение состояло лишь в *клятве*, — молчание, абсолютное. Качество — *мораль*, доверие. Форма — ложи по 5 человек и затем конгрессы. Ложи не должны были знать о существовании других лож. Но по встречам на конгрессах можно было судить о размахе движения и его состава. г) Выход — опять с клятвой: *никогда и никому*, просто «заснуть». Таких выходов не помню: интерес к движению был огромен и наша пробковая комната действовала всюю. Характерная особенность: я знала двух *виднейших* большевиков, принадлежавших к движению. Когда произошла октябрьская революция, мы с С. Н. [Прокоповичем] были уверены, что все будет вскрыто. Партия ведь не терпела тайн членов. Ничего подобного! Уверена, что эти виднейшие большевики тайну соблюли, быть может из боязни репрессий и по отношению к себе. Людей высшего общества (князьев и графьев, как тогда говорили), было *много*. Вели они себя изумительно: на конгрессах некоторых из них я видела. Были и военные — высокого ранга.

Почему нельзя вскрыть это движение? Потому, что в России не все члены его умерли. А как отнесутся к живым — кто его знает. Движение это было *огромно*. Такие общества, как Вольно-экономическое, Техническое были захвачены целиком. Это — рецепт Союза Освобождения. Ведь еще во время его действия в Вольно-экономическом обществе прочно уселись его члены: Богучарский, Хижняков (секретари); С. Н. — председатель Экономической секции. То же и в Техническом Обществе: Лутути, Бауман — в центре. В земствах то же самое. Масонство тайное лишь продолжало эту тактику.

П. Н. Милюков, осведомленный об этом движении, в него не вошел: «Я ненавижу всякую мистику». Но много членов кадетской партии к нему принадлежали. Но так как Милюков был в центре политики, его осведомляли о постановлениях конгрессов. Иногда и сам он прибегал к этому аппарату: надо, дескать, провести через него то-то и то-то.

Одно из правил: не обращаться за членством к людям, *казавшимся* непрочными в их моральном или политическом естестве. Многие кандидаты, строго обсуждавшиеся, отвергались. Изумительно: не было там провокаторов а la Марков,

которого покойный В. А. Розенберг ненавидел и звал «косоглазым лгуном», и осуждал Сер. Ник. за то, что тот привлек его к кабинету. Ведь и до сих пор тайна этой организации не вскрыта, а она была *огромна*. К февральской революции ложам была покрыта вся Россия. Здесь, за рубежом, есть очень много членов этой организации. Но — все молчат. И будут молчать — из-за России еще не вымершей. Один только Вельмин, как-то случайно и уже под конец, [неразборчиво] попавший, как будто пробалтывается. Но слышала об этом мельком, и с ним по этому поводу в контакт не вступала. После смерти С. Н. получила несколько телеграмм, кратких: *Fraternellement avec vous*. Такой-то. Какое это «братство», было очень ясно выражено в отношениях, хотя после октября и разошлись во мнениях. Но личный контакт из-за этого прош-лого *всегда* поддерживается. Писать об этом не могу и не буду. Без имен это мало интересно. А вскрывать имена — не могу. Мистики не было, но клятва была. А она действительно и сейчас по причинам Вам понятным.

Много разговоров о «заговоре» Гучкова. Этот заговор *был*. Но он резко осуждался членами масонства. Гучков вообще подвергался неоднократно угрозе исключения. А после дела Конради, в котором он вел себя совершенно *непонятно* и вызвал скверные подозрения, с ним вообще старались в интимные отношения не вступать. Под конец своей жизни он близко сошелся с германским штабом, и когда приезжал к нам в Прагу, совсем больной, и просил оказать («*fraternellement*») услугу у чешского правительства, мы этой услуги не оказывали. Он знал, что мы знаем о его поездках в Германию и очень запутанно об этом рассказывал. Но один раз произошел инцидент. Его принял Бенеш, и он Бенешу *точно* рассказал о планах Гитлера — нападение на Чехию, на Россию и т. д. Бенеш, зная о наших отношениях с Гучковым, спросил у нас, что это значит. Мы ему посоветовали с Гучковым дела не иметь. В следующий приезд Гучкова он его не принял. Потом слово в слово осуществилось то, что рассказывал Гучков Бенешу и нам.

Вот Вам рассказ, очень суммарный, через кого-нибудь историки, конечно, об этом движении узнают. Но сейчас, повторяю, писать о нем нельзя. Теперь Вы понимаете, почему здесь об этом не говорят.

Маклаков, Баладинский и др. к этому движению не принадлежали. Они принадлежали к французским ложам, совершенно открытым.

В Германии все это было не только открыто, но у них были свои дома, где происходили открытые заседания германских масонов. Мы, эмигранты, нередко снимали эти залы под наши собрания. А мы с С. Н. даже жили, приехав из России, у видного германского масона. От него многое узнали. Потом Гитлер все это движение стер с лица земли, дома конфисковал, часть масонов посадил в тюрьму, было, верно, и еще хуже.

Вот все что могу сказать.

Из письма Н. В. Вольского (Валентинова)
Николаевскому
8 апреля 1960 г.

Дорогой Борис Иванович, пока у Вас есть силы и возможность обязательно разработайте и напечатайте все, что Вам известно о масонстве. Я очень рад, что этот вопрос поднял Аронсон, но если судить по тому материалу, о котором Вы пишете, что он в Ваших руках, тогда на Вас падает обязанность эту историческую загадку разгадать. Я передал кой-какой известный мне материал Аронсону, передам его и Вам.

Кстати, известна ли Вам книга Осоргиной «Русское масонство». Я ее не знаю. Знаю только, что она печаталась в Бельгии, немцы тираж сожгли, но некоторые экземпляры книги остались. Один из них находится в библиотеке Базеля, другой — в Женеве. В национальной библиотеке Парижа этой книги, кажется, нет.

Кускова мне писала, что *Гучков* был масоном, но — цитирую ее слова — «после дела *Конради*, в котором он вел себя совершенно непонятно, с ним (масоны) старались не вступать в интимные отношения». *Конради*? Я этого не понимаю. О чем Кускова говорит? Она прибавила, что отношения масонов с *Гучковым* совсем прервались, когда стали известны его связи с немецким штабом. По этой причине, писала она, и

Бенеш не стал принимать Гучкова и передал ему приказ прекратить его приезды в Чехословакию и Прагу.

Кускова несомненно по масонской линии была в тесной связи с Керенским и Коноваловым. Масонами были Хитилков, Богучарский, Лутугин, из большевиков С. П. Середа.

Из письма Б. И. Николаевского
Н. В. Вольскому (Валентинову)
17 апреля 1960 г.

Обработать и опубликовать масонские материалы я сам считаю крайне нужным и важным, — и займусь этим в ближайшее же время. Тем больше буду Вам благодарен, если пришлете имеющееся у Вас. Страшно жалею, что не повидал Бурышкина до его смерти. Я с ним был связан перед войной, когда он для меня многое нашел по масонству французскому и связи его с Интернационалом. Книгу Осоргиной я знаю, в Париже имел, теперь не имею, но пользоваться ею могу. Но она для масонства «карбонарского», т. е. русского, начала XX века, ничего не дает.

Гучков до революции в ложах не был — это я знаю вполне точно. В годы войны, когда было много группок, созданных масонами, но не входивших в их официальную сеть, по-видимому, Гучков был с ними как-то связан, но и тогда к масонам официально не принадлежал. Масоном он стал только во Франции, но русское масонство в эмиграции, на мою расценку, вещь совсем пустяковая. Самое крупное предприятие их, это группа, издававшая в 1922 г. журнальчик «Новь» (4 номера) и связанная с той тайной организацией, которая была осуждена в Киеве — кажется, как «Комитет действия». Дело Конради, о котором Вам говорила Кускова, это дело убийцы Воровского (1922 г.), организацию защиты которого ставили масоны. Сумасшедший вздор. Связи Гучкова с немецким штабом были в 1919 г., когда Гучков вел переговоры с немцами о разрешении ему формировать для Деникина армию из военнопленных (тогда еще не возвращенных в Россию). Вздор не менее сумасшедший... Но Кускова имела в виду, конечно, связи позднейшие — начала 1930-х годов,

когда немецкий штаб Шлейхера — Бредова, имевший тайные соглашения со Сталиным, завел также связи и с «русским право-военным лагерем» и... попал в руки группы Гучкова — Скоблина... Сумасшествие совсем рекордное!

Из письма Н. В. Вольского (Валентинова)
Б. И. Николаевскому
8 марта 1960 г.

Относительно масонства С. Н. Прокоповича Кускова, когда я ее прижал, написала мне, что она с С. Н. вступили в русскую масонскую организацию в 1906 г. (об этой организации у меня есть от нее большое письмо). Но покойный Бурышкин, сам масон и собравший огромное число всяких сведений и документов о масонстве (он мне показал целую кипу тетрадей об этом), мне сообщил, что ему доподлинно известно, что Прокопович вступил в иностранную масонскую ложу — во время пребывания его и Кусковой за границей. Кускова, видимо, в нее тогда не вступила, ибо женщины в иностранные ложи не допускались. Когда я выразил некоторое сомнение относительно масонства Прокоповича еще в 1898 г., Бурышкин пожал плечами: «Зачем Вам в этом сомневаться, когда вот здесь, в этой тетради, все сведения о том, *как и где* Прокопович вступил в ложу». Все, что после смерти Бурышкина осталось, передано в архив Колумбии, (Колумбийского университета, Нью-Йорк) но собранный материал о масонстве туда не поступил. Парижские масоны его оттуда *извлекли*. Тер-Погосян — сам масон — на мой вопрос, переданы ли в архив масонские тетради Бурышкина, сухо мне ответил: «Нет, не переданы». И на этом разговор прекратил.

Аронсон написал два очерка о русском масонстве в февральскую революцию — на мой взгляд, очень интересные. По его просьбе я сообщил ему, что писала мне об этом Кускова. Было бы неплохо этот вопрос дальше *копнуть*. На мой вопрос — почему около этого столько таинственности — Кускова дала мне объяснение, но на мой взгляд, мало убедительное. Кстати, она мне сообщила, что Гучков был масоном, но от него

они отшатнулись вследствие его сношений с военным германским штабом.

Из письма Б. И. Николаевского
Н. В. Вольскому (Валентинову)
3 апреля 1960 г.

О русском масонстве у меня имеются интереснейшие материалы — показания Гальперна, Чхеидзе, Гегечкори (члены Верховного Совета русских лож), воспоминания кн. Бебутова (основатель) и ряда других. На целый том: устав, история обеих «конвентов», история «усыпления» ложи Маргулиеса — Бебутова (подозревали в провокации) и пр. Прокопович вошел в ложу (бельгийскую) действительно в 1898 г., сразу же после того, как вышел из союза РСД. Есть материалы о переговорах, которые Бебутов в 1909 г. вел с Плехановым, эсерами и т. д. Многих звеньев все еще не хватает, и я ждал с публикацией, надеясь получить... К сожалению, не получаю — придется опубликовать так.

Статьи Аронсона очень поверхностные, ничего не дают.

Гучков масоном не был — т. е., я говорю о масонстве в России 1907-17 гг. Эмиграция — дело особое, совсем не интересное. Меня оно интересует мало, масонство российское — дело другое. В 1914 г. оно помогало большевикам. Выяснить его историю важно. Материалы Бурышкина должны быть интересны — но после «усыпления» «Полярной звезды» Бебутова-Маргулиеса, русские масоны (карбонарии) с границей официальных связей не имели. Думаю, об этом масонстве у Бурышкина сведений было мало, т. к. центральными фигурами были Керенский, Некрасов, Гальперн, Чхеидзе, Терещенко, Коновалов, — из которых, кажется, никто ему не рассказывал. Во всяком случае, за всякие дополнения буду благодарен.

Из переписки Б. И. Николаевского
с П. А. Берлиным

Николаевский — Берлину, 12 января 1955 г.

...думаю, что являюсь единственным человеком в мире, хорошо осведомленным о «думском масонстве» 1907-1917 гг. Имею записки ряда деятелей.

Николаевский — Берлину, 14 февраля 1955 г.

Получил «Масонские речи». Не можете мне сообщить, кто автор? Не для печати — для архива. У меня ведь много масонских тайн (думаю, я единственный, кто имеет устав «думского масонства» Керенского — Некрасова, воспоминания Бебутова и пр.). Мне передавали, что был напечатан на правах рукописи очерк Кандаурова. Нельзя найти?

Берлин — Николаевскому, 23 февраля 1955 г.

Рад, что Вам пригодилась книжка о масонах. Мне ее дал видный масон, но взял с меня слово, что я не назову его имя и уничтожу номер. При этом он категорически уверяет, что он не автор и автора не назвал.

Николаевский — Берлину, 25 марта 1955 г.

По масонской линии: я знаю, что был большой доклад Кандаурова об истории масонского русского XX века. Не был ли он где напечатан?

Берлин — Николаевскому, 16 июля 1955 г.

Я Вам передал как-то масонский доклад. Не мог Вам сообщить тогда имя автора доклада, так как масон, мне его передавший, просил ничего о нем не говорить. Но теперь другой масон в разговоре со мной назвал имя докладчика, не наложив на меня печать молчания. Да и докладчик давно умер. Это — Осоргин.

Из письма Б. И. Николаевского
Б. Вольфу
10 июня 1959 г.

Дорогой коллега,

Сведения Войтинского не вполне точны. Милюков, например, и еще целый ряд членов Временного правительства определенно не были в составе масонских лож. В воспоминаниях Милюкова Вы найдете его рассказ, что впервые он о них узнал лишь в эмиграции — это он узнал от меня. Я же уверен, что формально в ложе не был и Львов. Он, несомненно, знал о существовании этой организации, но думаю, что формально в нее не входил. История «думского масонства» (так его в свое время называли) очень сложна, я собирал эти материалы почти 40 лет, но не уверен, что все знаю. В годы войны руководящую роль играли Керенский, Некрасов и Гальперн (Александр Яковлевич, адвокат, тогда меньшевик, умер пять лет тому назад в Лондоне). Их организация раскинулась тогда по всей России. Я установил факт существования свыше 20 лож, было два Всероссийских съезда, существовал Совет и пр. Совет в февральские дни не собирался и состава правительства не назначал. Система работы их состояла в том, что масоны создавали сеть замаскированных организаций, которыми руководили, не вскрывая своего собственного существования. У меня имеется много материалов, главным образом, рассказы участников. В организацию входили и большевики, через их посредство масоны давали Ленину деньги (в 1914 г.). Я все это собираюсь опубликовать.

Из письма Б. И. Николаевского
Б. П. Козьмину
3 мая 1927 г.

Большое спасибо за пересылку рассказа Чернова о саратовских масонах. Поблагодарите от меня и его, если он знает, для кого он писал свою справку. Мне она очень пригодится. О том, что в Саратове тоже существовала ложа, я знал, но ничего более конкретного добыть не мог. Тема эта у меня все

разрастается и разрастается, но еще очень много недостает. В одном Вы, быть может, смогли бы быть мне очень полезны: в 1915 или 1916 г. в Петрограде в издательстве «Прометей» была выпущена книга автора, подписавшегося Евграф Сидоренко: «Итальянские угольщики». Сама по себе, книга эта весьма безграмотна (ее жестоко разделал тогда же Г. И. Шрейдер в «Голосе минувшего», но по ряду обстоятельств, для истории русского масонства она в высшей степени важна и мне иметь ее прямо необходимо. Так как в свое время в продажу она поступила в очень незначительном количестве, то найти ее легче всего будет в Ленинграде. Не могли ли бы Вы попросить кого-либо из живущих в Ленинграде и следящих за тамошним антикварным рынком поискать и, если удастся, то и купить эту книгу? Все расходы я, конечно, тотчас же возмещу. Буду Вам очень признателен, если Вы сможете оказать мне эту услугу и буду рад быть в свою очередь чем-нибудь полезным Вам.

Из письма Б. И. Николаевского
С. Г. Сваткину
26 января 1930 г.

Многоуважаемый Сергей Григорьевич,

[...] Спасибо за сведения о Бебутове. И все же Вы в справках о нем и в поручительствах за него будьте поосторожнее. Обвинение относительно его службы у немцев, по видимому, тоже имеет некоторую долю основательности: я знаю человека, из эмигрантов, прошедших все время войны в Берлине, которого на этот счет предупреждал Макс Гарден. Роль, которую он сыграл в Стокгольме в деле устройства встречи Протопопова с немцами, тоже одной случайностью объяснена быть не может. Он, несомненно, был использован немцами и несомненно же сознательно шел на это. Но меня теперь интересует не это, а его сношения с Департаментом полиции. Я не знаю, осведомлены ли Вы о причинах, почему именно на Бебутова пало это подозрение? Знаете ли Вы о масонских ложах, существовавших в Питере в 1906 и следующих годах? Число членов в них было очень ограничено, тем

не менее в «Новое время» сведения о них просочились вполне точные в фельетоне Манасевича-Мануйлова. Расследование, произведенное в этих ложах, и дало основание для обвинений против Бебутова. Н. Соколов, сам тоже масон, только поддерживал обвинения, выдвинутые там. Я довольно хорошо знаю эту историю, я допросил на этот счет и Соколова, и некоторых других. Их данные мне казались не вполне достаточными для решения вопроса. Расследование в этой части особенно трудно, так как масоны принципиально не рассказывают о своей организации, даже вообще отрицают ее существование, а в этих условиях их утверждения неминуемо должны казаться висящими в воздухе. Но мне удалось найти одно свидетельство, которое решает почти все загадки в этом вопросе, а именно, указание, что Бебутов и еще один общественный деятель с довольно большими связями были не служащими Департамента полиции, а информаторами, дававшими сведения в частном порядке Манасевичу-Мануйлову. Этим объясняется тот факт, что Департамент полиции (помните, «Дело о командировке коллежского асессора Алексева», напечатанное в «Былом»?) и питерская охрана (об этом мне говорил А. В. Герасимов) ничего о масонах не знали. Частная информация Манасевичу-Мануйлову была нужна для обслуживания придворных кругов и оттуда же шли деньги на оплату Бебутову. Обо всей этой истории в печати я рассказывать не собираюсь, если только не буду писать истории русского масонства начала XX века, — тогда ее придется рассказать. Сообщаю о ней Вам только для сведения. А знаете ли Вы вообще что-либо об этих масонах? Подбираю все детали о них и с историей их центра знаком довольно хорошо, но все же многое мне еще не ясно, а потому я был бы очень благодарен за все мелочи.

Из письма Б. И. Николаевского
С. П. Мельгунову
14 мая 1930 г.

Относительно масонства: я вполне определенно знаю, что Гучков масоном никогда не был, по крайней мере никогда

не принадлежал к русскому масонству: ни в его первый период, когда это масонство носило более или менее обывательский характер, ни тем более, во второй, когда это масонство реорганизовалось в карбонарскую сеть. Более того, с масонством у Гучкова было даже столкновение — о масонской подкладке сам Гучков не знает.

Относительно В. Львова я вопроса не выяснял специально, но и его принадлежность я считаю невероятной: мои свидетели расходятся по вопросу о том, было ли формальное решение Верховного Совета, о непринятии октябристов в ложи или такого решения не было; но все они сходятся на том, что на практике, по-видимому, ни одного октябриста в ложи принято не было. Если бы в ложи был принят октябрист — депутат, то мои свидетели знать об этом должны были бы.

Из письма Б. И. Николаевского

С. П. Мельгунову

27 мая 1930 г.

Дорогой Сергей Петрович, (...)

По существу: насколько я знаю, кн. Львов тоже не входил в масонскую организацию. Он, несомненно, был очень близок с рядом ее деятелей; я уверен, что он знал об ее существовании, но, по-видимому, и только. О существовании в 1915 г. тройки в указанном составе я ничего не знаю и думаю (почти что уверен), что такой тройки тогда не было. Я думаю, что «тройка» с планами переворота существовала с осени 1916 г. и что она готовила похищение царя, но состав ее был несколько иной. Об этом действительно пора было бы рассказать, но «масоны не позволяют».

Из письма Б. И. Николаевского
М. А. Алданову
23 января 1931 г.

Статьи Мельгунова* я читал с большим интересом. Он ставит крайне важные вопросы. Но поскольку я могу судить по тем разделам, которые мне хорошо знакомы, он многого не знает и потому многое неправильно толкует. В частности, он совершенно не знает истории масонов: роспуск их в 1911 г. был фиктивным для того, чтобы устранить подозрительного Бебутова и еще одного и тех, кто с ними был лично связан. Остальные именно в этот период сплотились и создали прочную организацию, имевшую два Всероссийских съезда, оформленный Совет, организации в 12-15 городах, свыше 100 членов в одном Петербурге и т. д. У меня собрано о них очень много вполне точного материала — я даже думаю завести особую «масонскую картотеку», но публиковать этот материал, пожалуй, еще рано: многие живут в России, а там ГПУ теперь особенно внимательно интересуется масонством и может пытаться искать непосредственные нити от прошлого к настоящему.

* Статьи Мельгунова в «За свободу» о заговоре 1916 г. — Прим. Б. И. Николаевского.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Д. БЕБУТОВ РУССКОЕ МАСОНСТВО XX ВЕКА (Глава из воспоминаний)

Осенью 1906 года я решил заняться специально организацией масонов в России. Я находил, что это единственная организация, которая, если сумеет твердо основаться, в состоянии будет достичь нужных результатов для России. Но я боялся, что масонство не особенно вяжется с натурой русского человека. Мало сделаться масоном, надо им быть. Необходимо проникнуться необходимостью соблюдения тех ритуалов, тех обрядностей, того порядка заседаний, наконец, той дисциплины, без которых работа масонов немислима. Не только работа в смысле заседаний, а в смысле достижения той цели, которая намечается. Лишь при строгом соблюдении всех условий достигается та сила, которой пользуются масоны в Европе. Лишь при безусловном подчинении младших степеней старшим масоны достигают желаемых результатов. Весь вопрос в строгой дисциплине. Масонство в Европе достигло того, что правительства прислушиваются к решениям масонов. В Европе во всех органах управления имеются масоны. Они в курсе всего правительственного механизма, в курсе всей экономической жизни страны. Масоны были в России давно, но они всегда преследовались, так как правительство боялось упускать из своих рук власть. Александр Первый был сам масон и сам же в конце концов испугался их и предал их. Страх правительства настолько был велик, что

при Николае Первом в присягу была введена фраза не принадлежать к масонам. Все декабристы были масоны. И если проследить историю масонов, то становится ясным, масоны представляют силу, с которой правительству приходится считаться. В чем же лежит эта сила? Только в строгом исполнении всех масонских постановлений, что заставляет людей действовать солидарно. Все, что принято рассказывать о масонах, об ужасах, происходящих на заседаниях, — все это неправда. Но заседания в строгом порядке и необходимое требование взаимной поддержки составляют всю силу масонов. К несчастью, эти главные условия составляют большую противоположность с натурой русского человека. Начиная организацию, я всегда этого опасался, и все мои опасения оказались основательными.

Во время выборной работы в Первую Думу со мной очень осторожно заговорил Е. И. Кедрин о масонах. Заметив, что я очень заинтересовался, он признался, что сам масон, и что имеются еще масоны в достаточном числе, чтобы принять новых членов. При этом он заявил мне, что и другие масоны уже обратили на меня внимание и, если бы я захотел вступить в масонство, то согласны были бы принять меня, если выдержу установленный экзамен.

Прием мой был назначен на 23 апреля. В этот день заседал еще третий кадетский съезд. Мне было назначено явиться в редакцию газеты «Страна» на Невском, д. 92, ровно в 2 часа. В передней встретил меня Кедрин, чтобы я не мог больше никого видеть и провел через коридор в одну из последних комнат. Я знал, что прием в масонство сопряжен с тайным ритуалом, но в чем он состоял, мне не было объяснено, так как это составляет тайну для всех. Рассказывают про масонов всякие сказки о приеме, все это чистый вздор. Напротив: прием, должен сказать, производит сильное впечатление и основан на очень логическом принципе. Он совершается тайно, вступающий не знает до последней минуты, пока он не принят, кто такие другие масоны и кто его принимает. Это чрезвычайно важно на случай, если кто не принят, чтобы он не мог никого назвать. Самый прием имеет целью узнать человека, вызывая его на полную откровенность. Оставив меня одного, Кедрин удалился и, вернувшись, передал мне лист бумаги, на котором были написаны вопросы. Когда отве-

ты мои были готовы, просмотрены и найдены удовлетворительными, то мне были завязаны глаза и какие-то двое увели меня в другую комнату. Прделан был весь ритуал приема, который отнял два часа. Должен сказать, что самый допрос производит страшно сильное впечатление, получается какое-то особенное настроение, какое-то желание отвечать на все с полной искренностью. Настроение такое приподнятое, что разве совершенно испорченный может кривить душой и не будет искренним в своих ответах. Словами этого нельзя выразить, это надо самому испытать, чтобы понять, что происходит с человеком. Такое же мнение я слышал от других, когда они принимались.

Объявив и поздравив меня, по положенному ритуалу, со вступлением в масонство, каждый из присутствующих трижды поцеловался со мною. Когда я увидел близко знакомые лица, то был удивлен, ибо по голосам не мог никого узнать. Принимал меня профессор М. М. Ковалевский, в качестве мастера-наместника, а затем присутствовали доктор Баженов, Кедрин, проф. Котляревский, проф. де Роберти, Маклаков, и доктор Лорис-Меликов.

С открытием Первой Государственной думы и клуба кадетов все так были заняты, что о никакой организации не приходилось думать, и это, надо признаться, большая ошибка, что никто о дальнейшем не думал. Я твердо решил тогда, что когда все наладится и войдет в нормальную колею, заняться серьезно организацией масонства. Мне всегда представлялось, и сейчас я в этом убежден, что только при надлежащей организации масонов, и, конечно, при твердом решении участвующих подчиниться масонской дисциплине, возможно достигнуть каких-нибудь реальных результатов. Этому может служить примером Турция, Португалия. Без войска никакая революция, никакой переворот немислим, а пропагандировать войско, главным образом офицеров, можно только при посредстве масонов, а не подпольной литературой, которая вовсе не в духе русского офицера.

Сейчас же после роспуска Первой Думы я переговорил со всеми и все согласились со мной, что надо начинать действовать. Первым делом был послан в Париж список наших имен с заявлением, что мы решили действовать и принимать новых членов. С декабря 1906 г. очень регулярно начали у

меня собираться для приема новых членов. Были приняты профессора Гамбаров, Иванюков, Бородин, Павлов-Сильванский, доктор Жихарев, бар. Майдель, Маргулиес, Щеголев, Немирович-Данченко, Тираспольский, Макаров, Демьянов, Переверзев, Геловани, Масловский, Аничков, Кальманович, полковник лейб-гвардии Измайловского полка Теплов, граф Орлов-Давыдов, Морозов, Колюбакин, Антоновский, Гольм, Свечин, Кармин. Намечание и прием делался с большим разбором. Хотя мы всех этих лиц хорошо знали, но, тем не менее, предварительно поручалось двоим навести справки, и только после обсуждения добытых сведений поручалось кому-нибудь сделать намеченному лицу предварительное предложение вступить в масонство. Когда число вступающих начало увеличиваться, то был возбужден вопрос о легализации. Принадлежа к французскому масонству, нужно было просить легализации в Париже. Сделать это надо было чрезвычайно тайно, и потому ждали случая, когда кто-нибудь из масонов, известных Великому Востоку Франции, поедет в Париж. Весной 1907 г. предварительные переговоры было поручено вести Кедрину и Ковалевскому. Ковалевский, вернувшись осенью, привеза два патента, которыми ему разрешалось открыть ложи в Петербурге и Москве, но разрешения эти были не от главного масонства «Великого Востока Франции» (Grand Orient de France), а от единственной ложи Шотландского рита. Имеются два вида масонства: масоны Великого Востока Франции и масоны Шотландского ритта. Великий Восток, признаваемый всюду, насчитывает 33 степени и предоставляет полную свободу веры, Шотландский рит имеет только 18 степеней и требует обязательное верование в бога. Эти масоны никакой роли не играют и никаким влиянием не пользуются. Они же допускают и женщин в масонстве. Таким результатом поездки Ковалевского все остались недовольны. Нам было желательно: во-первых, сношений с Великим Востоком и затем приезд уполномоченных для настоящей легализации. Кедрин же ничего не мог устроить, так как Ковалевский заявил ему в Париже, что им все [уже] устроено.

Зимой в 1907 году было решено заняться Москвой, но так как в Москве имелся один только масон — доктор Баженов, а для приема требовалось заседание ложи в числе не менее семи, то решили командировать в Москву семь чело-

век. Были назначены я, Орлов-Давыдов, Маргулиес, Макаров, бар. Майдель, Кедрин и Демьянов. В январе 1908 г. мы поехали в Москву. Заседание ложи было устроено в квартире доктора Баженова. Прием совершал Баженов в качестве мастера наместника, а мне как изучившему во всех подробностях все ритуалы, было поручено давать первые наставления и руководить ритуалом. К приему намечены были кн. Урусов, Оболенский (оба депутата Первой Думы), присяжные поверенные Балавинский, Гольдовский и Сахаров и актер Сумбатов (Южин). Я не забуду впечатления, которое произвел на меня князь Урусов. Он был страшно сосредоточен. На мое строгое замечание, что если он явился ради любопытства или личного интереса, то должен удалиться, и на вопрос, способен ли он отрешиться от всего земного, он с полным спокойствием отвечал, и вид и голос его были удивительно искренни. С таким же спокойствием он снял все, что было на нем ценного, и передал мне в руки. Такое же впечатление произвел [он] на нас всех и в самой ложе. Он с полным откровением рассказал всю свою жизнь, все пережитое им во время службы в министерстве внутренних Дел, будучи товарищем министра. После приема всех была установлена ложа Московская, под названием «Ложа Освобождения». Мастером-наместником был выбран Баженов, первым братом-наставником — князь Урусов, вторым — Оболенский, секретарем — Гольдовский, оратором — Балавинский. На другой день снова все собрались, и москвичи, когда им было объяснено о различии двух существующих течений во французском масонстве, присоединились также к мнению большинства петербургских братьев о желательности принадлежать к «Великому Востоку». Меня и Баженова уполномочили ехать в Париж и окончательно договориться о приезде французов, уполномоченных Верховным Советом для легализации масонства в России.

Решено было, что 2 февраля мы с Баженовым выедем в Париж. Вернувшись в Петербург, в квартире Ковалевского состоялось* общее собрание всех масонов, для доклада о состоявшемся открытии ложи в Москве и о резолюциях, принятых в Москве. Нужно было утверждение и согласие

* Так в тексте. — Прим ред.-сост.

всех. Тут разыгрались сцены, которые так знакомы и свойственны всем организациям в России. В председатели собрания Ковалевский как на грех предложил графа Орлова-Давыдова. Громадный, тучный, неуклюжий Орлов-Давыдов, типичный дегенерат, отличается феноменальной глупостью. Страшный тяжелодум и при этом привычка все умственные мышления излагать громко при всех. Не привычный совершенно председательствовать, он, конечно, растерялся, не мог ничего формулировать и получился такой сумбур, что он кричал на всех: даже на тех, которые не раскрывали рта; все кричали на него. Как только я доложил обо всем, что было в Москве, Ковалевский заявил, что он откалывается, а желающих быть с ним просит заявить ему. Неудачное, правда, заявление Ковалевского сразу задело многих, и Кедрин первый выступил возражать Ковалевскому и главным образом обрушился на него за призыв присоединиться к нему. Непонятно, почему, но с самого начала заседания, еще до открытия, многими чувствовалось что-то неладное, а как только Ковалевский с Кедриним обрушились друг на друга, то собрание сразу приняло бурный характер. Были моменты, когда все кричали, подбегали друг к другу, махали руками. При всем ужасе и тяжелом чувстве, которые все испытывали, наверное искренне, общий смех был вызван сценой между председателем и Кедриним. Орлов-Давыдов, вскочив со своего места, тащил Кедрину к себе и не давал говорить, кричал: «Повторите еще раз». Кедрин не выдержал, и так заразительно расхохотался, что все невольно начали смеяться. Несмотря на смех, все были удручены совершившимся расколом. Не знаю, как другие, но для меня было ясно, что хотя раскол и небольшой, но это не предвещало слишком большой прочности для организации. С Ковалевским остались только его близкие друзья Гамбаров, Иванюков, де Роберти и Аничков, который, примкнув к Ковалевскому, потом шопотом говорил каждому из нас на ухо, что он будет и с нами. Очень характерно для Аничкова, который никогда не знает, чего он хочет, но самый факт указывает, что попали люди, недостаточно проникнутые самой идеей. Как ни старались уговаривать Ковалевского, ничего нельзя было поделывать, он остался тверд в своем решении. Очень неприятно было терять Ковалевского, не говоря уже о том, что самый факт получившихся двух течений с

самого начала возрождения масонства был уже крайне печален для дальнейшего успеха. Как было решено еще в Москве, 2 февраля мы с Баженовым поехали в Париж. Заявление наше было принято с большим вниманием и Верховным Советом решено было командировать двух членов Верховного Совета гг. Булэ и Сэншоль (Boulet, Sincholl). Расходы по поездке мы обязались уплатить, по тысяче франков каждому. Одну тысячу принял на себя граф Орлов-Давыдов, а другую тысячу петербургская и московская ложи взяли на себя. Мы были представлены Верховному Совету. Гроссмейстером в то время был депутат Лафер — лидер радикалов в парламенте. Баженова и меня сразу возвели в 18-ю степень и очень с нами носились. Все поздравляли нас и желали успеха в наших начинаниях. Мы имели случай присутствовать на масонской свадьбе и видеть весь обряд венчания. Надо сказать, что самый церемониал и весь обряд чрезвычайно интересен и торжественен. Приезд французов в Россию был назначен на 8 мая того же 1908 года. Мы торжественно вернулись: я в Петербург, а Баженов в Москву. По моем возвращении снова начались регулярные заседания и прием новых братьев. На первом же заседании, ввиду выбывшего Ковалевского, вновь были произведены выборы должностных лиц. Мастером-наместником решили выбрать Орлова-Давыдова, в надежде, что это понудит его давать широко на нужды масонов, что при его средствах легко было сделать для всякого другого, но ввиду его скупости это оказалось слишком трудным для него. Он давал кое-что, но это бывало сопряжено с такими приготовлениями, что становилось противно с ним заговаривать. Самым тяжелым для меня было то, что постоянно переговоры с ним поручались мне. Взносы в ложу он делал по установленному порядку для всех, 4% с квартирной платы, а в кружечный сбор, полагаемый после всякого заседания, он опускал всегда рубль. Затем он на приезд французов дал тысячу франков, и впоследствии, когда был выбран он в Верховный Совет, то дал единовременно 3 тысячи руб. Секретарем и казначеем снова был выбран я, оратором Маргулиес, первым наблюдателем-Кедрин, вторым — барон Майдель. Заседания ложи происходили исключительно у меня. Все ведение дела поручено было мне, составление списков, выдачу денег и всякие сношения должен был делать я. Вновь вступающий должен

был видеть только меня и я должен был делать первое наставление и вводить на прием. Из осторожности я не имел дома никаких списков. Все имена я старался всегда держать в памяти, а пометки о взносе каждого делал в старой телефонной книжке и не против фамилии, а по заглавным буквам фамилии. Каждые три месяца я отчитывался, чтобы не трудно было запоминать всякую мелочь. Как было условлено, 8 мая 1908 г. приехали оба француза. На вокзал встречать поехали я и Орлов-Давыдов. Отвезли их в гостиницу «Англия» на Исаакиевской площади. Напившись кофе и дав французам переодеться, мы с Орловым-Давыдовым отвезли их в Кресты к Маргулиесу, чтобы совершить сокращенный ритуал. О поездке этой я уже писал, когда описывал, как садились в Кресты осужденные депутаты первой думы. Об этой поездке я никому раньше не говорил из масонов. Только накануне приезда масонов, когда мы вдвоем с Орловым-Давыдовым устанавливали порядок дня, то я ему открыл свой план. Он очень удивился моей смелости, но сейчас же согласился. Самому Маргулиесу я говорил [сказал об этом] за несколько дней и он сперва был согласен и очень доволен, а через день прислал мне письмо, в котором просил не делать этого сумасшествия. Но я твердо решил это сделать и проделка удалась. Когда потом мы рассказали о нашей поездке в тюрьму, то все были удивлены моему нахальству. Только после того, как проделка мне удалась, я сам испугался моей смелости. Я думаю, что я никогда не решился бы на такую поездку, если бы я долго ее обдумывал. Это можно было сделать только при таком сильном возбуждении, в котором я находился. В три часа в этот же день было назначено торжественное заседание для легализации и установления ложи. Когда мы вернулись из тюрьмы, то пришел в гостиницу Баженов. Завтракали мы в гостинице. После завтрака я поехал делать нужные приготовления, устраивать комнату, как это требуется по наказу. У меня в это время квартиры не было, так как старую квартиру я сдал ввиду отъезда дочерей, а новая еще ремонтировалась. У Орлова-Давыдова тоже шел ремонт, и мы решили воспользоваться квартирой Маклакова. Квартира его была еще тем удобна, что собрание стольких людей днем у депутата не вызывало особых подозрений. Все уже были в сборе с 2 часов дня. Я расставил столы и стулья, разложил все необходимые

масонские предметы, словом, привел комнату в настоящий вид. Ровно в три часа приехали французы с Орловым-Давыдовым и Баженовым. Тут благодаря рассеянности Баженова случилось несчастье, которое могло иметь очень печальные последствия. Баженов забыл в автомобиле масонские книги и шофер увез их в гараж. В гараже легко могли их заметить, начать рассматривать, и кто-нибудь легко мог донести о странных книгах; пришлось ехать выручать книги. Французов я провел в приготовленную для них комнату. Французы облачились, в ложе все заняли свои места. В этот день приглашены были также Ковалевский и отколовшиеся вместе с ним братья. Для них были приготовлены специальные места, как это полагается для гостей, сзади председателя. Я должен был вводить французов, а в ложе, в самых дверях, встретил их Орлов-Давыдов, как мастер наместник, с двумя братьями-наблюдателями. После обмена приветствиями Буле занял место мастера-наместника, Сэншоль место первого наблюдателя, вторым наблюдателем был поставлен Баженов, я занял свое место секретаря, а оратором в этот день был назначен Маклаков. Начался церемониал установления ложи. По совершении ритуала я огласил привезенную французами от Верховного Совета грамоту. Ложа получила название «Полярная звезда». После этого все присутствующие начали подписывать клятвенное обещание в двух экземплярах, одно для нас, другое французы отвезли в Париж. Затем французы произнесли прекрасные речи. Им отвечал, как это полагается, брат оратор. После этого все были удалены. Остались только я, Орлов-Давыдов, Кедрин, Баженов, Маклаков и барон Майдель. Я и Баженов получили 18-ю степень, будучи в Париже. Названных лиц нужно было также возвести в 18-ю степень, чтобы имелось нужное число для шапитра (совет этой степени). Маргулиесу также была обещана эта степень и нам было дано исполнить ритуал по его выходе из «Крестов». Совет 18-й степени необходим для решения вопросов, которые не могут быть известны ложе. Все было кончено в 7 часов, а в 8 часов все собрались на обед к Донону. У Донона метрдотель, француз, мой хороший знакомый, очень умело

* Так в тексте. — Прим. ред.-сост.

отвлекал прислугу, делая всякие распоряжения, когда начались тосты. Обед прошел, так сказать оживленно*, что засиделись до трех часов ночи. На второй день мы возили французов показать город, обедали в ресторане «Медведь» и в 11 часов поездом Николаевской железной дороги французы вместе с Баженовым уехали в Москву устанавливать там ложу. С ними поехал и Орлов-Давыдов. В Москве самый церемониал был сокращен ввиду немногочисленности членов, и пробыв там только один день, французы уехали в Париж. Таким образом почти на глазах Столыпина и его многочисленной охраны, при всех строгостях всяких собраний, было организовано по всем правилам, с полным ритуалом масонство. Масоны посещали тюрьму, устраивали ложи в двух столицах, а правительство со Столыпиным ничего не подозревало. Этого мало, в новой квартире я устроил настоящую ложу, как она должна быть, и даже мебель заказал специальную. Квартиру из четырех комнат я нанял над помещением бывшего клуба с тем расчетом, что не будет заметно, когда у меня будут собираться, так как внизу ежедневно собиралась думская фракция кадетов. Комната для ложи была в конце коридора и выходила окнами во двор. Это тоже навсегда осталось тайной для Столыпина. Мы совершенно спокойно собирались и вначале проявляли большую деятельность. Были приняты вновь депутаты: Пергамент, Буккейханов, Черносвитов, Некрасов, Караулов, Розанов, Головин (бывший председатель Второй думы), Килевейн, Кузьмин-Караваев, князь Максудов, генерал Субботин, Симонов, Веретенников, Буслов, предводитель дворянства Дмитриев, профессор Гордеенко, князь Эристов, доктор Светловский, Измаилов, четыре офицера-сапера и один артиллерист. В августе на заседании были выбраны делегаты для присутствования на ежегодном конвенте масонов в сентябре в Париже. Выбраны были: я, Орлов-Давыдов, Маргулиес. Орлов-Давыдов в последнюю минуту сказался больным и не явился на конвент. думаю, что из простой трусости. Двоюродному брату Столыпина все-таки не хотелось попасться. На конвенте были только мы вдвоем: я и Маргулиес. Конвент обыкновенно длится неделю, затем происходят два обеда: обед для всех степеней и обед для 18-й степени. В конвенте принимаются решения, делают запросы правительству, которому ставят на

вид решения конвента. Заседания носят характер парламента. Мы участвовали на всех заседаниях, в дебатах же не участвовали, чтоб не попасть в прессу и тем не выдать нашу тайну. Мы были также и на двух обедах. Собственно говоря, хотя мы были и легализованы, ложи наши считаются законными, но этого недостаточно. После установления двух лож и совета 1-й степенем нужно было официально обратиться ко всем масонам других стран и просить нашего признания, а затем посредством публикации объявить об этом. Ввиду нашего политического положения сделать этого мы не могли. Тем не менее мы придумали сделать это иначе. Мы решили объехать масонов всех стран и лично заявить о нашем существовании, избегая огласки через прессу. В ноябре месяце мы собрали свой конвент, т. е. всех имеющихся масонов. Конвент длился три дня. Первый день он собирался у меня. Председательствовал Ковалевский. Вторым днем — у Орлова-Давыдова, председательствовал я и третий день — снова у меня, председательствовал Головин. На конвенте, во-первых, решено было выбрать Верховный Совет. Выборы были тайными, записки должен был распечатывать только я один и я должен был сообщить результаты трем лицам, которые получили бы большинство. Эти лица имели право кооптировать еще трех лиц. Имена лиц, вошедших в Верховный Совет, никому не могли быть известны, исключая меня, и только через меня Совет мог давать свои директивы ложам, также и ложи могли сноситься с Советом только через меня. Во-вторых, решено было произвести выборы должностных лиц в Совет 18-ти. Выборы в этот совет должны были происходить только между теми лицами, которые уже имели эту степень. Наконец было решено устраивать масонство во всех крупных городах. В Совет 18-ти председателем был избран я, первым наблюдателем — Ковалевский, вторым — Кедрин, секретарем — барон Майдель, оратором — Маргулиес. В Верховный Совет, как выбранный для постоянных сношений, я входил сам собою и баллотировке не подлежал. Баллотироваться в Верховный Совет могли братья, имеющие 3-ю степень, т. е. мастера и выше. Выбранными в Верховный Совет оказались кн. Урусов, Головин и Маргулиес. Когда я увидел результаты, то у меня точно что-то сорвалось — я предвидел большие неприятности. Предчувствие меня не обмануло. Несмотря на

всю идейность масонской организации вообще, а нашей, в данном случае, в частности, несмотря на клятвенное обещание, которое масоны всегда дают: любить друг друга, чувство тщеславия у некоторых оказалось слишком большим, и очень скоро начались закулисные интриги. Баженов и Гольдовский, особенно первый, не могли мириться с тем, что они не были выбраны, а когда вдобавок они еще не были кооптированы, то недовольство их стало заметно проявляться. Маргулиес и тут проявил себя; попал он благодаря своему нахальству и умению ловко интриговать. Он сумел убедить многих и собрать себе голоса. Присутствие его в Верховном Совете и его пошлая наглость скоро стала невыносимой всем остальным. На первом же заседании Совета 18-ти (шапитра) решено было возвести в эту степень Головина и Урусова, не потому, что они попали в Верховный Совет, это была тайна для всех, а ввиду их прежней деятельности вообще. Я совершил это посвящение с полным ритуалом и должен сказать, что минута получилась чрезвычайно торжественная, когда они оба, стоя на коленях, произносили присягу. Своей искренностью они произвели глубокое впечатление на всех. Когда собрался Верховный Совет, то сразу занялся вопросом устройства лож в других городах и установлением сношений с масонами других стран. Было решено озаботиться посвящением немедленно лиц, которым можно было бы поручить подготовку почвы на местах. Для намеченных задач требовались деньги и было высказано вообще желание стремиться к образованию какого-нибудь фонда на всякие нужды. Решено было кооптировать Орлова-Давыдова в Верховный Совет и поставить ему условием предоставление нужных средств. Я рассказал братьям, как мне было сказано Орловым, что на политическую работу он имел бы возможность давать по 2 тысячи ежемесячно. Было решено пригласить Орлова на другой же день, и Урусову поручено обратиться к нему с просьбой. Я не находил удобным указывать Урусову слишком детально, как следует ему говорить с Орловым. Как только Урусов начал говорить, я сразу заметил на лице Орлова саркастическую улыбку, улыбку, которая часто бывает у людей недалеких. «Вот, дескать, для чего вы меня сюда пригласили, не ради моих достоинств, а только ради моего кармана.» Мне казалось, точно я читаю это в душе Орлова. Я поспешил вставить

несколько слов, надеясь, что Урусов меня поймет. Но Урусов продолжал, и когда он Орлову сказал, что я им передал высказанное мне Орловым предположение давать две тысячи в месяц на политику, то Орлов сразу замкнулся. Он начал объяснять, что им начаты большие постройки по сахарному заводу, которые поглощают все его средства, начал утверждать, что у него не хватает даже на личные расходы и кончил тем, что он даст теперь три тысячи, а когда представится возможность, даст больше и что сделает это сам, без напоминаний. Когда же кончилось заседание, Орлов выждал, чтобы все ушли, и начал допытывать меня. Я рассказал ему все откровенно весь мой разговор с братьями Верховного Совета и начал ему объяснять неправильность его поведения. Он, наконец, казалось, проникся моими объяснениями, потому что обещал исправить и изгладить неприятное впечатление своего объяснения в Совете. Я все ждал, что в следующем заседании он сам заговорит и объяснит свое поведение, но я ошибся. Видимо, врожденная скупость взяла верх, и он решил ограничиться выданными тремя тысячами. На одном из ближайших заседаний ложы я предложил кандидатуру Лучицкого, депутата от Киева. Советом было решено, что если Лучицкий согласится вступить в масонство, то [нужно будет] поручить ему пропагандировать идею масонства в Киеве. Предложение мое было принято, и выбраны были двое для переговоров с Лучицким. Порядок был такой: сперва кто-нибудь предлагал кого-нибудь к принятию; тогда обсуждалось сделанное предложение, и если оно принципиально принималось, то назначались двое, которым поручалось навести возможно подробные справки о названном лице. В следующем заседании добытые сведения обсуждались всеми и, если, они оказывались достаточными, то брату, впервые предложившему, поручалось узнать, желает ли то лицо вступить в масонство. По получении утвердительного ответа выбирались два новых брата, которые обязаны были явиться к названному лицу, каждый в отдельности, и, не называя себя, должны были проверить предвзвешенно его взгляды на разные вопросы, по установленному опросному листу. Эти выбранные братья являлись всегда с карточкой впервые предложившего, так что назначенному к принятию лицу нечего было опасаться. По выслушивании доклада уполномоченных

братьев, ложа решала, принять или нет, и в случае согласия назначала день приема. Таким образом, проходило четыре заседания, пока ложа решала вопрос о принятии кого-нибудь. Такая строгая проверка казалось, вполне гарантировала, чтобы в масонство не проник какой-нибудь провокатор. Ввиду возможной провокации, решено было просить Верховный Совет в Париже дать строжайший приказ всем ложам Франции никого из русских без предварительного запроса нас о личности желавшего вступить, на принимать. Такое решение наше было встречено с полным сочувствием, и просьба наша была уважена. Быть может, такая мера нас только и спасла, что мы не были разоблачены. Затем, имея ввиду, что некоторые масонские знаки могли быть известны полиции, мы решили ввести у нас, кроме общих масонских знаков, еще добавочные, наши специальные знаки. И было решено никому не доверять, кто только делает иностранный знак, а отвечать только после добавочного русского знака. Этим также мы себя гарантировали.

Луцицким была выражена полная готовность вступить в масонство, и он был принят. Тогда ему было поручено подготовить почву в Киеве. Он как раз в то время уезжал на рождественские каникулы в Киев и мог заняться этим вопросом. Верховным Советом было решено не откладывать с вопросом об установлении сношений с западными масонами. Для этой цели были командированы Урусов, Маргулиес и я. Маргулиес и Урусов должны были поехать в Швейцарию, Италию и Будапешт, а я должен был поехать в Киев и Одессу, чтобы проверить на месте, представляется ли возможность создать ложу, и затем проехать в Константинополь, чтобы установить сношение с тамошними масонами и младотурками и затем дожидаться Урусова и Маргулиеса, чтобы уже вместе с ними ехать в Одессу и Киев для открытия лож. В самых последних числах декабря 1908 г. мы выехали. Урусов и Маргулиес проехали в Париж, чтобы заручиться рекомендательными письмами, а я в Киев. В Киеве я был обрадован Луцицким, который сообщил мне, что ему удалось уже переговорить с бароном Штейнгелем, депутатом Первой думы, и обнадежил меня, что к нашему возвращению он рассчитывает иметь достаточное число, чтобы открыть ложу. Проехал я в Одессу. Там я должен был говорить с присяжным поверенным

Ратнером, который был предварен о моем приезде Пергаментом. Так как Ратнер не был еще масоном, то я не посвящал его в подробности нашей организации, а поручил ему прозондировать почву, найдутся ли желающие вступить в масонство, и обещал ему вернуться через две недели, чтобы подробно поговорить. На другой день отходил пароход, и я уехал в Константинополь. Прибыл я в Константинополь 3 января 1909 г., вечером. На другой же день отправился я к Нарадунгияну — это французский масон и член партии младотурок, из армян. Он очень обрадовался узнать, с какой я приехал целью, и тут же начал телефонировать приятелям. Большинство турок принадлежит к итальянским масонам. Большинство масонских лож находится, главным образом, в Салониках. Там же раньше, до переезда в Константинополь и по возвращении из Парижа, находился и ЦК младотурок, так называемый комитет «Единение и прогресс». В два дня Нарадунгиян познакомил меня с главными масонами, находящимися в Константинополе. Познакомил меня также с депутатом Карассо и Талат-беем. Карассо — присяжный поверенный, из евреев, депутат Салоник, он же был впоследствии выбран объявить султану Абдул-Гамиду о ниспровержении. Талат-бей — турок, также из Салоник, и был выбран товарищем председателя палаты. Молодой Энвер-бей — красавец, майор, гордость младотурецкой партии и армии — глава всего движения. Скромность его при разговоре прямо чарует, а логичность его речи поражает всякого. Также Нарадунгиян дал мне возможность переговорить с представителем дашнакгутиюнов. С Ахмет-Риза я решил не видаться до приезда Маргулиеса и Урусова. Ахмет-Риза я знал еще когда комитет младотурков заседал в Париже. Все собрания с младотурками происходили в ресторане Токатлиана. Это единственный хороший ресторан. Хозяин Токатлиан — армянин и масон. Над рестораном шла перестройка; он устраивал в то время гостиницу, а также особое помещение для масонской ложи. Свидания наши происходили не в общей зале, а в потайной комнате, куда сам Токатлиан проводил каждого из нас отдельно, незаметно от посетителей. Несмотря на конституцию, нужно было младотуркам быть настороже, да и я не хотел, чтобы мои свидания были известны. Приходилось быть очень осмотрительным, так как наше правительство нисколь-

ко не стеснялось завезти российские порядки, и на улицах можно было часто видеть русских сыщиков, которые даже в чужой стране не могли преобразиться и отречься от традиционных зонтика и галош. В гостинице я держал себя, как турист; на осмотр города брал нарочно гида, а когда отправлялся на свидание, то шел один, пешком. Мне все-таки повезло: гид мой оказался итальянцем и ярым революционером; его, оказалось, хорошо знал Нарадунгиян. Через десять дней приехали Урусов и Маргулиес. Они побывали в Швейцарии, Италии и Будапеште. Всюду они были радушно приняты, и нужные отношения были установлены. Для Константинополя на имя Ахмет-Риза они также привезли письмо от гроссмейстера масонов Лафэра. Ахмет-Риза уже знал о моем пребывании и был предупрежден Таалат-беем и Каракассо, что я жду приезда Урусова и Маргулиеса, чтобыв побывать у него. Когда мы все трое отправились в парламент и отправили Ахмет-Ризу наши карточки, то моментально были приняты. Там в парламенте порядок такой: ворота парламента закрыты и охранены стражей младотурков. Являющийся посетитель передает свою карточку чиновнику, сидящему в будке, у ворот, и дожидается на улице; по получению разрешения пропускается в ворота. Когда мы приехали и послали свои карточки и письмо к Ахмет-Ризе, то мгновенно были приняты. Наверху лестницы встретил нас Таалат-бей, а в дверях кабинета сам Ахмет-Риза. Встреча эта произвела на стражу сенсацию настолько, что, когда мы в следующий раз отправились в парламент, то уже не пришлось посылать карточек. Привратник — младотурок похлопал каждого из нас по плечу и сразу пропустил. Ахмет-Риза принял нас чрезвычайно любезно. По принятому обычаю было подано кофе. В кабинете находился Таалат-бей и какой-то оппозиционный принц. Просидели мы полчаса, как подали Ахмет-Ризу две визитные карточки. Ахмет-Риза успел только сказать: «Voilà vous serez en compagnie des amis», как уже входил Гучков и драгоман посольства Мандельштам. Увидав эту фигуру, мы моментально стали прощаться с Ахмет-Риза и, не поздоровавшись с Гучковым, поспешили выйти. Выходя, я сделал Таалат-бею масонский знак, что я хочу с ним говорить. Когда мы были в коридоре, то я ему объяснил, какой «друг» Гучков и какой это либерал. Таалат-бей очень благодарил, что я ему

это объяснил, и говорит мне: «Можете быть спокойны, что Гучков кофе не получит». Да и вообще прием Гучкова, несмотря на то, что он явился торжественно, в сопровождении драгомана посольства, был совсем другой. Затем, когда началось заседание парламента, нас провели в ложу. Места для публики были устроены довольно оригинально. Очень роскошные ложи в коврах были уставлены большими мягкими креслами. Вероятно, особой надобности в них нет. Публики почти нет, все только случайные иностранные посетители. Гучков тоже был проведен в ложу, и ему все время объяснял и называл депутатов Мандельштам, который тщательно нас рассматривал с удивлением, что многие депутаты снизу нам кланяются. Конечно, от Гучкова он знал, кто мы такие. Этого Мандельштама, спустя год, я имел случай встретить на вечере у Брянчанинова в Петербурге. Он рассказывал про организацию младотурков и я еще раз убедился, как наши господа мало осведомлены в вопросах, которые составляют главную задачу их службы. Все младотурки — масоны, комитет младотурок из десяти членов; каждый из этих десяти организует особый комитет тоже из десяти; каждый из этих десяти организует снова группу из десяти и т. д. Десять человек каждой группы знают только лицо, их сгруппировавшее. Кроме масонской организации у них имеются фидаи, организация которых напоминает организацию карбонариев. Присягают фидаи на мече и короне и никогда не знают, кто [их] приводит к присяге и где это происходит. Согласившегося идти в фидаи ведут с маской на лице, чтобы он не мог догадаться, куда его ведут. Дорогой провожающие меняются, и он таким образом не знает, кто его вел. Затем, при испытании и присяге, снимают маску, а приводящие к присяге лица сидят в масках. Система пропаганды в войсках у них, по словам Энвер-бея, совсем была иная, чем у нас. У них вербовались только молодые офицеры. Объясняется это тем, что молодого офицера легче пропагандировать. Так как старшие, большей частью семейные и обеспеченные, труднее соглашались на риск. Пропаганда между солдатами была строго запрещена; с офицеров требовалось, чтобы они и жили в казармах, и возможно больше сближались с солдатами и заботясь о них настолько бы их к себе привязывали, чтобы они были готовы на всякий риск, чтобы защищать офицеров. Вот, так сказать,

главные основы, на которых велась пропаганда и судя по результатам можно судить о правильности такой постановки дела. Мы пробыли еще десять дней, встречаясь постоянно в потайниках ресторана Токатлиана. Из Константинополя мы уже втроем направились в Одессу. Присяжный поверенный Ратнер сообщил нам, что у него есть четыре человека, изъявивших желание образоваться масонства*. На другой день решено было их собрать в квартире Ратнера и начать прием. Для образования ложи недостаточно было пяти лиц: требуется наличность семи, чтобы образовать ложу. Поэтому мы решили принять пока имеющихся налицо, а затем уже снова приехать устанавливать ложу, когда найдутся желающие. Во время приема случилось маленькое замешательство, которое нас несколько смутило. Из явившихся двое, узнав, что они будут подвергнуты экзамену и должны будут подчиниться ритуалу, отказались от вступления, говоря, что подчиняться и брать на себя обязательства они не хотят. Смущены мы были потому, что нежелательно было, чтобы люди, не вступающие, знали о существовании организации; но ручался за них Ратнер. Кроме Ратнера были приняты: директор кредитного общества Суботкин и гласный Думы Симяков. Когда мы ехали в Одессу, то всю дорогу Маргулиес хотел нам доказывать, каким громким именем он там пользуется и что его присутствие гарантирует полный успех нашей миссии. Жалко было смотреть на него, когда нам в Одессе заявили, что именно присутствие Маргулиеса вредит успеху и что ни в коем случае при первой организации не хотят иметь еврея. Из Одессы мы приехали в Киев. Тут у Лучицкого имелось одиннадцать человек. Состав лиц здесь оказался чрезвычайно интересным: были профессора, общественные деятели и даже товарищ прокурора судебной палаты Пахомов. Прием происходил в квартире Лучицкого. Председательствовал князь Урусов, но почувствовал себя нехорошо, передал мне председательствование, так что мне пришлось устанавливать ложу, которой было дано название «Киевская Заря». Названия для лож устанавливаются Верховным Советом. Наличность принятых лиц давала возможность сразу установить ложу. масте-

* Так в тексте. — Прим. ред.-сост.

ром-наместником был избран барон Штейнгель, первым наблюдателем — Литвинов, вторым — Полторацкий, секретарем — Вязлов и оратором — Пахомов. Такая организация считалась очень удачной, и она сразу начала себя проявлять настолько, что через месяцев шесть приехал Пахомов в Петербург по поручению братьев просить Верховный Совет командировать кого-нибудь для открытия второй ложи. Это было летом, некого было посылать, и мной было передано Пахомову, разрешаю открыть временно вторую ложу с тем, что осенью будет кто-нибудь командирован для легализации. Председателем второй ложи был выбран Пахомов. Московской же ложе было поручено открыть ложу в Нижнем Новгороде. Велись переговоры об открытии лож в Саратове и Курске. Приезжавшему с Кавказа Здановичу, принятому в Петербурге, поручено подготовить организацию на Кавказе. Во второй очереди поездке предполагалось посетить Лондон, Берлин и Швецию, но поездке этой не суждено было осуществиться. По возвращении нашем из поездки, в феврале 1909 г., был возбужден вопрос, что слишком многолюдные и частые собрания могут быть опасны, поэтому было решено, оставляя главную ложу — «Полярную Звезду» — в полном составе, для занятий образовать несколько отдельных лож; новых братьев принимать уже в эти новые ложи, и лишь в особых случаях принимать в главную ложу. Одну ложу назвали «Северное сияние». Мастер-наместник Некрасов, первый наблюдатель — Караулов, второй — князь Эристов, оратор — Черносвитов и секретарь — князь Головани. Следующая ложа — «Заря Петербурга». Наместник — Морозов, первый наблюдатель — Кузьмин-Караваев, второй — Гордеенко, секретарь — Демьянов, оратор — Кармин. Наконец, было решено организовать военную ложу. Наместником был Андреянов, оратором — Масловский и секретарем — Тимофеев. Хотя занятия шли регулярно и все аккуратно собирались, но я лично часто бывал не удовлетворен. Мне часто приходилось замечать, что между братьями нет настоящей близости, без чего масонство обречено на смерть. Из Москвы все чаще приходили сведения, что все очень недовольны Баженовым, который недостаточно конспиративен и часто чрезмерно болтлив. Кем-то получено сведение, что Жихарев в подозрении у социалистов-революционеров. По этому случаю был назначен суд, который не нашел

ничего подозрительного и даже пожалел Жихарева, который искренно был этим потрясен. Затем многих начала пугать систематическая травля в черносотенной прессе против жидомасонов кадетов и в этом усматривали, что, быть может, у правых имеются какие-нибудь сведения. Начали пугаться еще больше, когда в Думе правые кричали, что им известна принадлежность Маклакова к масонству. Многих испугала также появившаяся в «Русском знамени» заметка, в которой говорилось, что могут назвать имя русского князя, которого видели в ложе в Париже. Несомненно, это был намек на меня. Между тем у Кедрина, во время обыска, когда нашли масонскую ленту и он заявил, что принадлежит к французскому масонству, то не обратили даже никакого внимания. Словом начало создаваться какое-то неопределенное настроение, начали высказываться о временном прекращении занятий. На одном из заседаний Маргулиес и Макаров, всегда особенно подчеркивающие свой радикализм, а при малейших слухах готовые спрятаться и отречься от всей своей деятельности, потребовали, чтоб комната у меня была преобразована в жилую комнату. Затем потребовали, чтоб я показал диплом и клятвенное обещание. Только я их достал, Макаров, не дождавшись никаких решений, как зверь бросился рвать бумагу и так стремительно, что никто не успел произнести [и] слова. Все начали кричать, кто протестовать, кто одобрять, нельзя ничего было разобрать. Самый главный документ был уничтожен. Этот день — последний день масонства в России, и я еще раз убедился, что масонство не для русских. Должны люди быть дисциплинированы, разве мог так Макаров позволить себе такую выходку. Можно было находить опасным сохранять такой документ в частной квартире, но уничтожить исторический документ было преступление, которому нет названия. Наконец, в феврале 1910 года решено было созвать собрание из 12 братьев для выяснения всех циркулирующих слухов и обсудить, что дальше делать. Каждая ложа должна была отдельно обсудить вопрос и делегировать двух братьев, снабженных мандатами. На собрание явились Головин, Кальманович, Морозов, Гордеенко, Эристов, Некрасов и я. Из Москвы: Баженов, Урусов. Из Киева — Вязлов, Полторацкий; из Нижнего Новгорода — Кильвейн и Каминский; и от военной ложи — Масловский и Макаров.

Председателем собрания был выбран Головин. Сперва хотели поставить вопрос: закрыться или нет. Потребовав слова, я заявил от [имени] Верховного Совета, что у настоящего собрания таких полномочий нет, что собрание может только обсудить положение и высказать пожелания, предоставив каждой ложе отдельно решать самой, продолжать ли занятия или заснуть временно (масонское выражение). После очень долгих, горячих споров началась баллотировка. Перевес был бы на стороне желающих продолжать работу, если бы депутат Некрасов не нарушил данного ему его ложей определенного мандата не прекращать работы. Голоса разделились; решение было предоставить ложам самим решить дальнейшую судьбу. При таком неопределенном настроении ложи предпочли временно уснуть. Таким образом, еще раз мы доказывали полную неспособность к твердой организованности. Говорят, что многое теперь не ладится ввиду общего переутомления, но я лично не могу с этим согласиться. Я объясняю недостатком настоящей культурности всей интеллигенции. Думаю, что для идейной организации недостаточно быть ученым, начитанным; нужно еще что-то такое, чего недостает у нас. Уже одно то, что люди при идейной работе вносят личные симпатии и антипатии — некультурно. Некультурность наша в том, что не умеем держать себя в известных рамках, не умеем подчиняться необходимой дисциплине, не умеем исполнять в точности принятые на себя обязательства. Не умеем относиться к себе с той строгостью, без которой работать нельзя. Всякая организация нуждается в денежных средствах, без чего и работа невозможна. Люди, вступающие в организацию, обязаны производить взносы. Люди культурные такое обязательство ставят выше всего. Что же наблюдается у нас. Большинство даже не думает об этом. Стоит невероятных усилий, чтобы производить эти сборы. Не платят не потому, что не желают платить; нет, по простой небрежности, халатности, потому что не хотят быть строже к самому себе. Ведь это и есть некультурность. Почему в Европе простой рабочий сам, без всякого напоминания, в определенный день и час является и производит взнос. Потому что в нем сильно развито чувство долга, он сознательно относится к делу, в нем есть эта культурность. Мне казалось, при создании масонства, можно было во всех центрах иметь группы,

которые, разрастаясь могли бы проникать во все отрасли государственной жизни и незаметно для самого правительства сдвинуть жизнь из стоячего болота. На масонство я смотрел как на единственное средство объединить людей разных лагерей, конечно прогрессивных, и объединить не на политической, новой программе, а лишь на культурно-просветительной работе, на делах городского управления. Для политики могли бы существовать ложи. Ведь в Европе масоны очень различных направлений, люди с очень различными политическими программами, но это не мешает существовать и для общей работы. Есть ложи философские, культурно-просветительные, чисто благотворительные и, наконец, специально социалистические радикальные. Сила масонства в том, что в него входят люди различных слоев, различных положений и таким образом масонство в целом имеет возможность действовать на все отрасли государственной жизни. Если бы мы имели людей, тесно с нами связанных в разных учреждениях, мы могли бы быть лучше осведомлены, мы вовремя знали бы, что готовят господа Столыпины, Рачковские и им подобные, мы могли бы многое предупредить, многое, может быть, изменить или смягчить. За короткое время существования масонства оно уже сказалось в этом смысле. С введением Столыпиным военно-полевых судов из гвардейских полков по очереди назначались судьями старшие офицеры, полковники. Имея братом полковника Измайловского полка Теплова, мы достигли того, что когда он бывал судьей, то ни одного смертного приговора не было. Сенатором Дедюлиным, ревизовавшим Киевскую губернию, делопроизводителем был взят наш брат Кармин — секретарь Сената. В то же время в Киев был переведен окончивший курс в инженерной академии наш же брат, из военной ложи, Тимофеев. Узнав, что в составе ревизирующих находится Кармин, Тимофеев моментально поехал к нему, дал себя знаками узнать Кармину и оказал ему чрезвычайно ценные услуги. Разве все это не подтверждает мое мнение, что при посредстве масонства можно было бы достигнуть очень многого. Ведь вот уже сказывалось значение масонства с самого его зарождения и при том, что мы еще были в самом тесном кружке — а когда мы проникли бы всюду, чего только нельзя было [бы] сделать. А разве малое значение имело, что в Киеве мы сумели

привлечь товарища прокурора Пахомова. Когда люди хотят служить идее, они должны уметь отречься от личных чувств. Нельзя служить идее и во всем первенствовать. Большой ошибкой было вводить людей узко партийных и непримиримых, а такие у нас были. Есть люди, которые проникнуты чувством противоречия, как например Колюбакин. Когда прекратилась настоящая работа масонов, то многие собирались у меня для общей беседы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ГР. АРОНСОН МАСОНЫ В РУССКОЙ ПОЛИТИКЕ

1. Конспираторы.

Существовала в России, может быть, немногочисленная, но политически влиятельная организация, представители которой играли весьма видную роль в переломные годы русской истории — в 1915-1917 годы, в эпоху первой мировой войны и февральско-мартовской революции. Особенностью этой организации была прежде всего ее засекреченность, доходящая до того, что спустя много десятилетий ни один из ее участников не разгласил ни тайны ее состава, ни тайны ее деятельности. Другой отличительной чертой этой политической организации является пестрота, разномастность, разношерстность деятелей, которых она объединяла — людей, принадлежащих к разным, подчас враждующим между собой партиям и группам, но стремящихся несомненно создать активный политический центр не межпартийного, а надпартийного характера.

Таковы были русские масоны, члены последней по времени — до октябрьского переворота — масонской организации, сведения о которой могут быть собраны не без труда из раз-

ных рассеянных то тут, то там фактов или намеков. Достаточно привести десяток имен известных русских политиков и общественных деятелей, принадлежащих к масонской элите, чтобы подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело не только с существенным фактором русской политики указанного времени, но и с редким феноменом, мимо которого, однако, прошли почти все историки эпохи, и о котором ничего не знает, кроме вызывающих скепсис слухов, рядовой читатель.

Вот несколько имен из списка масонской элиты, которые на первый взгляд кажутся совершенно не укладывающимися в одну организацию, на деле, однако, тесно связанных между собой на политическом поприще: князь Г. Е. Львов и А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и Н. С. Чхеидзе, В. А. Маклаков и Е. Д. Кускова, великий князь Николай Михайлович и Н. Д. Соколов, А. И. Коновалов и А. Я. Браудо, М. И. Терещенко и С. Н. Прокопович. Что поражает в этом списке, это буквально людская смесь, в которой так неожиданно сочетаются социалисты разных мастей с миллионерами, представители радикальной и либеральной оппозиции с лицами, занимавшими видные посты на бюрократической лестнице — вплоть до ... бывшего директора Департамента полиции. Что за странное явление, особенно непривычное в русской общественной жизни, для которой всегда были характерны полярность воззрений, сектантское начало во взаимоотношениях, взаимные отталкивания!

Неудивительно, что многие, краем уха слышавшие о масонах, берут под сомнение самый факт их существования, во всяком случае не без недоумения встречают сообщения об их роли. Как? Масоны? — говорят они. Мы знаем в годы первой мировой войны о распутинской клике, имевшей связи при царском дворе, мы слышали о великих князьях и генералах, пытавшихся уговорить двор пойти на компромисс с Государственной думой. Широко известно было о политических домогательствах кадет, о выступлениях трудовиков и социал-демократов. В газетах мелькали имена ведущих русских политиков: А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова. Но о масонах ничего не приходилось ни слышать, ни читать. Может быть, только о ... «жидомасонах», об этой фантазмагории, сочиняе-

мой в черносотенной печати и в тайной полиции, над которой принято было смеяться*.

Для того, чтобы никому не было обидно, что он что-то важное упустил, чего-то существенного не заметил в русской политике, стоит привести успокоительное сообщение, что мы все, ничего не знавшие в свое время о политическом масонстве, находимся не в плохой компании: П. Н. Милюков в своих воспоминаниях, написанных в начале 40-х годов и изданных в 1955 г., сознается, что он ничего не знал о масонах. Касаясь ряда явлений этого порядка, он не решается и сейчас называть это масонством и прибегает к довольно странным, окольным определениям: «Если я не говорю здесь ясно, — пишет он, — то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства» (т. 2, стр. 333). Иными словами, такой осведомленный человек, как Милюков, стоявший в самом пекле политической и общественной жизни России, даже не догадывался о деятельности и роли масонов, и только случайно, только много позже февральской революции узнал об этом. Так основательно была, по-видимому, засекречена, законспирирована деятельность масонов! Так тщательно скрывали они факт своего существования и так усердно прятали концы в воду!

Надо сознаться, что читатели мемуаров Милюкова не без удивления отметили его странную манеру выражаться, ни разу не упоминая имени масонов и ограничиваясь какими-то намеками. Это тем более необъяснимо, что задолго до второй мировой войны в печати говорилось о масонах, назывались

* Вот образец трактовки этого вопроса черносотенным «Русским знаменем»: «Человечеству угрожает новая опасность... международный жидовский санкедрин, существующий до сих пор только тайно, превращается в явное и весьма признанное учреждение, которое будет первым шагом на пути жидовского всемирного господства, первым признанием всеми государствами высшей власти жиидовства... Страшные сказки воочию осуществляются жидомасонством, идущим твердо и неуклонно к тысячелетней своей цели, то есть к превращению всех народов в полных и покорных рабов народа богоубийц и сумасшедших преступников.» (Цитата взята из книги П. Е. Щеголева «Охранники и авантюристы», М. 1930.)

многие имена. Милюкову, несомненно, была известна работа С. П. Мельгунова, печатавшаяся отдельными главами в газетах и вышедшая в 1931 г. отдельной книгой («На путях к государственному перевороту»), в которой немало говорится о масонах. Он знал и мемуары И. Гессена «В двух веках», вышедшие в 1937 г., в которых дан конкретный материал о масонах. Сами масоны, говорят, связанные клятвой, молчат, но почему Милюков чувствует себя связанным в этой области — непостижимо.

2. Из истории масонства.

Прежде чем перейти непосредственно к интересующей нас теме о масонах в первую мировую войну и февральскую революцию, будет уместно коснуться вопроса о русском масонстве в 20 веке вообще. Правда, заметной политической роли оно не играло, хотя вполне возможно, что масоны пытались организовать какие-то кадры политической оппозиции. Это было так понятно в России, только что пережившей бурную эпоху 1905 года и первых двух Государственных дум. Характерной чертой русского масонства тех лет был, по-видимому, факт связанности его с французскими масонскими ложами. Русские масоны как бы светили заемным светом с Запада. Так, по данным, опубликованным в печати (особенно Мельгуновым и некоторыми другими), в Москве в годы 1906–1911 существовала ложа «Астрея», связанная с именем психиатра Н. Н. Баженова, а в Петербурге — «Северная звезда», возглавлявшаяся «оратором» М. С. Маргулиесом и «секретарем», кн. Д. Бебутовым. По тем же данным, в Петербурге существовала ложа «Космос», в которую вошли — возможно, еще во Франции — профессора Русской высшей школы в Париже 1906–07 гг. Максим Ковалевский, Е. Вл. де Роберти, Е. Аничков, Ю. Гамбаров. Среди масонов этой французской школы называли также Вырубова, Кедрина, Амфитеатрова. Об участии В. А. Маклакова уже в этот ранний период в масонском движении мы время от времени наталкиваемся в печати. Так, например, А. Тыркова-Вильямс («На путях к свободе») описывает свою встречу с Маклаковым в Париже в 1905 г.: «Маклаков в первый раз меня видел. Но это не по-

мешало ему как-то незаметно сделать масонский знак. В Париже я смутно слышала, что проф. М. Ковалевский открыл в Париже русскую ложу. В нее вошли многие мои знакомые, включая Е. И. Аничкова» (стр. 200).

Это происходило за границей. Но вот И. В. Гессен, касаясь этого вопроса, приводит некоторый материал уже о *русском* масонстве. «Насколько мне известно, — пишет он, — М. М. Ковалевский был родоначальником русского масонства конца прежнего века. Русская ложа, отделение французской „Ложи Востока“, была им торжественно, по всем правилам обрядности, открыта, а через несколько лет, в виду появившихся в „Новом времени“ разоблачений, была — за нарушение тайны — усыплена надолго и вновь воскресла уже в нынешнем веке... Замечательной для России особенностью было, что ложа включала элементы самые разнообразные — тут были и эсеры (Керенский), и кадеты левые (Некрасов), к правые (Маклаков), которые в партии друг друга чуждались, и миллионеры купцы и аристократы (Терещенко, граф Орлов-Давыдов), и даже члены ЦК эсдеков (Гальперн), которые открыто ни в какое соприкосновение с другими организациями не входили» (стр. 216-217).

Последняя часть цитаты из воспоминаний Гессена подводит нас ближе к участию масонов в русской политике в 1915-17 гг. Между тем есть кое-какие упоминания о масонах более раннего периода, представляющие некоторый интерес. Так, заслуживает внимания — под углом зрения изучения масонства — известный эпизод с разоблачением главы эсеровской Боевой организации Азефа, провокаторскую роль которого раскрыл не кто иной, как бывший директор Департамента полиции Лопухин, сосланный за это по приговору суда в Сибирь. Есть книжка, посвященная Александру И. Браудо, вышедшая в Париже в 1937 году, в которой ряд русских политических деятелей посвятил статьи ему, как общественному и культурному деятелю. В этой книге напечатаны статьи В. Бурцева и А. Аргунова, устанавливающие место А. И. Браудо в деле разоблачения предательской роли Азефа. Оказывается, что А. Аргунов, прибывший в Петербург нелегально по поручению заседавшего в Париже суда над Азефом, и имевший поручение лично получить подтверждение из уст Лопухина, б. директора Департамента полиции, о роли Азе-

фа, благодаря А. И. Браудо мог встретиться с Лопухиным на частной квартире адвоката Е. С. Кальмановича, и б. директор Департамента полиции сообщил делегату ЦК эсеров все нужные ему сведения.

Как мог А. И. Браудо, сотрудник Публичной библиотеки, еврейский общественный деятель, устроить эту встречу? Только по масонской линии. Как мог решиться Лопухин пойти на свидание к Кальмановичу с делегатом ЦК эсеров? Только по масонской линии. Как мог Лопухин выдать эсерам государственную тайну о провокаторской роли Азефа? Конечно, только по масонской линии. И хотя в упоминаемых эпизодах масоны ни разу не называются, совершенно очевидно, что Лопухин и Браудо были связаны по линии масонства. Иначе даже нельзя понять этот эпизод, в котором скромный общественник — еврей Браудо — мог располагать непосредственным контактом с главой политической полиции. (См. Александр Исаевич Браудо. Сборник очерков и воспоминаний, стр. 93-101).

3. Тайная полиция и масоны.

Нет сомнений, что задолго до первой мировой войны политическая полиция время от времени проводила наблюдения за масонами. Результатом этих наблюдений явились статьи и заметки пресловутого Манасевича-Мануйлова («Маски» в «Новом времени»), конечно, о «жидомасонах» на основании сведений, почерпнутых им в недрах охранки. О возникающем порой интересе к масонам даже у царя рассказывал генерал Герасимов, начальник Петербургского охранного отделения.

Для установления связи между русскими и французскими масонами был послан в 1910 г. Департаментом полиции в Париж коллежский ассесор Алексеев, донесение которого, кстати, дает возможность установить, что ген. Курлов и некоторые другие лица пытались (правда, неубедительно) через своих агентов записать убийство П. А. Столыпина в 1911 г. за счет масонов, якобы заинтересованных в его устранении. Красочное донесение Алексеева стоит частично процитировать, чтобы ближе познакомиться с нравами охранки и, в

частности, с той информацией, которая была представлена царю. Вот что доносит Алексеев генералу Курлову:

«От лиц, стоящих близко к здешним масонским кружкам, удалось услышать, что покушение на г. председателя Совета министров находится в некоторой связи с планами масонских руководителей... Уже с некоторых пор к г. председателю Совета министров делались осторожные, замаскированные подходы, имеющие склонить его высокопревосходительство на сторону могучего сообщества. Само собой разумеется, попытки эти проводились с присущей масонству таинственностью и не могли возбудить со стороны г. председателя никаких подозрений... Масоны повели атаку и на другой фронт, стараясь заручиться поддержкой какого-либо крупного сановного лица. Таким лицом, говорят, оказался П. Н. Дурново, который сделался будто бы их покровителем в России, быть может, имея на это свои цели. Когда масоны убедились, что у них есть такая заручка, они уже начали смотреть на председателя Совета министров как на лицо, могущее им служить скорее препятствием... Масоны были обеспокоены тем обстоятельством, что у власти стоял г. председатель Совета министров. В печати проскользнула однажды статья, заявляющая, что его высокопревосходительство находится „под влиянием масонов, действующих на него через его брата А. Столыпина”. („Гроза”, № 153 и „Русская правда”, № 13)... За границей же на премьер-министра смотрят, как на лицо, которое не пожелает принести масонству ни пользу, ни вред. Это последнее убеждение... побудило руководителей масонства притти к заключению, что г. председатель Совета министров является для союза лицом „бесполезным”, и следовательно, в настоящее время, когда масонство собирается нажать в России все свои пружины — даже вредным для целей масонства... Масоны ожидали в июле месяце каких-то событий. Тайные парижские руководители не сообщали о том, в каком именно виде события эти выльются, и только теперь по совершении факта, здешние масоны припоминают о каких-то слабых намеках на г. председателя Совета министров, политикой которого верховный масонский совет был недоволен. Говорят, что руководители масонства... подтолкнули исполнение того плана, который был только в зародыше. Чисто „техническая” сторона преступления и кое-

какие детали обстановки, при которой возможно было совершить покушение, была подготовлена через масонов... При теперешней постановке этого дела (охраны) покушение возможно лишь при посредстве масонских сил... без помощи которых ни один революционный комитет не сможет ничего привести в исполнение».

Этот пространный документ, извлечения из которого мы цитируем по книге П. Щеголева «Охранники и авантюристы» (М., 1930), не имел, конечно, прямого отношения к масонам, но он проливает свет на попытки Департамента полиции по свежим следам убийства П. А. Столыпина направить внимание влиятельных кругов и царя на масонский след, якобы причастный к этому убийству, и тем отвести усиленно циркулировавшие слухи о прямой ответственности ген. Курлова, на которого молва указывала пальцем, который был предан суду, отмененному по личному приказу царя.

Мы указывали на тщательную засекреченность масонского движения в России, особенно в период, когда масоны стали активизировать свою деятельность. Но, конечно, трудно было предполагать, что для Департамента полиции эта деятельность оставалась тайной. На деле оказалось, что среди русских масонов действовало полицейской око.

А. Тыркова-Вильямс в своих воспоминаниях довольно подробно характеризует кн. Бебутова, кадета и масона, освещавшего деятельность и тех, и других по поручению тайной полиции. «Когда весной 1906 г., — пишет Тыркова, — понадобились деньги на устройство клуба, Бебутов привез Петрункевичу 10 тысяч рублей. Как выяснилось после революции, деньги дала охранка, чтобы ввести Бебутова в кадетские верхи». Он издал по-русски за границей сборник «Последний самодержец» (это было, примерно, в 1910 г.) и ему удалось ввести и распространить его в России, вероятно, тоже при содействии охранки (Стр. 398 и др.).

Бебутов играл своеобразную роль в русской общественной жизни вообще. Пишущему эти строки известно, что он основал довольно обширную русскую библиотеку в Берлине, которую передал на хранение правлению германской социал-демократической партии по договору, подписанному А. Бебелем, Германом Мюллером и др. в 1911 г. о том, чтобы библиотека после освобождения России была передана русским

социал-демократам, но при условии, если большевики объединятся с меньшевиками в одной партии. Бебутов был уполномоченным графа Орлова-Давыдова, члена Государственной думы и масона, в своем дворце — по сообщению Мельгунова — собирающего заседания военной масонской ложи. На средства Орлова организован был в Берлине Комитет по оказанию помощи русским, находившимся там во время первой мировой войны. Словом, это была пестрая и даже загадочная фигура.

В февральскую революцию, когда обнаружилась его связь с департаментом полиции, по требованию известных адвокатов Зарудного и Соколова, он был подвергнут домашнему аресту (один из масонов, Маргулиес, считал недоказанной его службу в охранке, хотя Бебутов не отрицал, что он не то информировался, не то информировал Манасевича-Мануйлова). В. Л. Бурцев, со своей стороны, считал Бебутова немецким агентом, что недавно получило подтверждение в вышедших в Англии документах из архива немецкого министерства иностранных дел: «Germany and the Revolution in Russia 1915-1918» Edited by. Z. A. B. Zeman. London, 1958.

4. Ритуал. Политический смысл масонства.

Да будет позволено здесь в порядке личного отступления дать пишущему эти строки свидетельское показание об одной провинциальной ложе масонов, рассказ о которой мне привелось слышать осенью 1918 года на нарах большевицкой тюрьмы от приятеля, почему-то решившегося нарушить тайну и исповедоваться. Для меня этот рассказ прозвучал фантастически.

«Помните, — рассказывал он, — как в 1915 г. к нам приезжал по дороге на фронт член Государственной думы Колюбакин. Он уж оттуда не вернулся — кажется, пал жертвой несчастного случая. Провел он у нас два дня, и за это время основал у нас масонскую ложу.»

— Я не был приглашен на заседание и в ложу не вошел, — продолжал мой сосед по нарам, — довольно скоро после того к нам приехал другой член Государственной думы, К., с которым я был знаком с 1913 г. Вот тогда я был приглашен на

собрание, и К. был, тот, кто вводил меня в ложу. Я был к этому подготовлен. Один из друзей, обычный участник наших политических совещаний тех лет, запрашивал меня предварительно, согласен ли я вступить в ложу масонов. Не помню, какие мотивы он приводил. Он только, во-первых, требовал от меня обещания держать в секрете весь разговор, и во-вторых, спросил, готов ли я всем пожертвовать, вплоть до самой жизни, в борьбе за истину и свободу. Когда я дал ему положительный ответ, о сообщил мне о предстоящей встрече с К.

— К. принял меня в кабинете хозяина квартиры, служившей местом наших обычных политических совещаний. Меня удивил прежде всего ритуал приема в ложу. Я читал об этом и думал, что ритуал давно отменен. К. повязал мне глаза, поставил мне ряд вопросов (содержания их не помню), прочел формулу присяги, в которой были сакраментальные слова о готовности отдать жизнь за истину и свободу, — и я вслед за ним повторил эту формулу. По окончании присяги он вручил мне перчатки в знак посвящения, поцеловал меня и за руку ввел в другую комнату. Тут сняли повязку с моих глаз, и я увидел десяток своих старых знакомых, местных деятелей, ранее уже приведенных в ложу. Мне было не по себе, когда эти люди, которых я обычно называл по имени-отчеству, величая меня «братом», говорили мне «ты», целовали и поздравляли с посвящением в ложу.

— Спустя некоторое время, — закончил мой сосед по нарам, — стали появляться другие люди, не состоявшие членами ложи, пришли и вы, открылось наше обычное политическое совещание: доклад прибывшего из Петербурга депутата на актуальные темы и оживленная дискуссия, в которой приняли участие присутствовавшие в качестве представителей той или другой партии или политической группировки.

Под впечатлением этого рассказа и некоторой другой информации не раз я задумывался над политическим смыслом существования масонских лож. В основе их деятельности лежал принцип объединения, принцип коалиции разнопартийных сил. Но наши политические совещания, по общему решению, строились на этом принципе, который и немасонами также разделялся. В России в годы первой мировой войны влияние партий (не только в массах, но и среди интеллиген-

ции) было невелико, их авторитет довольно-таки поблек, почему созыв коалиционных совещаний не встречал ни с какой стороны возражений. Не случайно даже немногие большевики, действовавшие в Петрограде или Москве, не говоря уже об эсерах или меньшевиках, охотно являлись на пестрые совещания до революции у Коновалова, Горького, Кусковой.

В 1915-16 гг. все в России предчувствовали приближение великих канунов грядущих исторических событий. Редко произносилось слово революция. Ее призрака во время войны боялись, да кроме того среди либеральных и радикальных политиков преобладали оптимисты, весьма прекраснодушно смотревшие вперед и в душе, не смотря ни на что, надеявшиеся на «эволюцию». Двор и партия оголтелой реакции были изолированы в стране. В бюрократической твердыне были пробиты крупные бреши. Каждый офицер, кружок, каждая редакция либеральной газеты представляли собой очаг недовольства и требовали перемен. В этих условиях масоны, как политически беспартийная организация, абсолютно ничем не отличались от других.

Единственное, может быть, что в глазах масонов оправдывало их существование, это засекреченность организации, которая была продиктована, по-видимому, своеобразной философией масонов, «теорией элиты», которую они разделяли, воззрениями, в которых, если угодно, даже были элементы вождизма. В обоснование этой теории был положен довольно верный факт низкого уровня политической культуры в России, молодость, слабая организованность и незрелость политических партий.

Но вот с наступлением февральской революции, казалось бы, должно было прекратиться засекреченное существование конспиративных кружков. Создавалась обстановка, при которой на политической арене действуют открыто, под контролем общественного мнения легальные политические партии, со своими ЦК, с ежедневной печатью, со своими фракциями и представительством в муниципалитетах и земствах, в органах революционного самоуправления, таких как Советы, наконец, во Временном правительстве и во всех созываемых им совещаниях или учреждениях со всеми их исполнительными органами. Зачем же и в этой обстановке сохранили свое существование масоны?

Естественно возникает у немасонов вопрос: почему в 1917 г. сохраняли масоны свои конспиративные кружки при свете дня — как это было во мраке ночи? Неужели они видели корректив к слабостям и недостаткам русской политики в том, чтобы закулисная и не носившая никакой ответственности «элита» взяла на свою совесть судьбы страны и революции и в своих засекреченных кружках решала и вязала все трудные вопросы о войне и мире, о власти и анархии, о корниловщине, о большевизме. Вопрос этот не лишен значения в историческом и политическом разрезе. И теперь, когда все тайное постепенно становится явным, особенно остро этот вопрос задевает и волнует русских политиков, которые не принадлежали к масонским кружкам, но бесспорно играли роль в русской политике в эпоху первой мировой войны и февральской революции.

И если мы начали изложение — для конкретности — со списка деятелей, вошедших в русскую политику с позиций масонства, то, пожалуй, будет уместно привести перечень русских деятелей разных партий, которые никогда не были масонами. А ведь удельный вес их в русской жизни был не мал! Достаточно назвать П. Н. Милюкова, И. И. Петрункевича, В. Д. Набокова, М. М. Винавера, П. Б. Струве, Ф. И. Родичева, И. В. Гессена из кадет, Г. В. Плеханова, А. Н. Потресова, И. Г. Церетели, Ф. Д. Дана, Ю. О. Мартова, из меньшевиков, В. М. Чернова, А. Р. Гоца — эсеров, С. П. Мельгунова, Л. М. Брамсона, В. Мякотина — из народных социалистов, чтобы понять, какой фактический раскол вносили масоны в русскую политику, во все партии, в эпоху войны и в февральскую революцию.

5. Дворцовый переворот и массы.

Возрождение и активизация новейшего масонства относится, по-видимому, к 1915 году, когда все политические противоречия старого режима, особенно в связи с войной, военными поражениями и экономической разрухой, достигли большого напряжения. Пользуясь работой С. П. Мельгунова, в которой собрано много данных об общественных настроениях этого времени, о планах, возникших в разных кругах,

управшихся на первых порах не столько в революцию, сколько в идею государственного переворота путем дворцового заговора, можно установить, что работа масонов шла двумя каналами, не всегда соприкасавшимися между собой, хотя, может быть, имевшими общее, разумеется тайное, руководство. Один из каналов шел в направлении объединения элементов, могущих совершать самый «акт», поддерживавших связи в дворцовых кругах и контакты с военными (гвардия, генералы), другой канал связывал общественные круги, проникал в Государственную думу, оказывая воздействие на печать.

Хотелось бы тут подчеркнуть, что несмотря на разнокалиберность и разнопартийность составов масонских лож, и даже несмотря на то, что многие масоны были в рядах противников или критиков Прогрессивного блока, сумевшего под руководством П. Н. Милюкова пробить существенную брешь в цитадели бюрократии, вплоть до министров и великих князей, в общем масонов, как и Прогрессивный блок, характеризовали стремление не доводить неизбежно нарастающего политического кризиса до революции во время войны. Так или иначе, между этими обоими каналами общественного недовольства масонство пыталось действовать в качестве «связующего звена», пыталось стать «закулисной дирижерской палочкой», чтобы «управлять событиями».

С. П. Мельгунов считает, что в основную головку политического масонства входила тройка, состоящая из следующих лиц: Н. В. Некрасова, А. Ф. Керенского, и М. И. Терещенко. Эта тройка в 1916 году, по его данным, превращается в пятерку, к указанным лицам прибавляются А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов. На основании воспоминаний, вышедших на французском языке, Мельгунов рассказывает еще об одном кружке масонов, «левом центре», в Государственной думе, в составе четверки: Керенский и Чхеидзе от трудовиков и социал-демократов (меньшевиков) и Некрасов и Коллюбакин — от левых кадет.

Но ни думская четверка, ни центральная пятерка, по видимому, не играли той руководящей роли, какую играло основное ядро, первоначальная тройка: Некрасов, Керенский, Терещенко. Насколько можно судить, функции между членами этой тройки распределялись таким образом: в то

время как Некрасов держал связь с либеральными кругами, земцами, членами Государственной думы, Керенский обрабатывал и втягивал в сферу масонского влияния радикалов и социалистов разных мастей, Терещенко вел работу среди военных. Во всяком случае к кружку А. И. Гучкова, о котором было рассеяно столько слухов и с которым молва в первую очередь связывала всякие планы о дворцовом перевороте, о пронунциаменто, Терещенко имел непосредственное отношение. Если прибавить к этой тройке А. И. Коновалова и (уже значительно менее известного) прогрессиста из Государственной думы И. Н. Ефремова, влиятельных в торгово-промышленных кругах, то мы получим, что все нити возможных перемен в политическом режиме России, во всяком случае по масонской линии, были сосредоточены в руках пятерки.

Вопрос об отстранении царя и царицы возникал не раз в течение войны. Князь Г. Е. Львов на совещании земских и городских деятелей, среди которых известны имена Н. И. Астрова, А. И. Коновалова, В. А. Федорова, М. В. Челнокова, С. А. Смирнова, Н. М. Кишкина, И. П. Демидова и др. — неоднократно, исходя из чисто патриотических побуждений, восклицал: «С таким царем победить немцев нельзя!». В этих же кругах окрепла мысль о необходимости во всяком случае отстранить императрицу, «немку», ставшую особенно опасной под влиянием Распутина, в период, когда на фронте и даже в ставке заговорили об «измене». Шедшая по рукам переписка между Гучковым и генералом Алексеевым подливала масла в огонь, а ноябрьские речи 1916 года в Государственной думе Милюкова, Шульгина и др., вымаранные цензурой, имели оглушительный успех и вызывали самый широкий резонанс в стране и особенно среди военных. Мельгунов отмечает в упомянутой своей книге, как ген. Алексеев постепенно втягивался в конспирацию, и приводит запись, сделанную М. Лемке в ставке еще 9 ноября 1915 года: «Между Гучковым, Крымовым, Коноваловым, Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кое-кто» (См. стр. 143-164, 165-179, 180-198).

Кто только тогда ни говорил о дворцовом заговоре, о планах отстранения царя! Кулуары всяких съездов, не меньше чем кулуары Государственной думы, были полны разнооб-

разных слухов этого рода. Известно было о совещании великих князей (их собралось 16) с целью побудить Николая Второго решительно переменить политику, об интервенции великого князя Николая Михайловича в этом направлении. Мемуаристы рассказывают о миссии тифлисского городского головы Хатисова, беседовавшего с великим князем Николаем Николаевичем о необходимости низвержения царя. А Родзянко передает, что великая княгиня Мария Николаевна столь откровенно в беседе с ним высказалась по этому вопросу, что он просил считать этот разговор «несуществующим».

Среди планов заговора того времени существовал так называемый морской план, о котором сообщил впоследствии Шульгин: предполагалось пригласить царицу на броненосец и увезти ее в Англию. Возможно, что заодно намечалось увезти туда и царя. Вообще мысль у потенциальных заговорщиков не останавливалась перед далеко идущими выводами, и вопрос об изоляции царя от царицы перерастал в вопрос о добровольном и принудительном отречении императора. Тень Павла Первого вставала над тронном Николая Второго, и в случае дворцового переворота, судя по намекам, дело могло закончиться царевубийством.

С. П. Мельгунов, пытавшийся докопаться до сути, пришел к выводу, что кроме такого рода разговоров, были и люди, непосредственно причастные к заговору. Воспоминания А. И. Гучкова, частично опубликованные незадолго до второй мировой войны, хотя и не дают оснований считать, что он сам был масоном, но допускают возможность того, что примерно к ноябрю 1916 года существовала находившаяся в прямой связи с масонским центром тройка в составе Гучкова, Некрасова и Терещенко — два последних, как выше указано, были руководящими членами масонской организации. При этом можно считать установленным, что один из них, Терещенко, был связан с кружком, в который входили тот же А. И. Гучков, ген. Крымов, и князь Д. Вяземский — кружком, откуда мог выйти непосредственный исполнитель.

Как известно, с заговором, с планом дворцового переворота в разных его вариантах, опоздали. Он намечался, по разным сведениям, после убийства Распутина, на январь или февраль 1917 года. Но, по-видимому, уже шла скачка на приз, кто придет раньше к финишу: дворцовый переворот,

который должен был предотвратить революцию, или революция. В этом историческом поединке заговорщики опоздали, и пришла революция. Одна из задач масонства, упиравшаяся в идею заговора, таким образом не получила своего выполнения.

Биографии почти всех промелькнувших здесь деятелей масонства широко известны. Стоит только напомнить о двух лицах, входивших в кружок заговорщиков: ген. Крымова и князя Д. Вяземского. Последний погиб 2 марта 1917 года от шальной пули, попавшей в его автомобиль во время объезда казарм вместе с А. И. Гучковым. Что касается ген. Крымова, то он ранней осенью 1917 г. примкнул к выступлению Корнилова и после неудачи его покончил самоубийством.

б. Временное правительство и масоны.

О деятельности масонов по общественно-политической линии до сих пор ничего неизвестно. Вполне возможно, что они сами (и их деятельность) растворились в бурном море политической активности, которую в эти годы представляла собой Россия, особенно в ее интеллигентской части, и очень трудно будет будущему историку установить, что именно специфически-масонского было внесено в оживленную работу Земского и Городского союзов, Военно-промышленного комитета, в Государственную думу и в Особые совещания при Думе, которые привлекали к себе общественное внимание. В конце концов, цели масонов совпадали с целями политических деятелей немасонов, да и методы работы были те же, если не считать конспиративности организации, созданной масонами. Чем, в самом деле, отличалась в период существования Прогрессивного блока деятельность немасона П. Н. Милюкова от деятельности масона В. А. Маклакова? Или деятельность С. П. Мельгунова от деятельности Е. Д. Кусковой? Или А. Ф. Керенского — от А. Н. Потресова?

Насколько можно судить по мемуарам, один из вопросов, которым масоны особенно интересовались, был вопрос о составе будущего правительства — министерства доверия или ответственного министерства. С. П. Мельгунов приводит в своей книге «На пути к дворцовому перевороту» (стр. 170-172) лич-

ное письмо Е. Д. Кусковой, в котором она рассказывает, как 6 апреля 1916 года в ее квартире в Москве было созвано совещание представителей разных партий, которое занималось составлением списка членов будущего правительства России — за год до революции, причем в этот список вошли почти все имена, составившие в 1917 г. Временное правительство. Но дело-то в том, что списки, подобные Кусковскому, в те годы циркулировали повсюду, ибо все это были депутаты и лица очень популярные в России — ничего не было легче, чем такой список составить. Тем более, как пишет Кускова, при составлении списка «вращались в пределах кадетов и октябристов. О Керенском тогда никто и не вспомнил», как не вспомнили о Чхеидзе, Скобелеве, Гвоздеве, хотя на собрании были и социалисты. Возможно, что о социалистах не говорили, потому что считалось, что социалисты, особенно социал-демократы, не войдут в коалиционное, с преобладанием буржуазных элементов, правительство. С некоторой натяжкой можно допустить, что собрание у Кусковой состоялось по масонской линии. Это было «собрание из всех партий», причем не из представителей, а персонально приглашенных.

Но, как не без иронии заключает Мельгунов, «предусмотрительные люди», заготовлявшие впрок правительство, были повсюду, и «политические лаборатории» функционировали в разных окружениях. Милюков в своих мемуарах приводит список членов будущего правительства, составленный на квартире П. Рябушинского еще 13 августа 1915 года. (Алданов пишет, что в 1916 г. в кабинете кн. Г. Е. Львова в гостинице «Франция» был составлен список членов будущего Временного правительства февральской революции (за исключением Керенского): в нем фигурировали Милюков, Гучков, Львов, Набоков, Шингарев, Маклаков, Коновалов и др. Если попытаться понять роль масонов в этот период канунов февраля, то надо притти к заключению, что они склонны были держаться в тени, и главные их фигуры еще не выдвигались как претенденты на власть: Керенский, Некрасов, Терещенко. Их час наступил с первыми трубными звуками февральской революции.

Когда пришла февральская революция, Комитет Государственной думы вместе с «контактной комиссией» совета рабочих и солдатских депутатов в ночь на 3 марта выработал

список членов Временного правительства, и П. Н. Милюков ночью выступил в Таврическом дворце перед народом на митинге, представляя первых министров революции. Его положение оказалось нелегким. «Всего труднее, — пишет Милюков в своих мемуарах, — было рекомендовать никому не известного новичка в нашей среде, Терещенко, единственно-го среди нас „министра-капиталиста“. В каком „списке“ он „въехал“ в министерство финансов? Я не знал тогда, что источник был тот же самый, из которого был навязан Керенский, откуда исходил республиканизм нашего (т. е. кадетского) Некрасова и Ефремова. Об этом источнике я узнал гораздо позднее» (стр. 311, 312).

И. В. Гессен освещает этот вопрос в своих мемуарах более подробно, припоминая свои тогдашние беседы с Милюковым. «По-видимому, — пишет он, — масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства. Недоуменно я спрашивал Милюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того не известный чиновник при императорских театрах, сын миллионера, да притом еще на посту министра финансов, на который считал себя предназначенным Шингарев, смертельно предпочтением Терещенко обиженный. Милюков отвечал: „Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с юга России“. И потом эта видная фигура вытеснила Милюкова и сама заняла его место министра иностранных дел. Когда это случилось, Милюков говорил: „При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы более на месте“. Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенко так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству» (стр. 216-217).

Во Временном правительстве февральской революции, как мы знаем, исключительная роль выпала на первых порах на долю князя Львова, а затем Керенского. Некрасов и некоторые другие тесные единомышленники его составляли бесшумное основное ядро. Если до революции роль масонского руководства была завуалирована, то в февральскую революцию в правительстве члены этого руководства под другими

личинами или в персональном плане заняли весь фасад. Милюков уделил в своих воспоминаниях немало места и много желчи для характеристики курса Временного правительства.

«Когда дело дошло до моего ухода из правительства, — пишет Милюков, — именно Керенский в заседании правительства предоставил себе удовольствие объявить мне, что „семь членов правительства“ решили ... переместить меня в министерство народного просвещения». (неприемлемое для Милюкова). «Кто были эти „семеро“? Конечно, прежде всего „триумvirат“ из Керенского, Некрасова, Терещенко. Затем два правых — Влад. Львов и Годнев. Кто же были остальные двое? А. И. Коновалов, личный и политический друг Керенского, и князь Львов» (стр. 329-330).

И Милюков обобщает наблюдения, сделанные им в правительстве:

«Я хотел бы подчеркнуть еще раз связь между Керенским и Некрасовым и двумя названными министрами — Терещенко Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо того они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех» (стр. 332-333).

Как мы уже выше указали, Милюков, в силу разных соображений, не хочет называть кошку — кошкой, а масонов — масонами, и ограничивается как говорят, прозрачными намеками, но и их вполне достаточно, чтобы получить представление о месте и влиянии масонов в февральской революции и в событиях 1917 года.

Стоило бы остановиться еще на одном моменте, поговорить о нитях, связывающих в этот период русских масонов с французскими. Ведь Франция, можно сказать, это прародина русского политического масонства. К сожалению, по литературе трудно проследить эту сторону вопроса. Однако, самый факт взаимовлияния довольно бесспорно вытекает из

ссылок того же Милюкова на соглашения Керенского с Альбертом Тома, эмиссаром Франции, которые имели значение и в вопросе коалиционного правительства и о направлении внешней политики (стр. 354, 374).

Не будем здесь углублять анализ деятельности конспиративного кружка масонов и их руководящей элиты в февральской революции. Мы знаем, что имена кн. Львова, Керенского, Некрасова, Коновалова, Авксентьева, Чхеидзе и других носили самые ответственные деятели этой эпохи. Мы можем только ограничиваться недоумением: как это могло случиться, что после жестокого поражения, которое потерпела русская демократия, масоны не сочли нужным поделиться своей, масонской, интерпретацией событий и объяснить, что дало им право моральное и формальное ставить перед совершившимися фактами общественное мнение?..

7. Большевики и масоны.

В сумме вопросов и загадок, связанных с масонским движением, некоторый интерес представляет собой вопрос: были ли масоны среди большевиков? На этот вопрос следует ответить положительно. Среди большевиков, как и среди социалистов других толков, были масоны. Об эсерах-масонах свидетельствует факт видного участия Керенского в масонском движении. Из меньшевиков-масонов названы имена Чхеидзе, Гальперна. Между прочим, И. В. Гессен именует А. Я. Гальперна членом ЦК эсдеков, что неверно, ибо Гальперн был членом партии, но никогда не входил ни в какое руководящее партийное учреждение. В порядке восстановления истины отметим здесь, что Милюков, в своих воспоминаниях говоря о совещаниях у Кусковой, где составляли правительство, упоминает среди присутствовавших двух социал-демократов, и обоих относит к большевикам. В отношении Эм. Л. Гуревича-Смирнова, это абсолютно неверно, ибо он всегда был меньшевиком довольно правого, ревизионного толка, участник всяких общественных и газетных начинаний Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича, и Милюков только по необъяснимому недоразумению приписал его к большевикам.

Что касается подхода большевиков к масонскому движению, то об этом очень трудно сказать что-нибудь определенное. В советской литературе, исторической или мемуарной, редко можно встретить упоминание о масонах. Разумеется, никакой попытки осветить это явление и внести в него новые данные, там не сделано. Любопытный образчик того, что допущено в этой области, представляет собой следующих отрывок из мемуаров Андрея Белого «Между двух революций» (Москва, 1934, стр. 316), который также характерен для всего облика этого сумбурно-пламенного поэта, в последний период своей жизни подыгрывавшего коммунистам своими анти-капиталистическими настроениями. Вот цитата из Белого о русских масонах, в которой собран подлинный букет и неосведомленности, и злобы.

«Есть еще, стало быть, что-то присевшее за капитализмом, что ему придает такой демонский облик; мысль о тайных организациях во мне оживала; об организациях каких-то капиталистов, вооруженных особой мощью, неведомой прочим; заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; будучи в целом неправ, кое в чем был я прав; но попробуй заговорить в те годы о масонстве, как темной силе, с кадетами? В лучшем случае получил бы я дурака: какие такие масоны? Их нет. В худшем случае меня заподозрили бы в бреде Шмакова. Теперь, из 1933 года, все знают: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов, мрачивший Москву арлекинадой „Кружка“, то есть люди, с которыми мне приходилось встречаться тогда или позднее, оказались реальными деятелями этих моих бредней, хотя, вероятно, играли в них жалкую, пассивную роль. Теперь обнаружено документально: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне...»

Цитату продолжать не стоит. Нужно только подчеркнуть, что замечания Андрея Белого, будто к 1933 году «обнаружены документы», по меньшей мере, преувеличено. Никаких документов большевики не опубликовали, и, разумеется, меньше всего данных об участии большевиков в русских ложах.

Впрочем, из того, что известно до сих пор, можно с определенностью утверждать, что известный адвокат Н. Д. Соколов, всегда тяготевший к большевикам и находившийся с

ними в связи, был масоном. Можно предполагать, что участник совещания Кусковой по составлению Временного правительства, названный в воспоминаниях Милюкова И. И. Степанов-Скворцов, старый большевик, никогда не изменивший Ленину, был также масоном. И тут, в сущности, следует поставить точку, ибо слухи о масонстве некоторых большевиков относятся не к русским ложам, а французским, — вопрос, которого мы коснемся ниже.

Сейчас мы задержим внимание читателя на эпизоде, относящемся к периоду до первой мировой войны, в котором замешан Ленин, и который имеет некоторые признаки, дающие возможность отнести его к масонству. Мы имеем в виду неожиданное сообщение, появившееся в коммунистическом журнале «Вопросы истории КПСС» № 3, за 1957 год, Москва, издательство «Правда», стр. 176 и др.

Речь идет о письме из России, полученном Лениным в бытность его в Галиции 22 марта 1914 г.: «по своему содержанию оно (это письмо) настолько конспиративно, что долгое время не удавалось установить ни автора письма, ни места его отправки». Теперь установлено, что автором письма является большевик Н. П. Яковлев, бежавший из ссылки в начале 1914 года. А содержание его письма, приводимого только в скупых цитатах, весьма заинтриговавшего Ленина, таково. Яковлев сообщает Ленину, что «в либеральных кругах намечается поворот влево», что отдельные представители этих кругов — «экземпляры, социальный вес и влияние которых измеряется многими миллионами рублей», делают попытку устроить нелегальные «встречи» общественных деятелей из кадетов и прогрессистов совместно с представителями левых партий с целью информироваться о настроениях в различных социальных слоях, чтобы «подготовиться к грядущим событиям». Текст письма не опубликован полностью, но из него, по-видимому, ясно, что речь идет о приглашении, идущем из кругов ненавистных Ленину либералов, и более чем вероятно, что инициатива «встреч» либеральных и социалистических кругов принадлежит масонам, возможно, начавшим проявлять политическую активность: в связи с распутищиной и конфликтами Государственной думы с правительством в стране было достаточно горячего материала для политического оживления.

Ленин клюнул на это письмо прежде всего потому, что со свойственным ему практическим нюхом он почувствовал, что можно получить деньги, и прямо поставил вопрос корреспонденту: «способны ли дать деньги» те группы, с которыми тот вступил в отношения. К сожалению, ответное письмо Ленина тоже дано с купюрами и не дает полного представления о его содержании. «Дорогой коллега, — писал Ленин. — За сообщение очень благодарю. Оно мне очень важно. По моему, на указанных Вами условиях (каких — неизвестно) Ваше участие было вполне правильно и для дела (т. е. для большевиков) полезное. Вашу просьбу (заявить в случае надобности, что Вы не вели никакой игры за спиной единомышленников) я охотно исполню, разумеется, рассчитывая на подробную информацию с вашей стороны». Далее Ленин интересуется, «насколько откровенно» можно говорить с отдельными участниками этих «встреч», как в отношении их тактических планов, в частности, по вопросу, что способны они внести во „внедумскую” борьбу, так и в отношении того, способны ли они и дать деньги».

Повторяем, самый текст писем не опубликован. «Что касается содержания писем», — комментирует свое сообщение М. В. Стешова, по-видимому, сотрудник «Краковско-Поронинского архива В. И. Ленина», то в них речь шла об участии Н. П. Яковлева в конспиративных совещаниях представителей либеральных кругов в Москве, созывавшихся в марте 1914 года для выработки плана «решительного отпора правительству», вплоть до массовых выступлений «вне думы» в связи с назначением председателя Совета министров Горемыкина и «поворотом правительственного курса вправо». Независимо от того, в какой мере правильно здесь оцениваются задачи и характер совещаний либералов (вряд ли кто-нибудь из них разделял мысль о внедумских, да еще массовых выступлениях) и независимо от того, подозревал ли Ленин, что инициатива «встреч» идет от масонских кругов (да и знал ли он что-нибудь о масонах?) можно допустить, что попытка, о которой рассказывает Яковлев в своем письме Ленину и которая встретила положительное отношение Ленина, была акцией масонов.

Нам осталось хоть в сжатой форме осветить два вопроса: 1) вопрос об участии евреев в масонском движении, и 2) о русских масонах в эмиграции. И. В. Гессен в своих мемуарах, приводя известный ему фактический материал о масонах, приходит к выводу, что «безграничное влияние» и «происки», которые приписывали реакционные круги со времени первой революции «жидомасонам», необоснованы, и что прибавка «жидо» едва ли вообще справедлива. Гессен утверждает: «Насколько мне известно, участие евреев в масонском движении было редким исключением и должен признать, что принадлежность А. И. Браудо к масонству мне объяснить трудно». Действительно, он ограничивается только двумя именами масонов: А. И. Браудо и А. Я. Гальперн. К ним, вероятно, надо прибавить Е. С. Кальмановича и М. Г. Маргулиеса. Циркулируют слухи, что Г. В. Слиозберг был масоном, и быть может, в провинции, особенно в Северо-Западном крае, где возникли масонские ложи (Вильно, Витебск), среди них были и евреи. Но познакомившись ближе с составом и деятельностью масонских лож, видишь воочию, что все, время от времени получающие распространение толки о «жидомасонстве» являются лишь выдумкой черносотенцев, сдобренной тайной полицией. В России, особенно в годы 1915-1917, функционировало политическое масонство, но в нем евреи играли ничтожную роль.

Особняком стоит вопрос о русских масонских ложах за границей. В 20-х годах они возникли во Франции. Из их участников наиболее известны Н. Д. Авксентьев, М. А. Осоргин, М. А. Алданов, Ю. Делевский. В Соединенных Штатах, в Нью-Йорке, существует в течение ряда лет ложа русских масонов, которая не только не законспирировала самого факта своего существования, напротив, опубликовала небольшую книгу, посвященную памяти Н. Д. Авксентьева и М. А. Осоргина (Masonic Club Russia. Bulletin № 1, April 1943, N. Y.).

В какой мере масоны, как таковые, пытаются наложить свою печать на русскую политическую эмиграцию, трудно сказать, хотя в начале возникновения в Нью-Йорке Лиги освобождения народов России, построенной на коалиции

разных партий (эсеров, меньшевиков, народных социалистов и беспартийных из старой и новой эмиграции), казалось, что эта попытка имеет масонские источники. От этого представления пришлось отказаться, когда вследствие разногласий по вопросу об отношении к власовскому движению обнаружился раскол в Лиге, и в то время как Керенский сохранял в ней лидерство, из нее ушел М. А. Алданов при письменной мотивировочной декларации. Все же, несмотря на этот эпизод в Лиге, абсолютно нельзя быть уверенным, что масоны, поскольку они существуют (законы биологии распространяются и на них!) притом в засекреченной форме, не стремятся вмешиваться в политику русской эмиграции.

ПОСЛАНИЕ О МАСОНСТВЕ

«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире». (Иоан. IV, 1).

Если к какому-нибудь времени, то к нашему наиболее приложимы эти священные слова возлюбленного ученика Христова и тайнозрителя Иоанна. Наше смутное время весьма скудно пророками, но очень богато лжепророками. Мир оскудел «духом Божиим», но очень богат «духом заблуждения».

«Змий древний, который есть диавол и сатана» (Откровение Иоанна. Бог. XX, 2.) насадил в сердцах людей множество всяких лжеучений, ересей и сект, которыми он прельщает слабых в вере и неискусных в ведении тайн Царства Божия, отвращая их от веры в Бога, в Церковь Христову, в бессмертие души, в загробную жизнь, в будущее воздаяние на суде Божиим.

Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. О нем мы намерены по архипастырскому долгу нашему поведать православному русскому миру.

Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно государственностью христианскою.

В этой интернациональной организации первое место по силе влияния и значения принадлежит еврейской нации, которой присуще богоборство со дня распятия Христа спасителя. Иудаизм исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в мессианских устремлениях к мировому владычеству.

Масонство — непримиримый враг христианства. Оно поставляет своей целью разрушение Церкви, войну со всеми религиями, потрясение основ национальной христианской государственности и организацию революций во всем мире. Известный масон Вольтер некогда сказал: «Раздавим негодницу», т. е. религию. Эта знаменитая фраза находит отклик свой в масонских кругах и по сей день. В 1881 г. бельгийский масон Флери писал: «Долой распятого! Ты, который вот уже 18 веков держишь мир под твоим ярмом! твое царство конечно! не нужен бог!»

— Наша цель не в том, чтобы восстановить индивидуализм, а в том, чтобы смести христианство с лица земли — говорила в том же году учредительница Теософического общества Блаватская.

— Атеист — один из самых славных титулов человечества, знак отличия мировых героев... мучеников... спасителей мира. Никакая философия, никакое богословие не несли миру ничего достойного в сравнении с благой вестью атеизма... честь же и слава этим передовым бойцам прогресса, этому почетному авангарду армии свободы. Честь и слава тому, кто в своем усердии о человеке забыл Бога, говорит теософка Анна Безант.

Видный масон 33-й высшей степени заявил в 1912 году: «Вы чувствуете необходимость раз навсегда покончить с Церковью, со всеми Церквями. Пока мы этого не добьемся, мы не сможем ни продуктивно работать, ни построить что бы то ни было прочное».

В 1813 г. масон Сикар де Плозол говорил: «Есть один мир, который мы не можем заключить, одно разоружение, на которое мы не можем согласиться, есть одна война, которую мы неустанно должны продолжать до победы или до смерти, это война против всегдашних врагов масонства и республики, врагов разума, науки и человеческой справедливости, и эти враги суть все догматы, все Церкви».

Несколько позже, на общем конвенте, раздавались такие речи: «разрушим этот символ ужаса и мерзости, этот очаг мирового злодеяния и возобновим всегдашнюю нашу борьбу. Раздавим негодную. Будем вести борьбу со всеми религиями, т. к. они настоящие враги человечества».

Бельгийский масон Кок заявил на международном масонском конгрессе в Париже: «То, что нам необходимо разрушить, это религию, догматы» и далее: «Путем пропаганды и даже административных актов добьемся того, что сможем раздавить религию».

Испанский масон-революционер Франциско Ферреро в своем катехизисе для светских школ пишет: «Бог — это лишь детская концепция, вызванная чувством страха». Недостаточно победить влияние духовенства и лишит Церковь авторитета... Необходимо разрушить самую религию, постановляет масонский конгресс 1900 года. «Борьба не на жизнь, а на смерть», заявил на этом конгрессе бельгийский гроссмейстер. Знаменательны следующие слова масонских деятелей: «Напомним, что христианство и масонство абсолютно непримиримы, настолько, что примкнуть к одному, означает порвать с другим. В таком случае у масона долг один — надо смело сойти на арену борьбы и сражаться». «Будем работать, будем прясть ловкими и осторожными руками тот саван, который покрывает в один прекрасный день все религии, и тогда мы будем способствовать разрушению во всем мире клерикализма и суеверия, которое от него происходит» — говорит член конвента Великой ложи Франции. Подобных выражений можно было бы привести еще сколько угодно, т. к. ни одно масонское собрание не обходится без выпадов против религии.

Следует отметить, что масонство в своих ритуалах, посвящениях и символике носит ярко кощунственный характер. Так, например, ложа 18-й степени (Розенкрейцерская), украшена изображением голгофы. На кресте изображена роза, над которой помещена таинственная еврейская надпись: I.N.R.I. Заседания ложи открываются в тот час, когда раздвинулась надвое церковная завеса. Церемония заканчивается кощунственным воспроизведением Тайной вечери. Некоторые масоны объявляют себя служителями сатаны: «Мы, масоны, говорит альтмейстер Броклин ложи Лессинг, принад-

лежим к роду Люцифера. Треугольник взамен креста. Ложа вместо церкви». Конечно, существование таких кощунственных ритуалов масоны скрывают, тем не менее они имеют место на верхах некоторых масонских лож.

Если в тайной масонской программе на первом месте стоит борьба с религией, то на втором бесспорно значится борьба с государственностью христианскою, исторически воплощенною в монархическом строе.

Масоны часто отрицают это, ссылаясь на особые статьи своего устава, «воспреещающие всякие дебаты по поводу действий гражданских властей и всякое масонское вмешательство в борьбу политических партий», но, как и многое другое, эти статьи устава масонских лож служат лишь для того, чтобы легче обманывать неосведомленных людей. Так, в заседании своем от 12 апреля 1884 года Великая ложа Франции постановила: «Отменить за ненадобностью пункт конституции, по которому Великая Ложа отказывается от обсуждения политических вопросов», но в официальном бюллетене Великого Востока Франции за 1886 год мы читаем: «Одно время существовало не столько правило, сколько простая формальность, заявлять, что масонство не занимается ни вопросами религии, ни политикой. Под давлением полицейских предписаний, мы вынуждены скрывать то, что является нашей единственной задачей». Тем не менее в официальных статутах статья устава, воспреещающая вмешательство в политику, сохранена. Из этого можно видеть, насколько можно доверять официальным статутам масонских лож. Ряд авторитетных источников свидетельствует, что во всех революциях XVIII, XIX, а также и нашего века, масонство принимало самое живое участие и имело очень большое влияние. Масонские издания и по сей день поддерживают это и даже гордятся этим. Не раз они отмечали, что революционный девиз: «Свобода, равенство, братство» искони является девизом масонства. Масон и каббалист Папиус утверждает, что «революции суть применение конституций масонских лож к обществу». Русскую революцию 1905 года один масонский журнал приветствовал словами: «Все республиканцы, и в особенности масоны, должны выразить самые горячие пожелания скорейшего триумфа русской революции». Но это в прошлом. А что же масоны говорят в настоящем? В 1923 г. на одном собрании

ложи города Канже было сказано: «Масонство, которое играло первенствующую роль в 1789 году, должно быть готово выставить кадры для революции, всегда возможной».

«Братья, — читаем мы в другом номере того же официального бюллетеня, — позвольте мне выразить еще надежду на то, что масонство, коему история обязана революциями национальными, сумеет сделать и более крупную революцию — интернациональную».

Следует отметить, что масонские деятели всегда отождествляют безбожную республику и социализм, не гнушаясь даже союзом с коммунистами, прикрываясь, однако, девизом: «свобода, равенство, братство». Председатель Великого Востока Франции Десмон дает такое определение республики: «Для меня республика означает: антиклерикализм, антимилитаризм, социализм». «Только благодаря союзу левых, главной ячейкой которого будет ложа, мы восторжествуем, — говорится в отчете упомянутого конвента. — Мы должны сгруппировать всех республиканцев и даже в союзе с коммунистами выработать программу».

Таким образом, масоны сами подтверждают свою связь с коммунистами и с разрушителями нашей родины. Под знаком масонской звезды работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки масонским. 15-летнее наблюдение над разрушением нашей родины воочию показало всему миру, как ученики подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, Церковью, с христианской нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой, и со всем тем, что создало и возвеличило нашу Родину.

Не можем не отметить и того, что наш тяжкий церковный раскол имеет своим первоисточником все то же растлевающее масонство, с его различными организациями и деятелями, проникшими в церковно-приходские учреждения для расстройств и разложения церковной жизни. Надев на себя тогу ревнителей православия и христианского просвещения, они с такой хитростью и лицемерием, через посредство денег

и печати, обольщают доверчивых и несведущих людей, заражают их ядом модернизма и отвлекают от истинной христовой Церкви. Русская эмиграция сильно отравлена масонством.

Обычно русские масоны стараются отмежеваться от мирового масонства, утверждая, что русские ложи якобы не имеют ничего общего с ложами других стран. Но такие заявления не соответствуют истине. Масонство имеет определенную организацию. Отдельные масонские ложи, возглавляемые председателем, объединяются в федерацию, во главе которой находится административный орган или совет. Ежегодно центральный орган собирает общее собрание из представителей всех лож данной федерации, причем эти представители избираются ложами одновременно с другими должностными лицами. Таким образом, ни один масон не может не знать, к какой федерации его ложа принадлежит. Русские ложи распределены по многим странам и носят характерные названия: Астрея, Северное сияние, Юпитер, Гермес и др. Ни один русский масон не может утверждать, что не имеет ничего общего с безбожным масонством других стран.

В 1923 году видный русский масон Кузьмин-Караваев заявил на конвенте Великой Ложы Франции: «Мы все, русские беженцы, ваши ученики; мы учимся, как сделаться хорошими масонами, чтобы иметь возможность провести в жизнь масонский девиз: свобода, равенство и братство».

Заявление, что русское масонство за границей является какой-то отдельной и независимой организацией, содержит в себе неправду.

Масонство едино, несмотря на некоторую разницу ритуалов, даже на некоторую кажущуюся, вернее, показную рознь. Весьма часто слышны речи, будто существует масонство «хорошее» и масонство «дурное», однако в речах и писаниях видных масонов мы постоянно встречаем указания на единство мирового масонства, несмотря на видимую в нем рознь. (В основу всех масонских статутов положена так называемая конституция Андерсона). Брат Кольсон пишет во Всемирных масонских «Анналах»: «Нет иностранцев под нашими колоннами» (т. е. в ложах). Общеизвестный масонский авторитет брат Рагон заявляет: «Основной характер масонства — это ин-

тернациональность. Массонство едино и всякий ритуал или нация, отстающие от этого принципа, заблуждаются и отходят от масонского пути... Мы не понимаем настоящего масонства, которое могло бы называться английским, шотландским, французским, американским, и т. п. Имеется ли математика английская, шотландская, французская? Нет, есть только математика и также есть только масонство. Некоторые особенности в ритуалах, церемониях и формах приема недостаточны, чтобы национализировать масонство, вопреки его претензии на интернациональность.» Массонство едино, и разнь между различными ритуалами лишь показная, для широкой публики. Принадлежность к этому ритуалу отнюдь не исключает данного «брата» из другого, якобы враждебного ему ритуала. Каждый масон высшей степени обладает и первыми тремя степенями и в качестве мастера является полноправным членом любой ложи земного шара. Всякий масон, какой бы федерации он ни принадлежал, должен вследствие этого нести полную ответственность за ту антихристианскую и антигосударственную работу, которую ведет единый масонский орден, и тот, кто скрывается от этой ответственности за национальными или ритуальными этикетками, или обманывает сам себя, или допускает сознательную неправду.

Указав на вредную деятельность масонства, мы не можем не упомянуть о столь же губельных учениях и организациях, сродных с ним, находящихся с ним в тесной связи и зависимых от него, каковы: теософия, антропософия, «Христианское знание» и ИМКА.

К глубокому нашему сожалению, эти общества имеют широкое распространение среди нашей эмиграции. Посему мы и считаем своим долгом предупредить нашу русскую паству от столь опасных учений и организаций и призываем всех наших духовных чад не иметь с ними никакого общения.

Принимая во внимание все вышеизложенное, Священный собор определил:

1. Осудить масонство, как учение и организацию, враждебную христианству и революционную, направленную к разрушению основ национальной государственности.

2. Осудить также все сродные с масонством учения и организации: теософию, антропософию, «Христианское знание» и ИМКА.

3. Поручить епархиальным преосвященным и начальникам миссий преподавать подведомому им духовенству указания, необходимые для борьбы с указанными вредными учениями и организациями, и для предупреждения православной русской паствы от увлечения ими или от участия в их вредной деятельности через посредство духовной проповеди, внебогослужебных бесед, печати, преподавания Закона Божия в учебных заведениях и особенно через исповедь.

4. Вменить в обязанность пастырям Церкви спрашивать приступающих к исповеди, не состоят ли они в масонских организациях и не разделяют ли этих учений, и, если окажется, что состоят или разделяют, то разъяснить таковым, что участие в указанных организациях несовместимо со званием христианина — члена христовой Церкви, что таковые должны или решительно отказаться от масонства и сродных с ним учений, или, если они этого не исполнят, не будут удостоиваться Св. Причастия и при дальнейшей неприкаянности будут отлучаться от Св. Церкви.

Преподав вам наши Архипастырские указания относительно врагов божиих и врагов вашего спасения, мы хотим напомнить вам Апостольские увещания: «Возлюбленные! Имея все усердие писать вам об общем спасении, я почел за нужное написать вам увещание — подвизаться за веру, однажды преданную святым... назидая себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа для вечной жизни». (Иуд. 3, 19-21).

«Всякий рожденный от Бога, побеждает мир, и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть сын Божий... Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1-ое Иоанна V, 4,5 и 10-20). Аминь.

Председатель Архиерейского собора Русской Православной Церкви за границей

15/28 августа 1932 г.
День Успения Божьей Матери
Сремские Карловицы, Югославия

Митрополит Антоний
Знамя России
18 июня 1953 г.
№ 87

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

МАСОНЫ В ЭМИГРАЦИИ

Из бумаг Н. П. Вакара

Письмо Д. Шереметьева, 12.10.23

В. . Л. . бр. . Николай Платонович,
по правилам Л. . Астрейя каждому вновь посвященному назначается бр. . 3-го град. ., на обязанности которого лежит разъяснение и инструктирование учеников, дабы они, получив соответственную подготовку, могли быть посвящены в 2-ой град. ., и затем уже самостоятельно поработать над собою и проникнуть в тайны Мас. .

В силу этого руководителем Вашим назначается бр. . Б. В. Дуобри, с каковым прошу вас находиться в возможно частых общениях вне наших собраний и обращаться к нему за советами и разъяснениями во всех случаях, когда Вам нужен бр. . совет.

По пор. . Дост. . Маст. .
— секретарь Дм. Шереметев.

То, что мне сообщено о Братстве вольных Каменщиков применительно к 1-ому Градусу, улеглось в моем сознании как две части: путь, пройденный Братством, и путь, предстоящий Братству.

Черпая в прошлом заветы для будущего, я особенно остановил внимание на трех явлениях:

1. Задача укрепления духовного единства общенационального Братства Вольных Каменщиков требовала творческого сочетания универсальной идеи Братства с национальной душой народов. Многообразие и изменчивость исторических форм всемирной масонской организации и одновременный рост ее внутренне-духовного единства свидетельствуют, что путь Всемирного Братства — путь братства наций-индивидуальностей по типу братства индивидуумов-людей.

2. Братство Вольных Каменщиков не представляет собою церкви или религиозного сообщества. Обряд посвящения в Братство и в степени внутри Братства хотя и обладает магическим смыслом и силой, однако *безблагодатен* по самой своей природе.

По свидетельству Вирта, до издания папой Климентом XII буллы от 28 апреля 1738 года Братство Вольных Каменщиков с радостью принимало и возводило в наивысшие степени представителей белого и черного духовенства, не подвергая их ни предварительному опросу, ни обычному ритуалу, но исходя из сознания, что ими уже получено иное и высшее, благодатное посвящение духом Святым в Церкви Христовой.

С другой стороны, и теперь еще внутри Шведского Братства существует особый и высокий Орден (Карла XIII), число братьев в котором не превышает 30 и непременно включает в себя 3-х представителей Церкви.

И всей душой мне хочется, чтобы эта традиция, оставленная и забытая многими Л. . Л. . , вновь ожила в Братстве Вольных Каменщиков России.

3. В Америке и в большинстве европейских стран ББ. . В. . К. легализированы, и охранение братьями тайн Братства скорее имеет символическое значение, чем практическое. *Практическое же дело охранения организационных тайн*

ББ.·. зиждется не столько на рвении Братьев, сколько на законах и порядках страны.

Однако, такое положение создалось не сразу. Повсюду оно явилось результатом долгой, утомительной и упорной, сугубо тайной, и в подполье, работы ББ.·.

В этом опыте раскрывается путь и завет русскому Братству. Этот опыт налагает на нас, Русских Братьев, бремя сугубого молчания и сугубого охранения Великого Искусства от русских невежд, пока мы же сами не подготовим и не осуществим свободы для ББ.·. в России.

* * *

«То, что вверху, подобно тому, что внизу, и то, что внизу, подобно тому, что вверху». (Из Скр. — Герм Тр.).

Микрокосмос и Макрокосмос — два отражения беспечного и скрытого в первых 10 числах, в Десяти Сефиротах, — Трех Треугольниках, возвращаемых в ОДНО.

Между Богом и человеком есть еще одна жизнь, подобная Обоим. Человечество, дробящееся на Расы, Нации и человеческие Общества.

Сознание В.·.К.·., как и христианское религиозное сознание, не должно знать антиномии «человека» и «общества». «Кесарево кесарю, а Божие Богу», но и Кесарь должен знать: — «Божие Богу, а человеческое человеку». В творческом развитии личности — залог благосостояния общества и нации; в нации и обществе — залог творческого развития личности.

В физическом плане ни общество, ни нация не осязаемы, если не облечены в физические формы. Создание и совершенствование этих форм и есть задача общественного и государственного строительства.

Строительной силой является свободная личность человеческая, воздвигающая формы государственной жизни в процессе солидаризирования индивидуальных интересов, вынося из их антагонистического многообразия интерес объединяющий — общий.

И здесь мысль моя снова возвращается к символам первых ТРЕХ чисел и их закону.

Дабы ввести меня в тайны Великого Искусства, мне даны четыре первых числа и, применительно к моему состоянию ученика, мне сообщен их смысл.

В этих величайших символах, раскрывающих Единство — через Раздвоение — в Троичность, и Троичность — через Кватернер — возвращающих в Единство, мне сообщается первое знание о тайне Мироздания и Божественном Законе и дается ключ к тайне высочайшего и последнего знания.

Закон первых четырех чисел определяет не только Космическую сущность, но особенно раскрывает мне, Ученику, смысл личной земной жизни и личного земного мирозерцания.

Закон этот, утверждая с одной стороны — непрерывное и [...] Гое* нисхождение духа в материю, творящее бесконечное многообразие форм и явлений //, с другой — непрерывное очищение материи, претворение ее в жизнь и дух //, определяет смысл земного существования, как ковку душ человеческих в горниле непрерывной борьбы. И, думаю, если бы окончилась земная борьба, то не мог бы все-таки осуществиться желаемый невеждами «земной рай», ибо прекратился бы самый смысл существования человечества на земле.

Человеку дана свободная воля бороться на путях ли восхождения духа (эволюция), или на путях его нисхождения (инволюция), или одновременно на тех и других. Но всюду закон борьбы определяется законом Бинера, и претворение Бинера в Тернер являет этапы борьбы. На этом непрерывном пути *достигнутая* вершина треугольника немедленно становится *пройденной* точкой для построения треугольника нового.

Тернер образуется из Бинера двойной методой — синтезом // и анализом //, подобно закону об общем наименьшем кратном и общем наибольшем множителе.

Путь познания для В. К. есть путь просвещенного соединения обоих метод //.

* Часть слова утрачена. — Прим. ред.-сост.

Замыслом Божиим // человек поставлен на эволюционном пути //, и тайну сего поставления трудно определить лучше, чем словами Преп. Симеона Нового Богослова: «Бог, пришедши в мир и сделавшись человеком, принес людям два великие блага: соединил естество Божеское с естеством человеческим,.....и в этого человека, сделавшегося Богом по благодати, таинственно вселялась ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА» (Т. 1. Сл. 10).

Париж, 8 ноября 1923г.

Письмо Кандаурова
Париж 24.11.23.

Дорогой Николай Платонович,

посылаю Вам обещанную книгу, которую прошу Вас возвратить мне через месяц.

Одновременно с сим делаю распоряжение о том, чтобы через указанное Вами учреждение была послана Ольге Дмитриевне Столяревской, на адрес которой бр. . бр. . Московской Р. . К. . Ложи просили направлять пожертвования, вещевая посылка стоимостью 20 долл., и чтобы через месяц ей же была послана еще вторая такая же посылка. Не откажите, если имеете к тому возможность осведомить бр. . бр. . П. М. и Д. П. Казначеевых, что обе посылки предназначаются им, для распределения по их усмотрению между бр. . бр. . Л. ., и исходят от русской Ф. . М. . организации Д. . П. . Ш. . У. .

Искренне Вам пред. .

Кандауров.

Записка Досточтимому мастеру

23 января в Ложе «UNION DES PEUPLES» в храме на rue Puteau состоялось Сообрание, посвященное «прославлению Сатаны».

Побывав на этом собрании, я счел своим масонским долгом доложить о виденном и слышанном Досточтимому Мастеру нашей Ложи с просьбой обсудить этот случай в братской среде.

В беседе с Досточтимым Мастером и Первым стражем было признано целесообразным произвести обсуждение этого случая в одной из французских Лож, именно же в Ложе «L'HEROS DE L'HUMANITE». Соответственное выступление одного из наших братьев в Ложе «L'HEROS DE L'HUMANITE» было намечено на 7 число сего марта месяца, однако в означенный день не могло состояться.

Дальнейшее откладывание обсуждением этого вопроса грозит вообще снятием его с обсуждения за накапливающейся давностью.

Признавая однако случай «прославления Сатаны» одной из Лож братства событием существенного значения для масонского сознания и обычая, и руководствуясь ст. 23 главы VII Конституции Великой Ложи Франции и параграфов 108, 203 и 240 Общих Правил Великой Ложи Франции, измененных Конвентами 1909 и 1922 гг., я прошу братьев ходатайствовать перед Досточтимым Мастером о включении в повестку ближайшего Собрания Ложи пункта об «Обсуждении случая ПРОСЛАВЛЕНИЯ САТАНЫ, имевшего место в одной из Лож Великой Ложи Франции».

Предложение мое делаю для пользы Ордена вообще и Ложи Астрея особливо.

Письмо Ф. Ф. Макшееву
Париж, 24 января 1924 года

Дорогой Федор Федорович,

Предпочел бы в устной беседе изложить Вам то, о чем пишу, но не могу повидать вас в ближайшее воскресенье, а тем паче в будний день. Считаю же необходимым поделиться с Вами следующим.

В Бюллетене на истекшую неделю я прочел, что в среду, 23 января, в 21 ч. 30 мин. на rue Puteau, «UNION DES PEUPLES» объявляет «Tenue consacree A la gloire de Satan».

Ошеломленный объявлением я почел правильным преодолеть чувство душевного возмущения и присутствовал на состоявшемся вчера «прославлении Дьявола».

С некоторым опозданием против назначенного часа прославление началось кратким и туманным вступлением Досточтимого Мастера Ложи. Затем на Восток взошел брат Нумегу и приступил к чтению Акафиста.

Это подлинно был не то сатанинский Акафист, не то миссионерская проповедь сатаниста. Речь была именно так построена не только с внутренней, но и с внешней стороны (каждый абзац кончался напевным ритурунелем «O, Satan, Frere des Hommes»!).

Но в «докладе» была и «историческая» и «философская» часть. В этой области докладчик обнаружил существенное невежество, однако заявил, что «сатана защитник человека от Божественной справедливости» (понятнее было бы сказать — «эксплоатации»), «поборник человеческого права против божественной деспотии», «истинный источник света», и т. п. Указав, что за так называемую «божественную любовь» человеку естественно платить Богу ненавистью и злобой, сообщив, что «сатана это и есть человечество», проповедник закончил гимном Сатане, приспособив для этого известные стихи Бодлера. Вывод из проповеди для слушателей мог быть только один: ПРИДИ, ПОКЛОНИСЬ И ПРОСЛАВЬ. И если этот вывод не был подчеркнут в докладе, то, по-видимому, по той причине, что был вынесен в заглавие доклада и самого собрания.

В заключительном слове Досточтимый Мастер Ложи поблагодарил брата Нумагу за «интересное и захватывающее» сообщение и, очевидно соблазненный словами «Satan, Frere des Hommes», подчеркнул присутствующим и вновь посвященным братьям «истинно масонский характер» заслушанного «доклада». На предложение высказаться по поводу заслушанного желающих не обнаружилось. Почему, не знаю. Я не потребовал слова по двум причинам: во-первых, будучи возмущен и взволнован до глубины души, я не совладал бы с французской речью; во-вторых, я рассудил, что целесообразнее избрать для протеста иной и более действенный путь. К нему я и прибегаю.

С тяжелым чувством я уходил. Как если бы при мне оскорбили самое мне дорогое, самое близкое сердцу, самое любимое, а я попустил, не защитил, дал оскорбить. Оскорблены во мне моя вера в Бога, любовь к Нему, оскорблено мое братское доверие, с которым я вошел в масонство.

Одно из двух: либо то, чему я был вчера свидетелем, есть некая программа, сознательно и намеренно проводимая в Братстве частью братьев; либо оно есть проявление цинической распушенности и духовного хулиганства части братьев. В обоих случаях я не могу быть их собратом.

Я знаю, что Братство учит быть терпимым к чужому мнению, к чужой вере и убеждению. Но братство также учит, что терпимость к чужому мнению не должна вырождаться в циничность собственных суждений. Я должен и я могу быть терпим не только к иной вере в Бога, но и к безбожию, но я не могу быть равнодушным перед лицом Богоборчества. Поэтому от полного убеждения и от всей души я возражаю против того, что было явлено вчера.

В масонстве слишком многое предпринято для того, чтобы обеспечить братьям свободу безверия. Я знал это, но я также имел право полагать, что обеспечена и свобода веры. Братья мои по «Union des Peuples» нарушили ее, ибо напали на мою веру и оскорбляли моего Бога. И вот потому, что оскорблена вера и любовь не только моя, но многих из нас, что попрано уважение не только к моей духовной свободе верить и любить, как верую и люблю — я прошу защиты и суда.

Досточтимый и дорогой Мастер, пишу я эти строки с глубокой болью оскорбленного братского чувства, с тревогой за Братство.

Не знаю, какие меры Вы сочтете необходимым предпринять для охраны Братства от намеренно ли враждебной ему пропаганды, от хулиганских ли выходов в его среде, одинаково разъедающих душу Великого Дела, но если было бы угодно Вам знать мое убеждение, то я полагаю, что Ложа «АСТРЕЯ» должна представить в Conseil Federal формальный и мотивированный протест, добиться обсуждения этого протеста и решения по нему*.

Я же по религиозной моей совести, если в Братстве не будет явлена воля к ограждению от оскорбления со стороны братьев религиозного чувства верующих, должен буду покинуть братство, ибо, стало быть, попал не туда, куда думал попасть. Незачем находиться в среде, которая не уважает того, что для меня дороже этой самой среды. Так же, думаю, рассудят и поступят и другие наши братья, искренне верующие и искренне преданные своей вере.

Преданный Вам [Вакар]

* Тем более что вчера нас, братьев «Астреи», было числом 8, и мы были приняты за делегацию от «Астреи».

Письмо Д. Шереметьева

RITE ECOSSAIS ANCIEN ACCEPTE

A. · L. · G. · D. · G. · A. · D. ·

L'U. · D. · L'U. ·

a. · n. · d. · l. · g. · l. · de f. · et

l. · a. · d. · s. · c. ·

Or. · de Paris, le 16 июль 1924

В. · Л. · Бр. ·

Николай Платонович,

по поручению Дост. · Маст. ·, прошу Вас, в виду Вашего неприбытия на посвящение во 2-ой градус на инструкционную ложу «Астрея», (состоявшуюся весною) — прибыть завтра, четверг, к 5-и час. 45 мин. на Торж. · Собр. · Л. · «Северное Сияние» (во 2-ом го. ·) для посвящения во 2-ой градус, необходимого Вам для получения степени Мастера.

С Бр. · прив. ·

Секр. · Л. · «Астрея»

Дм. Шереметев

Брату: Н. П. Вакару.

СОЦИАЛИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

[Начало апреля 1925 г.]

(Тезисы к докладу бр. . Чайковского)

1. Все освободительные движения новейшей истории черпали свое духовно-правовое содержание и волю к действию из двух заветов Христа человечеству: *внутренне-свободной человеческой личности и апостольской общины*, возглавленной Духом Божиим.

2. Социализм есть позднейшая ветвь освободительного движения мятущегося человечества в поисках гармоничных форм *одухотворенной общественности*.

3. Социализм имеет свою историю и эволюцию. *В первом периоде* ее, в эпохи двух английских и великой французской революции до 40-х годов XIX ст., он проявлялся в утопических учениях и школах, искавших плана совершеннейшего человеческого общества, исходя при этом всегда из доисторического «естественного права» (требований «Природы» и «Мирового Разума»). Это был социализм утопически-созидательный и мирный, но практически безуспешный.

4. *Во втором периоде*, после революции 1848 года, социализм делается воинственным, возглавляется учением Маркса о классовой природе человеческого общества, первенствующем значении рабочего класса (пролетариата) и развивается при постоянной перспективе гражданской войны; но остается все-таки эволюционным. Его воля к действию мотивируется уже конкретными требованиями классовой политики. Рабочие организации в этот период достигают огромных размеров и выделяют из себя рабочие политические партии, которые имеют две программы — *максимум и минимум*. Первая служит для целей пропаганды принципов движения и не выполняется, а вторая — служит для проведения через парламенты социальных реформ в интересах «пролетариата», опираясь на свои рабочие организации путем выборов, прессы и стачек, т. е. все-таки легальными средствами.

5. Но в критические моменты истории той же программой *максимум* пользуются стоящие вне социалистических партий анархические элементы для осуществления своих безумных планов немедленной социальной революции во что

бы то ни стало, которые ведут к разложению человеческого общества и выдергивают почву из-под ног социалистических партий.

6. Это вызывает новый кризис социализма, разрешающийся вступлением его в *третий период*, который является синтезом социализма (числом «3»): в рабочих организациях происходит поворот от увлечения стачками («синдикализма») к практически выполняемым планам социального строительства в масштабе национальной промышленности и государства (Гильдейский социализм), кооперативное дело приобретает новое, небывалое значение и развитие. Среди рабочих партий замечается поворот к реформизму и отход от программы максимум.

7. В этом третьем периоде делается возможным конкретное разрешение социальной проблемы, которому будет недоставать лишь *одухотворения*, что составляет нашу задачу.

При работе над восстановлением России от нас будет требоваться определенная творческая позиция в социальном вопросе. Поэтому мы русские масс. должны заранее овладеть духовной тайной этого движения.

Доклад Н. П. Вакара в Ложе „Северное сияние”
[февраль 1926]

«В. каменщик, если он искусен в ремесле, не будет ни безрассудным атеем, ни безбожным распутником».
(I ст. Конституции Андерсена).

Первое, что ясно разуму каменщика, даже не ставшему искусным в ремесле: на земле нужно не просто существовать, но жить.

В. каменщик способен сам избирать свой жизненный путь.

Сухое восприятие академических истин, запоминание символизированной мудрости, изучение *техники* мастерства — способны дать при этом выборе все, что нужно ищущему уму и пылающему сердцу, чтобы *понять* нужное направление пути. Но недостаточно одного только понимания, чтобы вступить на этот путь: невозможно вступить на этот путь и идти по нем, *не пережив сердцем того, что воспринято разумом.*

Жизненный путь каменщика есть не столько путь познания, сколько путь *переживания*, осознанного и претворенного в знание: только так *воспринятое* от братьев может быть *отдано* братьям. Жизненный путь в. каменщика есть творческий путь по преимуществу, но невозможно сотворить из себя то, чего в тебе нет: из небытия творил только Бог.

Чтобы быть творческим последователем высоких истин, в. каменщик должен, познав их, пережить их в себе и духовно *преобразиться*. Только тогда на пройденном пути останутся от его ног следы, по которым возможно будет ступать всем, идущим вслед за ним; иначе след занесется ветром и развееется.

Избрав свой жизненный путь, в. каменщик должен вступать на него «сведя разум в сердце»: искусным в ремесле он станет только тогда, когда станет *переживать* его как художник свое искусство, как музыкант свою музыку, как проповедник слова Божия свою проповедь.

Но пути разные перед каменщиком.

Из них он должен избрать для себя тот, который, по его разумению и по его совести, может дать ему его наибольший

духовный рост, на котором он, действительно, может созреть для получения высоких степеней братства.

В трех направлениях расходятся все жизненные пути: к Богу, к людям и к самому себе. И чаще всего люди ходят по третьему пути, самому короткому и близкому, и выбирают на этом пути накатанную дорогу, за стенами которой уже ничего не видно, кроме удовлетворения простейших потребностей. И на этом пути, как на всяком жизненном, происходит внутренний рост человека: но растет человек, как карликовое дерево: в стороны и к земле.

Ходят люди и по второму пути. Но чаще всего, минуют человека, спеша к человечеству. И бывают человеконенавистниками в жизни, отдавая себя воображаемому человечеству в мыслях и поступках: они охотно приносят в жертву и себя и живых людей обездушенным выкладкам мозга об «арифметически среднем человеке», стройному ряду цифр об обездушенных потребностях безликого человечества, или народа, или общества. И на этом пути также происходит внутренний рост идущего по нем: растет он, как луковица в погребке — без радости, худосочно и криво.

Мало кто вступает на первый путь. И часто вступают не для того, чтобы идти по нем, а чтобы скрыться с других путей: душа его варится в собственном соку и иссыхает.

Все эти пути стоят и перед в. каменщиком.

И если он искусен в ремесле, он должен вступить на все три сразу: идти путем всех их трех, осуществляя синтез: — Мудрость, Красота и Сила.

Для этого в. каменщик должен быть разумен, вынослив и чувствителен.

По слову Симеона Нового Богослова, божественная мудрость (благодать) «бывает видима только тогда, когда сойдет в разумную душу». В. каменщик должен уметь вслушиваться в голос Высшего Разума, правящего миром, уметь же научиться тогда, когда с верой откроет ему свой слух и свое сердце. Мало для этого верить только в *существование* Бога, нужно верить в *Бога*. Итти же к нему в. каменщик должен не с «жертвой», а с «милостью», не со страхом, а с радостью, и услышит его голос, *если захочет слышать*. Только тогда его немудрая деятельность преобразится в мудрое творчество.

Невозможно вынести служения людям, не имея *живой любви* к людям: и нельзя любить *людей*, ненавидя *человека* или будучи к нему равнодушным. Для в. каменщика путь творчества на пользу человечества лежит *через* путь работы на пользу своей Родине.

Когда душа наполняется голосом божественной мудрости и чувством родства и близости к людям, сама собою, указанием собственной совести, определяется личная мораль и правила личного поведения человека. От полноты душевной человеку свойственно тогда делиться и множиться — творя семью; непосредственное отдавание близким своего душевного мира возвращает ему его духовные силы умноженными и освеженными, воодушевляя его на новые творческие усилия, питая духовный рост — как земля цветущий стебель под солнцем.

Можно стоять внешне только *на* одном из этих путей, но духовно быть *на* всех трех: служа Богу, служить Родине и семье; служа Родине, быть угодным Богу и любимым семьей; служа семье, служить Богу и Родине.

Сказка Рабиндраната Тагора.

Вывод: услышав голос божественной мудрости, в. каменщик по любви к людям должен оставаться среди них, в миру осуществляя познанную истину.

Письмо Н. Наумова
3-е извещение
Париж 5 декабря 1926г.

В. · Люб. · Бр. · Вакар

По поручению Дост. · Маст. · Д. · Л. · Астрей имею честь уведомить Вас, что за Вами числится недоимка

	за 1924 год фр. —	30
	" 1925 " " —	45
членский взнос	1926	— 60
ИТОГО		— 135.

Ежегодный членский взнос 60 фр. *подлежит уплатить вперед* полностью или по полугодиям и четвертям. Пар. 7 и 8 уст. · Л. ·

В виду полного отсутствия средств в кассе нашей Л. · убедительно прошу Вас внести эту сумму в ближайшее собр. · Л. · или переслать чеком или почтовым переводом по нижеуказанному адресу до 1-го ноября с. г.

В случае неуплаты Вы лишаетесь права голоса на предстоящем выборном собр. · № 74 устава Вел. · Л. · Франции.

С бр. · приветом
казначей Л. · Астрей Н. Наумов

Адрес:
Mr. N. Naoumoff
16 av. de la Gare a Argenteuil S.&O

Письмо В. Л. Вяземского
Париж, 16 декабря 1926 г.
51 rue Sain Peacide VI

Дор. · бр. · Николай Платонович,

Что с Вами? Мне кажется, мы с Вами не видались целую вечность, т. к. я, будучи 2 месяца в Польше, не был даже на Вашем докладе в Сев. · С. ·. Но то Сев. · С. ·., а где же Ваша преданность родной Астрее?! Позволю себе все это Вам писать и в таком тоне, потому что мне всегда казалось, что на многое мы с Вами смотрим одинаково, как будто и работали в одном направлении, а теперь вдруг, не предупредивши, Вы определенно «будируете» Астрею. Не зная, чем это объяснить, я очень хотел бы с Вами повидаться, дабы в предстоящем году, на какой-то бр. · бр. ·. имели неосторожность вы-брать меня Д. · М. ·. мне было бы ясно Ваше отношение к Астрее, и я надеюсь, Вы не лишите нас Вашего сотрудничества в деле, которое, я думал, Вам и мне одинаково дорого.

Искренно бр. · Вам преданный

В. Вяземский

Письмо В. Л. Вяземскому
Париж, 20 декабря 1926

Дост. . Мас. . и дорогой бр. . Владимир Леонидович,

Вы правы, я сам уже не помню, сколько времени я не бывал в «Астрее». Основная причина — перегруженность мирскими делами: работаю в среднем от 9 час. утра до 1 часу ночи и не имею праздников; в те же редкие дни, когда выдается свободное время, откровенно скажу, нет большой охоты итти. Как-то так вышло, что в редкие мои посещения мне каждый раз приходилось выступать в некотором смысле «оппозиционно», и создавалось довольно глупое положение: на шумел и ушел, скрывшись на месяцы; снова пришел, на шумел и опять исчез на месяцы... Вместо того, чтобы *редко* ходить, я поэтому предпочел *совсем* не ходить. И думаю, поступал правильно.

С некоторого же времени мне все тверже хочется не только не ходить, а просто *выйти*. К чему числиться, раз нет возможности принимать участие в общей работе? В пользу такого решения есть, к тому же, и другие существенные поводы — о них при личном свидании. Но я тяну, потому что жаль все-таки рвать и расставаться со средой, в которой за это время приобрел ряд новых друзей. Так, кажется, и буду тянуть... Корень всего зла — моя занятость; если бы не она, дело моего участия в работах «Астреи», конечно, стояло бы иначе.

Я искренне рад, что руководство ими [работами] теперь перешло к Вам, и от души приветствую Вас на новом ответственном посту. Враждебности у меня к «Астрее» как Вам, повидимому, кажется, судя по тону Вашего письма, у меня нет; недовольства тоже — просто потому, что я уже год не знаю, что в ней делается. Сотрудничать, особенно же с Вами, вполне готов... если бы проф. . дела хоть отчасти раскредостили меня. Доклад мой в Сев. . С. . произошел случайно: я предложил его прочесть в «Астрее» или любой Л. ., бр. . которые интересуются церковными делами, мне и предложили Сев. . С. . Вышло сие не по моему решению.

Душевно рад бы повидаться с Вами — в письме всего не скажешь, и ничего не выяснишь. На праздники, однако, уез-

жаю в Англию и вернусь в начале января. Черкните мне тогда и когда Вам было бы удобнее свидеться. Пока же искренно желаю Вам преуспевания на новом посту, бодрости и просветленного духа.

Бр. . Вам преданный.
[Вакар]

Б.И. Николаевский

РУССКИЕ МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Редактор В.Н. Пекшев

Художник И.Е. Сайко

Подписано в печать 25.06.90. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.
Бумага офсетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,0
Усл. кр.-отг. 13,25. Уч.-изд. 11,65 л. Заказ 12 21.
Тираж 200 000 (1-й завод — 1 - 100 000) экз.
Цена 6 руб. 90 коп.

Ассоциация совместных предприятий международных
объединений и организаций.

Издательский центр «ТЕРРА». Москва, 2-й Новоподмос-
ковный переулок, 4.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Госком-
печати СССР.

150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.